Бор. ф.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. В. ЛАВРОВ

УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА и МЫШЛЕНИЯ им. акад. Н. Я. МАРРА

Б. В. ЛАВРОВ

УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

EB_1941_AKS_247

Ответственный редактор
акад. С. П. Обнорский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет целью представить развитие сложно-подчиненных условных и уступительных предложений в древнерусском языке (до XVIII в.).

Материалами служат памятники древнерусского языка, представляющие различные литературные жанры и отражающие язык различных социальных групп. Иллюстрации даются как из памятников делового и разговорного языка, так и из церковно-религиозной литературы, но разница их всегда учитывается и всюду почти оговаривается. В основном для древнейшего периода (XI—XV вв.) примеры даются, с одной стороны, из актового материала, с другой — из летописи. Этим отражены две основные линии русской письменности того времени: почти вполне свободный от болгаризмов русский язык центральных и низовых канцелярий и стоящий под сильным болгарским влиянием язык художественно-исторических повествований, не так уж резко отличающийся от явно церковно-болгарского языка житийной литературы. Для следующего периода (XVI—нач. XVIII в.) было больше возможностей представить образцы языка делового и даже разговорного (грамоты и частная переписка), а также и языка художественной литературы, почти свободной (судя по тематике) от церковного влияния.

Взято много примеров из Аввакума, из переписки Петра I, потому что язык Аввакума отражает не только в фонетике и морфологии, но и в синтаксисе следы разнородных влияний, между прочим и влияние родного ему Григоровского говора. Еще более широко использованы показания такого памятника, как „Сборник пословиц XVII в."[1] и записи Кирши Данилова. Фольклор вообще, несмотря на специфичность его как литературного жанра, привлекает внимание со стороны языка, так как в нем диалектные явления получают достаточное отражение. В настоящей работе фольклор иногда даже должен был заменять показания современных говоров, так как специальные собрания материалов по диалектологии представляют совершенно недостаточный материал для суждений о синтаксисе в диалектах: в них очень редко встречаются записи связного текста.

В работе рассматриваются и условные и уступительные предложения, так как логические связи, на основе которых два предложения объединяются в одно сложно-подчиненное условное или уступительное, очень близки, и это сходство отражается в безразличном употреблении некоторых союзов и в условном, и в уступительном предложении.

Работа распадается на две части: 1) бессоюзное соединение условных и уступительных предложений и 2) подчинительные союзы условных и уступительных предложений.

---

[1] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX вв. Изд. П. К. Симони по рукоп. сб. Архива Мин. ин. дел № 259, XVII в., СПб., 1900.

В ходе работы, которая первоначально имела целью представить союзное подчинение,[1] не сразу выяснилась невозможность обойти молчанием бессоюзное соединение. Поэтому материал по бессоюзному соединению представлен в работе с меньшей полнотой. Эта часть, особенно глава о соотносительных союзах, должна была бы служить предметом отдельной специальной работы.

Так как исследований по историческому синтаксису русского языка у нас почти нет,[2] то мною не могли быть даны по многим отдельным вопросам ссылки и цитаты, показывающие традиционное понимание данного явления.

В списке источников отмечены звездочками те памятники, которые проработаны полностью. Материал из других памятников взят в меньшем объеме, а часть приведенных в работе цитат взята из картотеки словаря древнерусского языка, хранящейся в Институте языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук СССР. Орфография в цитатах из древнейших памятников (XI—XV вв.) несколько упрощена.

---

[1] Первая мысль о возможности представить полный обзор материала по подчинительным союзам — именно условного предложения — возникла в процессе работы по выборке материала для словаря древнерусского языка из писем Петра I.

[2] Можно указать лишь следующие работы: А. Потебня. Из записок по русской грамматике, чч. I-II. Харьков, 1888. — Е. Ф. Корш. Способы относительного подчинения. М., 1877. — Из работ по синтаксису отдельных памятников древнерусского языка: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Известия ОРЯС Академии Наук, тт. XXIV—XXVI, Пгр., 1923. — Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Известия по русскому языку и словесности, т. II, кн. I, Л., 1929.

УСЛОВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Условный период, т. е. два предложения, объединенные интонацией или особым союзом, выражает ту мысль, что некоторое явление *А* вызывает или вызовет, по мнению говорящего, в качестве следствия другое явление *В*.

В отличие от предложений, выражающих причину и следствие, в условных не дается реально-существующее явление, за которым с необходимостью следует другое явление. Условное всегда дается как предположительное.

Эти достаточно тонкие различия внутренних логических связей свойственны, конечно, лишь вполне развитому языковому сознанию. Что же касается первых стадий развития сложно-подчиненных предложений, то здесь встречается постоянно недифференцированное употребление различных по смысловой связи предложений.

В др.-рус. языке нередко встречаются союзы *аще*, *если*, *ежели* в предложениях, выражающих не условие и следствие, а причину и следствие. Напр.: Феодосии же ре҃ имъ да *аще* ѿ мене хощете игумена пріꙗти то азъ створю вам (Л. л. 186). Но убо да разумѣеши о окааннѣ *аще* вся прежереченная Меѳодіемъ Патръским и Лвомъ... о градѣ семъ совершишася, то и послѣдняа не преидутъ (Ник. л. 97). се бо не погански ли живем, *аще* оусрѣсти вѣрующе (= въ сърѣчю вѣрующе) (Л. л. 170).

Во всех подобных случаях союз *аще* может быть в нашем языке передан союзами *так как*, *ибо*, *ведь* и под. Однако параллельные этим построения возможны и в современном языке.

Нередко в таких случаях условная и причинная связь явлений еще более сближаются, так что мы не можем с уверенностью сказать, имеем ли мы в данном предложении условие — следствие или причину — следствие. Так, напр.: рѣша же дружина Игореви: да аще сице гл҃еть цр҃ь. то что хоче҃мъ боле того (Л. л. 46).

Близки к условным по способу выражения иногда предложения временные. Несмотря на наличие союза *аще*, в них смысловой центр — в отношениях времени: *аще* кого видѧше ли шюмна (и)ли в коє҃ зазорѣ не осудѧше, но всѧ на любовь прекладаше (Л. л. 264). *Аще* каꙗ землѧ управитсѧ пред б҃мь поставлѧѥть ѥи кнѧзѧ праведьна любѧща су҃ и правду. *аще* бо кнѧзи правдиви бывають то много ѿдаѥтсѧ согрѣшеньꙗ земли тои (Л. л. 381).

Если о первом примере можно с полной уверенностью говорить, что в нем нет поставленного условия и ожидаемого за ним следствия, а отмечена лишь повторяемость в прошлом двух явлений, связанных между собой во времени, то во втором примере (особенно во второй части его) мы не можем определить, выражено ли в них условие или

даны отношения времени. Союзу *аще* в них соответствует „всякий раз, когда ...“

Параллельное этому построение временных предложений возможно и в современном языке.

Союзом условных предложений иногда выражается в памятниках др.-рус. языка и относительное подчинение, хотя чаще здесь дается объединение условного союза с относительным местоимением *кто, иже, который*. В вариантах памятников встречаем поэтому здесь иногда *иже аще* или *а иже*. Напр.: *аще* (вар. *а иже*) не иствердит корабля своего умнаго. Акы гвоздием учениѧмь писаниꙗ... (Есиф. 61). (буря)... и дубы ис кореніа исторже, а у иныхъ верхи слома другихъ же до половины, инѣх же до трети и по самой корень, *аще которіи* велми толсти быша (Ник. л. 113). гл҃ѧ *аще* не обрѧщеться *кто* заутра на рѣцѣ ба҃тъ ли (и)ли субогъ... противенъ мнѣ да будетъ (Л. л. 117). помилую *его же аще* хощю (Л. л. 119).

Сравнительно редки случаи присоединения условным союзом подчиненных предложений изъяснительных (союз *что* в современном языке). Напр.: Что же възбранѧтъ, *аще* в средꙋ сихъ приведу отъ многихъ малая, ибо... (Митр. Фотий 1415 г. А. и I. 35). И каа потреба е҃ тебѣ *аще* здѣ звѣріе нашеше снѣдѧт тебе (Жит. Сер. 53).

Противоположность двух явлений также может выражаться союзом условных предложений: Молвѧхуть бо ѥмоу. *аще* ты миръ даси ѥму но мы ѥму не дамы (Л. л. 381). они же ѿвѣщаша: *аще* не возхотѣ богъ да княжитъ отець нашь, а тебе и сами не хотимъ (Ник. л. 20). Да *аще* имъ есть землѧ мт҃и то ѡц҃ь имъ есть н҃бо (Л. л. 114).

Не имеют отношения к условным предложениям предложения ограничения, где союз с отрицанием *не* имеет значение „кроме“. И нѣсть инако возможно креститися, *аще* не въ водѣ (Прен. 293). Кому помощи *аще* не ты (Авв. Бес. 397).

Если оставить в стороне все такие предложения, не являющиеся условными в собственном смысле, то действительно условные предложения могут быть разделены на две группы, соответственно оттенкам значения, заключенного в них: 1) потенциальные и 2) гипотетические (ирреальные).

В потенциальных предложениях условие выражено в виде предположения возможности некоторого действия. Типичным примером является: Si linguis hominum loquor et angelorum, charitatem autem non habeam, factus sum velut aes sonans, aut cymbalum tinniens.[1] Соответствующие этому примеры из русского: аще меня задушат и ты причти мя с Филиппом митрополитом Московским, аще зарѣжутъ, и ты причти мя з Захаріею пророкомъ; а буде в воду посадятъ, и ты яко Стефана Пермского свободишь мя (Авв. ж. 12). Аще, рече, случитъ ми ся живота гонзнути сея ради лютыя болѣзни, то не мни мя тако быти... (Кат.-Рост. 82).

Формула потенциально-условного предложения типична для юридических актов, в частности судебных уставов: *Аще* оубьетъ хе҃ꙗнинъ Русина ... или Русинъ хе҃ꙗнина и да держимъ будетъ створивый убииство (Договор Игоря, Л. л. 52). а боудетъ посадникъ не вѣдалъ ѥго, то повѣдавше ѥмоу, поꙗти оу него прокъ (Р. П. 25). А буде вылежитъ на тотъ мой дворъ закладной... купчая... или закладная или иная какая

[1] Пример взят из работы E. Lerch'a Historische Französische Syntax, Leipzig, 1927—1929, II, стр. 171.

крѣпость, и мнѣ Антипѣ тотъ... садъ очищать (Грам. 1657 г. Влад. сб. 198).

„На тот случай, если...“ — вот смысл большинства формул, выражаемых потенциально-условными предложениями. В них часто указывается несколько возможностей (1-й пример). Так обычно строятся условные предложения в судебниках, грамотах купчих, закладных, данных и др.

Гипотетические (ирреальные) условные предложения выражают чистое предположение, где условие заведомо считается несостоявшимся. Формула их: *А* нет, но если бы было *А*, то явилось бы и *В*.

В русском языке обычно сказуемое с присоединением частицы *бы*, т. е. в форме условного наклонения: *Аще* бо бы(лъ) перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Цр҃югороду (Л. л. 10). Аще бы къ той истинной вѣрѣ крестьянской да правда Турская была, ино бы съ нами ангелы бесѣдовали; аще бы къ той правдѣ Турской да вѣра крестьянская была, ино бы съ ними ангелы же бесѣдовали (Ник. л. 108). а возле была барка с пенькою і естли бъ та загорелось тогда бъ отнюдь не возмозно было отнять (Птр. I. 22). ему отвѣшать (горазда с ласкою) что еже бы не такой жестокой случай учинился... то бъ сей убытокъ... учинили бъ, но ныне зело то трудно (Птр. IV. 148).

В ходе работы нет необходимости делать постоянное различение этих двух типов условного, так как их логическая основа является единой, а со стороны формальной отличие ирреальных вполне последовательно отмечается в памятниках др.-рус. языка постановкой частицы *бы*.

Предложения временные и причинные, а также предложения ограничения будут также привлечены, поскольку они помогают выяснить развитие чистого вида условных и наметить этапы постепенного выделения их из недифференцированной массы сложно-подчиненных предложений. Войдут в круг рассматриваемых явлений и предложения эллиптические, типа: А нас (=о нас) же аше соізволиш вѣдать, і мы в Нидерлянъдахъ (Птр. I. 194).

Из двух известных видов соединения предложений — бессоюзного и союзного — сначала должно быть рассмотрено бессоюзное соединение двух предложений, из которых первое выражает условие, а второе — следствие.

БЕССОЮЗНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Паратаксис есть первоначальная форма связи двух предложений — это положение, повидимому, нужно считать общепринятым. Признается также, что гипотаксис создается на основе паратаксиса путем преобразования одного из самостоятельных предложений в подчиненное. Это признает Бругман[1] и другие лингвисты, работавшие по синтаксису отдельных индоевропейских языков.[2] Бругман, подчеркивая неоднократно трудность различения простого предложения от сложного, а в сложном — паратаксиса от гипотаксиса, признает для первоначальных стадий развития индоевропейских языков обязательными признаками гипотаксиса: 1) наличие особых подчинительных союзов и 2) опреде-

---

[1] Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik. Strassburg, 1902, стр. 605.

[2] Краткий обзор относящейся сюда литературы дан в работе Т. Сокольской: Сложноподчиненное предложение в немецком языке. Сборник „Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении“, Л., 1935, стр. 148—171.

ленный порядок в следовании предложений одного за другим (он для разных видов сложно-подчиненного неодинаков). Рассматривая преимущественно относительное подчинение, Бругман устанавливает последовательные этапы усложнения первоначально бессоюзного соединения предложений. Прежде всего он отмечает здесь присоединение к первому или второму предложению местоимения, указывающего на рядом стоящее предложение. Местоимение может быть объединено с частицей. Потебня кратко формулирует общее понимание отношения гипотаксиса к паратаксису: „Первоначально простые предложения следуют друг за другом так, что формальные отношения между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды их подобны рисунку без перспективы. Связь между ними устанавливается посредством местоимений относительных и союзов".[1]

В последнее время у нас появляются специальные работы, посвященные позднейшим стадиям в развитии паратаксиса, собственно, первым стадиям в создании гипотаксиса. Такова работа Т. Сокольской „Сложноподчиненные предложения в немецком языке"[2] и ненапечатанная пока работа Куликовской, освещающая вопрос о возникновении сложно-подчиненных предложений времени в русском языке. В той и другой работе определяется путь создания специальных подчинительных союзов.

Учение о паратаксисе и гипотаксисе было подвергнуто критике (во многом — вполне обоснованной) Петерсоном,[3] который указывает на неясность самих терминов паратаксиса и гипотаксиса и на непоследовательность в их употреблении. Отождествление паратаксиса с сочинением и гипотаксиса с подчинением неудобно в том отношении, что эти термины в общем понимании оказываются не грамматическими а логическими: они ничего не говорят о формальном выражении логических связей между предложениями. Нужны, следовательно, добавочные определения к этим терминам, и тогда у нас появляются термины, с одной стороны — „бессоюзный гипотаксис", а с другой — „союзный паратаксис". Впрочем, и это не обеспечивает правильного понимания терминов, и каждый раз приходилось бы давать дополнительное описание вместо обозначения.

Отождествлять паратаксис с бессоюзным соединением, а гипотаксис — с союзным (посредством подчинительных союзов) было бы возможно, если бы мы обратили внимание только на формальные признаки синтаксических связей. Но мы должны учитывать и логические и формальные связи.

Можно снять проблему паратаксиса и гипотаксиса, как это предлагает сделать Петерсон, но, конечно, не на тех основаниях, которые он выдвигает, не потому, что не существует ни подчинения, ни сочинения предложений.

А. Пешковский показал,[4] что мы можем в основном различать подчинение от сочинения; но при этом нужно каждый раз говорить о формальном выражении связи подчинения, имея в виду под формальным выражением не только словесно-формальное выражение связи, так как здесь имеют громадное значение и иные формальные же средства:

---

[1] Из записок по русской грамматике, ч. I, стр. 124.

[2] Сборник „Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении". Л., 1935.

[3] Очерк синтаксиса русского языка. Гиз, 1923, стр. 28—33.

[4] А. М. Пешковский. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.—Л., 1930, стр. 109.

порядок слов, интонация. Дело не в неясности и непоследовательности терминов. То и другое обусловлено действительными затруднениями, которые возникают перед нами при определении подчиненного предложения, когда оно не имеет словесно-формального выражения подчиненности. Наши суждения об интонации фразы могут оказаться невозможными, когда мы, напр., имеем дело с построением, известным в письменности, но неизвестном в живом языке (а такие построения есть). Порядок слов в предложении не может являться решающим в вопросе о подчиненности данного предложения, между прочим, потому, что и нормальный порядок слов в простом предложении нам не вполне известен. Однако предметом настоящей работы являются только такие предложения, между которыми несомненно наличие логической связи „условие — следствие". Может быть, в отдельных случаях нам придется оставить в стороне вопрос о том, являются ли они сочиненными или подчиненными. Мы должны будем в этих случаях определить лишь формальные средства выражения связи. А они весьма различны. Язык располагает целой серией таких средств, от самого незаметного (интонация) до такого выразительного, как включение подчинительного союза в конструкцию.

Полное раскрытие содержания терминов „паратаксис" и „гипотаксис" — дело более или менее отдаленного будущего. Мы можем употреблять их только условно: паратаксис — в значении соединения предложений без помощи союзов, или с помощью соединительных, или с помощью соотносительных союзов; гипотаксис — в значении соединения с подчинительными союзами. На такое узкое и вполне условное употребление известных терминов мы имеем право. Тем более мы принуждены будем ими пользоваться в обзоре работ о сложном предложении, где они встречаются постоянно.

Бессоюзное соединение двух предложений при наличии выразительных логических связей между ними — вот первый из доступных нашему наблюдению этап в развитии сложного предложения. Это и есть (с некоторым упрощением) общепринятое положение о первичности паратаксиса. Применительно к условному предложению Потебня так определяет и этот строй и первые движения от него в сторону формального уточнения логических связей: „Отношение предложения уславливающего к уславливаемому может выражаться или соответствием союзов условных и заключительных, или одним союзом заключительным, или ничем, кроме места в речи и тона. Последний способ, наиболее древний, остается в языке и по образовании союзов"[1] „...уславливающее, повидимому, постоянно требует союза (в старом языке *аще, аче*...), но его условность не создается, а лишь видоизменяется союзом... если бы мы имели образцы древней простонародной речи, мы могли бы найти в них выражения уславливающего действия без союза вроде вѣдѣлъ быхъ — не ѣхалъ быхъ и без другого отличия этого действия от уславливаемого, кроме тона речи".[2] Подтверждается ли это положение материалами др.-рус. языка и современных говоров? Да. И те и другие материалы говорят о первоначальности бессоюзного соединения предложений. Необходимо обратить внимание прежде всего на бо̀льшую простоту бессоюзного соединения сравнительно с союзным, его бо̀льшее соот-

[1] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 411.
[2] Ibid., стр. 269.

ветствие недифференцированным логическим связям. Проявляется это, между прочим, в том, что бессоюзное соединение не порывает еще связи с предыдущей стадией развития, когда условие не отличалось по способу выражения от вопроса. Связь вопросительных с условными — явление известное. О нем нам придется говорить подробнее в дальнейшем. Здесь мы должны лишь отметить, что связь с вопросом в бессоюзном соединении предложений представляется вполне очевидной, между тем как в союзном подчинении она не может быть вскрыта без специального анализа. Следует отметить и неудобство выражения логических связей посредством одной интонации: в письменной речи интонация должна быть каждый раз восстанавливаема. Если от этих общих соображений мы перейдем к конкретным явлениям русского языка, то несколько параллельных черт будут говорить также о первоначальности паратаксиса.

Прежде всего, бессоюзное соединение предложений, выражающих условие и следствие, почти неизвестно современному литературному языку, где оно сохраняется лишь в отдельных жанрах художественной литературы, близко стоящих к фольклору (басня), или в характерных диалогах. Несколько шире бессоюзное соединение в устной речи лиц, владеющих литературным языком, но и здесь оно в столь незначительных остатках, что производит впечатление постепенно вымирающего приема, известного еще пока в качестве пережитка.

Обратной стороной этого явления нужно признать широчайшее распространение паратаксиса в современных говорах деревни и в фольклоре, что никак не может считаться нововведением, так как и литературные памятники XVII—XVIII вв., отражающие язык деревни, тоже дают преимущественные примеры бессоюзного соединения. О первоначальности бессоюзного соединения предложений материалы др.-рус. языка говорят и в том отношении, что некоторые из подчинительных союзов условных предложений без труда опознаются как бывшие члены одного из самостоятельных предложений (союзы *буде, если*).

Примеров бессоюзного соединения условных предложений в др.-рус. письменности сравнительно очень немного. Всюду на месте этой исконной формы соединения предложений находим соединение посредством союзов как соединительных (*и, а, но, да*), так и соотносительных (*ино, то, так, тогда*). „Чистый“ паратаксис, повидимому, был уже в это время давно пройденным этапом для тех социальных групп, язык которых отражен в письменности. Он оказался для них и устаревшим и социально чуждым. Картина была бы иная, если бы в письменности был отражен язык социальных низов. Этого, однако, нет, и литературные памятники могут быть нами характеризованы и распределены по группам преимущественно на основании того, насколько часто в том или другом из них встречаются отступления от нормального для них гипотактического строя. Здесь нет необходимости в статистическом обследовании памятников: первое впечатление оказывается вполне соответствующим действительному положению вещей.

Литургические тексты (перевод) почти не представляют примеров бессоюзного соединения предложений. Мало примеров такого соединения и в летописи, в былинном эпосе, в житийной литературе, т. е. во всех тех произведениях, на которые мог влиять язык церкви, имевшей только переводную литературу или создававшей свою литературу применительно к этим иноземным образцам. В деловой речи наблюдается более широкое применение бессоюзного соединения условных, и при-

меры его даются мною преимущественно из грамот. В этом, конечно, можно видеть влияние разговорного языка тех групп, правовые отношения которых регламентируются этими документами. В них иногда можно заметить стремление передавать отрывки разговорного текста буквально.

Деловая и семейная переписка также представляет большое количество примеров паратаксиса. Воздействие обыденной устной речи здесь вполне понятно. Фольклор неоднороден в отношении языка так же, как и в отношении своей первоначальной социальной принадлежности. Поэтому такие произведения, как былина, историческая песня, представляют уже довольно широкое употребление подчинительных союзов. Поэтический язык этих произведений должен был решительно отличаться от обычного разговорного языка представителей той социальной среды, в которой создавались эти фольклорные жанры, но, кроме того, в их синтаксический строй вносятся и новые черты языка деревни, испытывающей сильное влияние литературного языка. Иные виды фольклорных произведений более ярко отражают первоначальные синтаксические отношения. И здесь на первое место должна быть поставлена пословица. По своей краткости она в меньшей степени нуждается при передаче в обновлении языка, а часто и совсем не допускает его по соображениям ритмическим. И оказывается, что пословица представляет наибольшее количество примеров бессоюзного соединения предложений („чистый" паратаксис).

Никоим образом не следует объяснять это явление специфичностью литературного жанра пословиц. Нам, правда, всегда кажется, что пословица должна быть очень выразительна по синтаксическому построению, что она должна иметь сильную фразовую интонацию. Но это впечатление сложилось у нас на основе наблюдений над сотнями пословиц, которые почти всегда выражены паратактически. Так как нет никаких оснований предполагать здесь с о з н а т е л ь н о е обращение к данным формам синтаксической связи,[1] то очевидно, что паратаксис в пословицах есть принадлежность языка той социальной группы, которая создавала и хранила пословицу. А такой группой в основном было крестьянство. Об этом можно судить уже по тематике большинства пословиц. Но так же оценивается пословица и в специальных работах по фольклору.[2] В сборнике пословиц XVII в., изданном П. К. Симони, из 117 пословиц, выражающих условие — следствие, только 52 даны с подчинительными союзами, а 65 — представляют или бессоюзное соединение, или соединение посредством союзов *и, а, да, ино, то, так* и др. Еще меньше примеров на подчинительные союзы в пословицах, записанных Далем. В сравнении с пословицами литературные произведения, такие как летопись, представляют незначительное количество примеров бессоюзного соединения. На 70 подряд взятых условных предложений

---

[1] Что предполагает Глаголевский (Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1873, стр. 34), говоря, что бессоюзное соединение „допущено для легкости и краткости речи". Неприемлемо и другое его объяснение: „в одних случаях отсутствие союзов должно быть объяснено недостатком логического развития у творцов пословиц".

[2] Так Н. П. Андреев в предисловии к хрестоматии „Русский фольклор" (Учпедгиз, 1936) говорит: „в крестьянской среде (в феодальный период) несомненно продолжали существовать трудовые песни, заговоры, обрядовая поэзия, сказки, пословицы, загадки. Здесь фольклор крепче сохранил свой этнографический характер, и самое оформление произведения обычно было проще..." (стр. 14). „Крестьянство в течение крепостнического периода в о с о б е н н о с т и (разрядка моя, — *Б. Л.*) является таким резервуаром, в котором скопляются фольклорные произведения" (стр. 15). Отмечает Н. П. Андреев и антикрепостнический характер некоторых пословиц (стр. 16).

в „Повести временных лет“ мне не встретилось ни одного примера бессоюзного соединения. В „Домострое“ около 25 процентов условных выражены без посредства подчинительных союзов. В „Проскинитарии“ Арсения Суханова таких предложений около 20 процентов. Даже современные говоры деревни не могут итти в сравнение с пословицами по количеству встречающихся в них примеров бессоюзного соединения.

В „Материалах экспедиции ИЯМ 1936 г. на озеро Селигер“ в записанных мною отрывках связного текста дано 69 примеров сложных предложений разных значений. Из них 44 — с подчинительними союзами, среди которых встречаются и такие союзы, которые известны преимущественно литературному языку (*если, ежели*). Но соотношение паратаксиса с гипотаксисом все же остается вполне определенным. В записях говоров, если в них даются некоторые сведения по синтаксису сложного предложения, отмечается обычно, что бессоюзное соединение преобладает над союзным. Наиболее выразительным в этом отношении представляется материал, приводимый Каринским в его „Очерках языка русских крестьян“.[1] Вполне обоснованные этим материалом решительные заключения Каринского по вопросу о бессоюзном соединении предложений подтверждают выставленное мною положение о бессоюзном соединении как основном виде синтаксической связи в современном языке крестьянства и об отсутствии такого вида соединения в литературном языке. Вот некоторые его замечания по этому вопросу: „изменение интонации, повидимому, тесно связано с изменением структуры сложных предложений. Изменяется самый принцип организации такого рода предложений. Входит в говор новый метод этой организации при посредстве главным образом ряда союзов, из которых некоторых вовсе не было в системе Ваниловского говора в недалеком прошлом, при посредстве соответствующих местоимений и наречий, которыми в этом отношении слабо пользовались ваниловцы до яркого влияния литературного языка. Насколько быстро происходят эти изменения в небольшой отрезок времени, видно из сопоставления структуры сложного предложения архаичного говора со структурой передового... Речь М. обращает внимание обычными для говора этого крестьянина многочисленными конструкциями бессоюзных предложений..., вместо которых в передовом говоре мы услышали бы соединение предложений посредством союзов... [приводятся примеры]“.[2] „Само собой понятно, что бессоюзные сложные предложения употребляются и в языке передовой группы, как они употребляются и в литературном языке. Однако чрезвычайно широкое их употребление в речи и ограниченность сочетаний предложений с союзами у некоторых представителей архаичного говора резко отличают их синтаксис от синтаксиса передового говора... по некоторым пробам, записанным в 1903 году, можно догадываться, что в начале XX в. в говоре старшего поколения было еще больше бессоюзных предложений, чем в современном архаичном говоре“.[3]

Из памятников можно привести лишь незначительное количество примеров паратаксиса (имею в виду „чистый“ паратаксис, т. е. и без соединительных и без соотносительных союзов). И это не потому, что не было проведено полного обследования памятников в этом отношении

---

[1] Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Соцэкгиз, 1936.
[2] Ibid., стр. 89.
[3] Ibid., стр. 91.

(это и не нужно), а потому, что примеры такого соединения действительно очень редки. О некоторых из них нужно, кроме того, сказать, что они являются переделкой библейского текста, представляющего соединение посредством подчинительных союзов. Вероятно, эта переделка проведена в целях упрощения. Напр.: ѡблічаи пр҃мдра возлюбить та а безумного ѡбличишь възненавидит та (Л. л. 401). Вы связаете на земли — богъ не разрѣшаетъ на небеси, вы разрѣшите на земли — богъ не свяжетъ на небеси (Поучение священнику 1499 г. АИ I. 160). дасть ми богъ буду на царствѣ и доколѣ буду живъ, дотолѣ ми... (Ник. л. 34). Привязался еси женѣ — не ищи разрѣшенія (51). Согрѣшил еси — покайся. Аще ли не покаешися, то... (Оп. Кон. 135). А правой в виноватомъ воленъ хочетъ его изъ темницы выпуститъ, хочетъ его зарѣжетъ (Ник. л. 104). Слушай же, что говорю: не станешь писать — я, петь, осержусь (Авв. ж. 82). Примеры из фольклора:

В перву дороженьку ѣхати — убиту быть
А въ средню ѣхать — женату быть
Въ третью ѣхать — богату быть.
(Был. М. 6).

На небе солнце — в тереме солнце, на небе м҃ѣ҃ъ — в тереме м҃ѣ҃ъ, на небе звезды — в тереме звезды, на небе заря — в тереме заря и вся красота поднебесная (Кир. Дан. 4). Нейдешь за Алешу во замужество я возьму тебя на свой да дом работницей (Про Добрынюшку Никитича. Рус. ф. 205).

Из сборника пословиц XVII в.: Жить тихо — от людей лихо, жить моторно ѿ людей зазорно (Сим. посл. 102). Буду богатъ буду рогатъ: к҃о҃ захочю, того изболу (82). Бить борана съѣдятъ бояря, убить вола не обратса зла (81). Пить пиво сидѣть криво (195). Пить до дна не видать добра (192). Не своя вошъ кусать не знаш где чесать (188). Лесъ сѣчь не жалѣть плеч (184). Жалѣть коня истомить себя (184). Сладкѡ быть проглотятъ, а горку быть расплюютъ (209). В банѣ часто паришся скоряя старишся (208). Убить бобра не видать добра (198). Убить корова прогнѣвить Федора (198). Сто рублевъ имѣетъ бѣжать не довлѣетъ (196). Орать пашню купить квашню (131). Не любо не знайся не хошь не живи (127). Мѣряешъ воду не спрашивай броду (120). Загорѣлось душа бѣжи до ковша (107). Жалѣть лозы не видать козы (182). Собака шер'сна ей тепло, а мужик богат ему добро (210).

Несмотря на то, что некоторые из приведенных здесь текстов близки по форме к инфинитивным предложениям, выражающим тождество, отрицать условный характер большинства приведенных пословиц нельзя. Иногда условие выражено вполне четко. Напр.: Алчешъ чюжова потеряешъ свое (77). Станешъ отбѣгать будешь озябать (106). Пазногть увязъ всей птичкѣ пропасть (192). Грибовъ ищутъ по лѣсу рыщутъ (179) и мн. др. Отметим своеобразное построение пословицы „Не радуйся нашелъ, не плачъ потерещ (= потеряешь)“ (184), где главное впереди, а условие близко к временным отношениям. В текстах такого рода только особая выразительность интонации, следовательно — только устная передача обеспечивала правильное понимание конструкции как условной. Приведем пример из говоров: У тебя нет хлеба — иди в Онисимов амбар: там тебе хлеб будет (МЭИЯМ, д. Березник).

Специальная форма условного наклонения (с частицей *бы*) исключительно редко выступает в бессоюзных условных предложениях и не всегда создает здесь значение ирреально-условного.

Тип „не свой *бы* былъ, не собакою *бы* слылъ“ (Сим. посл. 127) — почти не представлен в др.-рус. письменности. Только несколько не вполне показательных примеров: чтобъ всякъ умывалъся прежде вхωду в мо́схею, наипаче *бы* проспалъ съ невѣстою долъженъ... омыти... (Дв. цес. Тур. II. 63). *дабы* так нш҃и католицы чинили, былобъ, насъ много болши на н҃бси (Дв. цес. Тур. II. 66. перевод), где *дабы* — б. м. уже союз. Немилому кричу бутто болно, ажно *бы* и вдвое того недоволно (Ром. в стих. 54). *ажно* — не союз.

Эллиптический строй таких предложений (без главного) дает обычно значение желательного наклонения: О бояне, соловію стараго времени! *абы* ты сія пълкы ущекоталъ (Сл. о п. Иг. 13). *дабы* у насъ католики такъ творили! (Дв. цес. Тур. 69).

Мною приведены почти все, имеющиеся в моем распоряжении примеры „чистого“ паратаксиса. Характерно, что даже в современных говорах деревни такой способ соединения условных предложений представлен слабо.

Всюду вместо первоначального типа простого сопоставления независимых предложений мы встречаем уже более новый вид — соединение посредством союзов *и, а, но, да* в первом предложении или посредством тех же союзов, а также союзов соотносительных — во втором предложении.

К рассмотрению этих видов соединения мы и должны обратиться.

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ И СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Можно различать три типа построения предложений, отошедших от первоначального строя „чистого“ паратаксиса: 1) первое предложение (условие) имеет один из так называемых соединительных союзов, второе предложение (следствие) присоединено без помощи союза. 2) И первое и второе предложения имеют союзы: первое соединительный, второе — соотносительный. 3) Только второе предложение имеет один из соединительных союзов (*и, а, да*) или один из соотносительных союзов (*ино, то, так*).

Первый тип. Союз в первом предложении: И поиде с Татары, держасѧ полку татарского, *а* с которого стану двигнутсѧ, потнуть чл҃вка (Л. л. 481).

Второй тип. Союз и в первом и во втором предложении: Пошли есмы на васъ вземъ бога на помощь и силу животворящего креста господня. *И* восхощетъ намъ, великимъ княземъ, бити челомъ наша отчина Великий Новъгородъ, *и* они знаютъ, какъ бити челомъ (Ник. л. 179).

Третий тип. Союз или соотносительное слово во втором предложении: ... дасть тотъ игуменъ ... за пиво четвертку жита да полоть мяса; нелюбо полоть, *ино* пять денегъ Ноугородцкая (А. и. I. 349). Громъ не грянетъ *и* мужикъ не дрогнеть (Сим. посл. 93).

Необходимо прежде всего выяснить, который из этих типов преобразования паратаксиса был исходным, первоначальным в сложном процессе перестройки бессоюзного соединения в подчинение посредством особых подчинительных союзов.

Сразу же можно определить, что первый тип никак не мог быть первым шагом в процессе изменения „чистого“ паратаксиса, во-первых, потому, что он представлен исключительно редкими примерами, сводящимися скорее всего к эллипсу, и, во-вторых, потому, что союзы *и, а* в нем никак не могут быть отличены от обычных союзов соединитель-

ных. В каждом примере здесь союз может быть определен как обычный соединительный союз, присоединяющий первое предложение условного периода к предыдущему предложению. Дать указание на подчиненность следующего за ним предложения или на его условный характер союз не может. Такие предложения нужно считать бессоюзными и действие союза относить не к последующему предложению, а к предыдущему. Напр.:... та галѣя надобѣть на Москвѣ а не у Города *и* привезуть еѣ къ Москвѣ, кому збирать (Птр. I. 44). *А* про насъ похочешь вѣдать, далъ богъ живы.

В моем собрании материалов из памятников больше не оказывается примеров на этот первый тип соединения посредством союзов. Последний пример, кроме того, может сводиться не к бессоюзному соединению, а ко второму типу (с союзами в том и в другом предложении), так как единичному „*а* про насъ похочешь вѣдать далъ богъ живы" противостоит обычное в письмах Петра: „*а* про нас похочешь вѣдать, *и* мы далъ богъ живы".

Второй тип — соединительный союз в протазисе и соотносительный в аподозисе — также не может быть признан первоначальным приемом преобразования паратаксиса. Прежде всего, такое одновременное возникновение двух формальных показателей, направленных к единой цели, вообще представлялось бы невероятным и ему трудно было бы подобрать аналогию в языке. Естественнее предполагать, что бессоюзный период превращался в союзный первоначально включением одного только служебного слова в которое-нибудь одно из соединяющихся предложений. Вопрос можно ставить только о том, в первом или втором предложении должен был первоначально появиться союз. Ответ на этот вопрос может быть только тот, который дан уже при разборе первого типа союзного соединения. И здесь союз так же, как в примерах первого типа, служит целям присоединения всего условного периода к предыдущему тексту. Условный период с соединительным союзом в первом предложении и соотносительным во втором должен, следовательно, быть отнесен к третьему типу — соединению посредством соотносительных союзов, а его соединительный союз перед первым предложением ничем не отличается от присоединения посредством союзов (*и*, *а*, *но*) независимых предложений.[1] Замечательно, что говоры не представляют примеров такого осложнения паратаксиса. Объясняется это тем, что большие отрывки из тесно связанных по смыслу предложений вообще в меньшей степени свойственны устной речи, между тем как в письменной они — обычное явление.

Следовательно и примеры условных периодов с соединительным союзом и соотносительным словом являются обычными приемами соединения посредством союзов в связный текст отдельных предложений независимо от того, является ли присоединяемое предложение независимым или оно уже соединено (различными средствами) в сложное предложение с значением условия — следствия. Во всяком случае, мы не имеем средств показать принципиальное отличие союза *и* пред простым предложением от такого же союза *и* перед условным периодом.

---

[1] В этом соединении независимых предложений нередко встречаются повторяющиеся в каждом новом предложении союзы. Так, напр.: наши въземетчики въ Новѣгородѣ въземетную положили да и въ Псковъ приѣхали; *и* нынѣча по нашимъ грѣхомъ весь городъ Псковъ выгорѣл, *и* мы... являемъ свою бѣду (С. вр. 178). Посланный мой... привезъ отъ Астраханцовъ ко мнѣ отписку, *и* пустить меня въ Астрахань не хотять, *и* многие развраты между ими учинились (Птр. IV. 758). Могут быть приведены примеры и с гораздо большим нагромождением союзов *и* или *а* между предложениями.

И все же мы должны остановиться несколько подробнее на этом типе соединения. В нем намечаются две группы, внешне отличных одна от другой. Первая группа — и в протазисе и в аподозисе союзы *и* или *а*; вторая группа: в протазисе такие же союзы, но в аподозисе — соотносительный союз (*ино, то, так*).

Первая группа имеет разновидности:

а) В первом предложении союз *а*, во втором — *и*: *А* станется татба войску или разбой или нашедъ что да къ шатру не несетъ и не отведетъ, *и* на таковые люди... обыскъ царевъ живетъ накрѣпко (Ник. л. 107) и о всемъ бы ему направилъ по крестному цѣлованію, *а* учнешь нудити, *а* отъ тое нужи побѣгутъ къ намъ, *и* намъ ихъ пріимати (251). Язъ излечю сына твоего... от тоя болѣзни, *а* не излечю его язъ, *и* ты вели меня смертію казнити (222). *А* доведутъ на кого татбу... и будет вѣдомой лихой, *и* боярину велѣти того казнити (Судебник 1497 г. А. и. I. В этом памятнике много таких примеров). *А* грѣхъ ради нашихъ не благоволитъ намъ богъ тою отчиною владѣти, и церковь та и деревня Вишка свободна (Влад. сб. 133). А ратные и проѣзжіе люди въ его отчинѣ не ставятся и кормовъ силно не емлютъ; *а* станутъ ратные и проѣзжіе люди, *и* они кормъ купятъ по цѣнѣ (Тархан. гр. 1578 г. А. и. I. 368). *А* съ кѣмъ молвитъ, *и* у него слово тихо и гладко, яко плачетъ (Авв. ж. 57). *а* за ними (за канатами) дѣло станетъ, *и* житье наше продолжитца (Птр. I. 11).

б) В первом и втором предложении союз *и*: дали въ монастырь по душѣ его д. Еремѣевская Мальсагово, *и* тѣ деревни архимандриту з братьею полюбятца въ монастырь *и* мнѣ князю Данилу... на тѣ деревни дать крѣпость архимандриту (Грам. 1527 г. Влад. Сб. 128).

Приведенные примеры говорят вполне определенно о роли союза *и*; он употребляется здесь в обычном соединительном значении. Союз *а* дан в этих примерах или в противительном значении, или в том значении, которое может быть приблизительно передано нашим „что касается".

Вторая группа. Отдельные виды ее:

а) В первом предложении союз *а*, во втором — соотносительное *ино*: *а* поноровитъ которой недѣлщикъ татю или разбойнику по посуломъ, а его отпуститъ и уличатъ его въ томъ, *ино* на томъ недѣльщикѣ искъ доправити (Судебник 1550 г. А. и. I. 235 и др. Много подобных примеров в этом памятнике). *А* преступлю свою грамоту сію, что въ ней написано, *ино* не буди на мнѣ милости божіа (Ник. л. 73). *а* десятникъ утаитъ лихово человѣка въ своемъ десяткѣ, *ино* потомъ обыщется всею сотнею, *ино* та же ему смертная казнь (108). Тотъ, господине, дворъ государей нашихъ хотятъ свой дворъ взяти, *ино* передъ богомъ да передъ ними, *а* захотятъ государи наши въ околоткѣ взяти мѣсто противъ того своего двора, *ино*, господине, передъ ними (185). *А* не въсудятъ в правду, *іно* богъ буди имъ судіа (Пск. с. гр. 2). Сколько возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время бою, *а* кому и не лучится, *ино* с прилежаніемъ искати того, какъ въ тое время поступить (Птр. I. 117).

б) Союз *и* в первом, соотносительное *ино* во втором предложении: *и* поличное у кого что вымутъ из за замка, *ино* то поличное, *и* найдутъ во дворѣ или в пустой хороминѣ и не за замкомъ, *ино* то не поличное (Грам. 1606 г. Влад. сб. 135).

в) В первом предложении союз *а*, во втором — соотносительное *то*: *и* истьца начнетъ клепати, *то* тиимъ правду желѣзо (Р. П. 5).

И эта вторая группа примеров не дает оснований видеть в союзах *а*, *и* показателей начинающегося формального подчинения предложений. Их роль здесь такова же, как и между вполне независимыми предло-

EB_1941_AKS_247

жениями. В связных текстах нередко встречаются примеры употребления союзов *и* или *а* между каждыми двумя условными периодами. Так, напр.: а судити имъ по сей нашей грамотѣ. Взыщетъ кто на комъ бою и грабежу до рубли или свыше того, и имъ того сыскивати всѣми крестьяны тѣхъ селъ; *и* сыщутъ, что на него бой и грабежъ былъ и искалъ своего бою и грабежу по животомъ, и имъ по тому отвѣтчика и обвинити; *а* скажутъ, что имъ бой былъ, а о грабежѣ имъ вѣдома нѣтъ, и ищея искалъ не по своимъ животомъ, и имъ ищею тѣмъ винити; *а* скажетъ ищея, что у него отняли чужіе животы, и имъ того сыскивати, *и* обыщутъ того, что у него чужіе животы..., и имъ въ томъ присужати... (Уставн. гр. 1556 г. А. и. I. 315).

Итак, союзы *и, а* не представляют собою ничего конструктивно нового. Не этим средством достигалось изменение первоначального простого сопоставления предложений. Но тогда остается одно: признать, что первым шагом на пути преобразования „чистого" паратаксиса было включение так называемого соотносительного союза в аподозис бессоюзного условного периода.

Можно предвидеть, что такая оценка роли соотносительного союза в конструкции сложного условного предложения встретит серьезные возражения: она является необычной. Роль соотносительного союза в сложном предложении у нас до сих пор вообще не учитывалась. Она молчаливо признавалась равной нулю. Повидимому, это происходило оттого, что соотносительный союз никогда не определялся исторически. Действительно, в современном нам строе языка соотносительный союз почти не имеет конструктивного значения. Но это совсем не значит, что так было всегда. Скорее наоборот. Между тем, мы можем встретить в специальных работах по синтаксису лишь беглые указания на существование соотносительных союзов. Кратко говорит о нем Бругман,[1] указывая, что второе, а иногда и первое предложение в сложных предложениях имеет местоимение. Значения его он не выясняет. Более или менее повторяя положения Бругмана, Вондрак указывает, что аподозис условного периода (с подчинительными союзами) нередко присоединялся при помощи указательного местоимения, которое анафорически указывало на условное предложение. „Аналогично находим мы его иногда, — говорит Вондрак, — и при других предложениях, например предложениях времени".[2]

Конечно, Вондрак и не ставил себе задачи выяснить роль соотносительного союза в процессе формирования гипотаксиса. Он говорит уже о последних этапах развития сложного предложения. В таком виде его определение вполне приемлемо. В работе Т. Сокольской „Сложно-подчиненное предложение в немецком языке"[3] даны примеры *ἀπὸ κοινοῦ*, где общим членом является местоимение. В ср.-в.-нем. Sie funden *da*, er lac = они нашли его *там* он лежал. Тогда дальнейшим развитием являлось бы: „...нашли его *там, где* он лежал". А предыдущая стадия в развитии сложного предложения могла бы иллюстрироваться древнепольским: Wlazł na gorę, stowie Tabor,[4] чему полное соответствие имеем и в древненемецком: der Kunic Vespasianus hat einen sun, heiz Tytus.[5]

---

[1] K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik, стр. 653 и сл.

[2] В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Пер. Н. Петровского. Казань, 1915, стр. 60.

[3] Сборник „Вопросы немецкой грамматики"... Л., 1935.

[4] Пример взят из гл. „Składnia" J. Łos (Gramatyka języka polskiego. Kraków, 1923, стр. 393).

[5] Пример взят из работы: Fr. Karg. Syntaktische Studien. Halle, 1929.

Об относительном подчинении Т. Сокольская говорит, что „оно складывается лишь тогда, когда в главном предложении появляется еще (т. е. кроме указательного местоимения, — *Б. Л.*) указательная частица, независимая от придаточного, или когда тот член, который определяется относительным предложением, сопровождается артиклем". Приведены в работе и примеры с такими двумя „соотносительными" союзами, из которых один — в главном, а другой, повидимому, тяготеет к придаточному. Др.-в.-нем. bigan redinôn *then* selben zwelif theganôn *then* thar umbi inan sâzun = и начал говорить с *теми* 12 учениками, *которые* (или *те*) вокруг него сидели.[1] В работе материал дан небольшой сравнительно, и основные положения не развиты, но и данные примеры, представляя очень интересное совпадение с явлениями др.-рус. языка, заставляют и для немецкого предполагать какую-то очень значительную роль соотносительного слова — указательного местоимения в главном предложении.

Одно общее соображение, кажется, могло бы говорить в пользу предположения о том, что первоначально в бессоюзную конструкцию было внесено соотносительное слово. Дело в том, что, с точки зрения говорящего, основное значение условного периода (да и всякого вообще сложного предложения) заключалось в той его части, где дается вывод, заключение. Усилить и выделить его, когда наступила необходимость что-то выделять как главное, и нужно было в первую очередь. Вполне вероятно, что „главное" предложение первоначально являлось главным не только по форме, но и по существу.

Более подробное рассмотрение употребления соотносительных союзов поможет точнее определить его роль в преобразовании первоначально бессоюзной конструкции.

Собственно, достаточно было бы одного примера с соотносительным союзом в аподозисе и без соединительного союза в протазисе,[2] чтобы признать, что этот тип формального выражения логической связи есть первое движение конструкции в направлении от „чистого" паратаксиса к сложной системе подчинения посредством особых союзов. Иначе нам останется совершенно непонятной возможность построения условных предложений такого типа, как: изопьем вина *то* прибудетъ ума (Кир. Дан. 181); или: Хрестьянинъ пьян *то* самъ себѣ панъ (Сим. посл. 200); или: ...идти да дума думати: у богатого взять не отдати, у бедного взять *дак* разорити (Соб. Песни. VI. 63); или: той же битъ учнетъ клепать грабежомъ, *ино* ему ходитъ исца послухомъ ѡднымъ (Пск. с. гр. 7).

Есть только две возможности объяснять подобные конструкции: или это только первое отступление от исконной бессоюзной конструкции, или это самый последний этап в жизни сложно-подчиненного (союзного) предложения, т. е. эллипс, постепенное исчезновение в данной конструкции подчинительного союза вследствие того, что его употребление здесь стало слишком привычным. Второе предположение должно быть решительно отвергнуто: тип соединения посредством соотносительного союза не есть нечто новое и растущее. Это — древнейший, широко распространенный в прошлом и постепенно исчезающий способ соединения. Мы находим еще значительные остатки его в памятниках до XVII в., но сказать, что это явление растет и расширяется, никак нельзя. Первое

---

[1] Ничто, однако, не говорит о том, что второе местоимение (в придаточном) появилось раньше, чем местоимение (соотносительный союз) в первом, главном предложении.

[2] А мы имеем их буквально неограниченное количество в говорах и фольклоре.

впечатление от таких примеров как от реликтов оказывается вполне соответствующим действительности. Да и подводить весь громадный ряд таких явлений под понятие эллипса невозможно: эллипс — явление редкое, случайное. Но третьего не дано. Остается первое положение: данные примеры представляют тот синтаксический строй, когда „чистый" паратаксис впервые стал преобразовываться включением во второе предложение соотносительного союза — формального показателя подчинения первого предложения второму. Нас должен убеждать в этом синтаксический строй в говорах деревни и в фольклоре. Здесь, как уже сказано, широчайшее распространение таких условных предложений с соотносительным союзом во втором предложении. И это несмотря на то, что на синтаксический строй говоров современной деревни оказывает сильнейшее воздействие синтаксис литературного языка с его новыми и новейшими подчинительными союзами (*если, ежели*), созданными, во всяком случае, не в языке крестьянства. И это несмотря на то, что в языке самого крестьянства развивались, четко оформляясь в качестве условных, такие союзы, как *коли, как(бы), когда.*

Так размываемый с двух сторон новыми (сравнительно новыми) течениями этот первоначальный синтаксический строй говоров все же остается настолько сильным, что может быть принят почти за основной синтаксический строй для них. Никакой литературный жанр, получивший закрепление в древней письменности, не может даже в самой отдаленной степени равняться с показаниями говоров по употребительности в них соединения посредством соотносительного союза. Можно ли после этого считать результатом эллипса такой строй? Это значило бы, что синтаксис в диалектах давно пережил те стадии развития, к которым только еще подходит современный литературный язык.

С нашим положением вполне согласовалось бы наблюдаемое нами постепенное исчезновение соотносительного союза.[1] Начало этого процесса отпадения нужно относить в далекое прошлое. Памятники иллюстрируют его уже в широких размерах. Так именно и нужно понимать тексты из др.-рус. письменности с подчинительным союзом, но без соотносительного слова, как уже некоторое отступление от первонального строя подчинения с особыми союзами, где первоначально был и подчинительный союз и соотносительное слово. Примеров такого опущения соотносительного союза в памятниках XIV—XVII вв. немало. Из 100 предложений с союзом *аще* примерно 25 уже не имеют соотносительного союза.

Строй такой: *аще* право глѣши | богъ ти буди послухъ (Л. л. 257).

Процесс этот нужно считать вполне понятным и совершенно закономерным. И наоборот, если бы мы признали, что соотносительный союз включается в конструкцию уже после того, как там „появился" подчинительный союз, было бы непонятно, почему он потом начинает выпадать из конструкции.[2]

Я кратко формулирую свое понимание роли относительного союза. На известной стадии развития в бессоюзном соединении возникает фор-

---

[1] Оно доступно наблюдению каждого, и о нем приходится уже говорить в практической работе преподавания синтаксиса русского языка.

[2] Характерно, что английский язык представляет аналогичную (в начальных этапах) схему развития сложно-подчиненного предложения. L. Kellner. Historical Outlines of English Syntax (London, 1892) признает, что „первым шагом к развитию грамматического подчинения было употребление местоимения или указательного наречия, соединяющего два предложения" (цитирую по работе В. Н. Ярцевой „Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке". Л., 1940, стр. 41).

мально-словесный показатель подчинения первого предложения — включается соотносительный союз. Затем по разным причинам и разными путями, о которых необходимо говорить особо, происходит процесс создания подчинительных союзов — в первом предложении. Развиваясь, дифференцируясь и уточняя свою семантику, подчинительные союзы берут на себя постепенно роль основных показателей подчиненности. И только после того, как укрепляется богатая система подчинительных союзов, соотносительное слово становится излишним и начинает выпадать из конструкции. Процесс этого отпадания соотносительного союза заканчивается только сейчас.

Признав, что включение соотносительного союза было первым шагом на пути к созданию современного нам синтаксического строя, мы должны будем определить и те пути, которыми соединительные союзы *и, а, ино* или указательное местоимение *то*, или наречия *так, тогда* пришли к положению формальных показателей подчиненности в сложном предложении.

Определить этот путь можно, лишь выяснив как оттенки значения, заключенного в этих союзах, местоимениях, наречиях, так и установив их роль в составе того предложения, которое стало подчиняющим в отношении другого, связанного с ним логически предложения.

Союз *и*

Нельзя считать союз *и* нейтральным соединителем двух предложений или членов предложения. Несомненно, союз *и* имеет различные значения, которые представляются нам недостаточно дифференцированными.

Среди них есть и значение нейтрального показателя соединения двух равных величин, но это значение не является первичным. Союз *и* может выражать противоположность и несовместимость двух явлений: Чадца! Никтоже ѿ вѣка похищаи чюжаѧ *и* ѡбогатитсѧ (Мк. Каляз. 13). Союз *и* выступает иногда и в нечетком значении союза цели: кто мудръ — и снабдитъ се смысленъ — и уразумѣетъ се (ВМЧ. 14—18 окт. 1077).

Поэтому и там, где не может быть речи о подчиненности одного предложения другому, на грани двух самостоятельных предложений союз *и* имеет значение вывода из предыдущего и более или менее точно может быть передан нашим *итак, следовательно, поэтому* или *тогда*. Напр.: приходи съ милостынею и съ приношеніемъ и за здравіе и по родителехъ представльшихся за упокой память твори со всякою чистотою, *и* самъ воспомяновенъ будеши отъ бога (Дм. К. 146). В ответе на челобитную: билъ и грабилъ и снялъ съ меня сорокъ рублевъ съ полтиною денегъ; *и* намъ бы его пожаловать, велѣти бъ ему дати на нихъ судъ (Вор. А. 1629 г. 15). А въ грамотѣ писано челомъ бьетъ. *И* князь велики пожаловалъ (С. вр. 178 и мн. др). Били намъ челомъ а сказывали: была деи у нихъ... наша жалованная тарханная грамота, и въ корѣлское деи взятье у нихъ тое грамоту взяли Свѣйские нѣмцы; *и* намъ бы ихъ пожаловати, дати им новая грамота такова жъ; да положили перед нами съ прежніе грамоты списокъ слово въ слово. *И* мы возря въ тотъ списокъ, ихъ пожаловали (Тарх. гр. 1581 г. А. и. I. 402). Филагеръ былъ очень сердитъ и своенравенъ, и для того неспособенъ былъ къ воспитанію отроковъ; *и* его дѣти воспитывались чужими (Вес. Мел. 232). Примеры такого значения *и* в письменности нередки. Указание на вывод, заключение сохранилось за союзом *и* и до настоящего времени. Л. В. Щерба в „Словаре русского языка" Академии Наук отмечает значение

союза *и* как показателя временной или логической последовательности, а также *и* результативное, еще более выразительное. Возможен союз *и* в современном языке и после подчиненных по форме или по смыслу предложений типа „реляция пошла, посмотришь — *и* в кресте". Конечно, это не новое значение *и*, а остатки старого недифференцированного по значению употребления *и*. Его наиболее выразительные оттенки значения воспринимаются нами или как устаревшие, или как диалектны.

В приведенных примерах из памятников союз *и* соединяет независимые предложения. И в них он уже по временам достигает значения соотносительного союза, указывающего на предыдущее предложение, напр., в ВМЧ. 4—18 окт. 1195. евангельский текст передается так: „И не судите, *и* не судят вам, и не осуждайте, да неосуждени будете", где „*и* не судят вам" = „тогда (в таком случаи) не будут вас судить". Интересно в этом отношении наблюдение над одинаковыми текстами некоторых формул, ставшими стандартными. Они иногда выражены рядом самостоятельных предложений, а иногда сложно-подчиненным. Но и в тех и в других вывод присоединяется союзом *и*. Сравним обычное: „челомъ бьетъ. *И* князь великий пожаловалъ" с очень близким к нему: „что еси намъ билъ челомъ... *и* язъ пожаловалъ" (С. вр. 181).

Это употребление соединительного союза *и* на грани двух предложений, как имеющих сравнительно слабую логическую связь, так и имеющих тесную связь условия — следствия, затрудняет нередко решение вопроса о том, имеем ли мы дело в данном случае с подчинением или сочинением.

Сопутствующее (или предшествующее?) этому явлению явление инверсии в первом предложении служило тем же целям формального выражения логической связанности двух предложений, что и включение соединительного — соотносительного союза во второе предложение.

Наши наблюдения над явлением инверсии в подчиняющемся предложении недостаточны, но все же на основе их можно утверждать, что если на одной из первых ступеней развития сложного предложения — в бессоюзном соединении — инверсия не проведена еще вполне последовательно, то здесь, в конструкции с соединительным союзом неинверсированные первые предложения являются только в виде исключения. К сожалению, наблюдение над явлением инверсии часто затрудняется тем, что в протазисе условного периода вполне обычны безличные (неопределенно личные) конструкции. Так, напр.: А къ полю приіѣдетъ околничей и діакъ, *и* околничему и діаку въспросити ищей и отвѣтчиковъ (Судебник 1497 г. А. и. I. 156). И знайдутъ въ дому его што полишное, *и* онъ тотъ же тать, а не найдутъ въ дому его, *и* онъ свободенъ (Пск. с. гр. 15). А учинитца у нихъ въ волости душегубство а не доищутца душегубца, *и* они дадутъ намѣстникомъ вѣры четыре рубли, а доищутца душегубца, *и* они его дадутъ намѣстникомъ (Устав гр. 1536 г. А. и. I. 199). А не будетъ братьи въ послусѣхъ или племянниковъ, *и* братья или сестры... ту вотчину выкупятъ. А станетъ тотъ купецъ ту вотчину продавати, *и* тѣмъ продавцомъ ту у нихъ вотчину купити (Судебник 1550 г. А. и. I. 245). А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ и крестьяномъ съ городцкими людми... или становыми, *и* наместници наши... и ихъ тіуни судятъ (Тарх. гр. 1575 г. А. и. I. 350).

Такое построение условных периодов обычно в грамотах разного рода: духовных, купчих, жалованных, льготных и др. Однако не только

деловая речь знает его. Более высокие литературные жанры, напр. летопись, также представляют примеры соотносительного *и*: Не похочешь умереть на игрѣ честно съ недругомъ за мое государево великое жалованье, *и* ты здѣсе от моеѣ государевы опалы умреши же (Ник. л. 106).

Нередко в предложениях с соотносительным союзом сказуемое первого предложения маловыразительно. В приведенных примерах видим сказуемое *станет, случится*; возможны сказуемые *учнет, начнет* и, наконец, *будет*. С этим последним глаголом — сказуемым мы совершенно незаметно переходим из области подчинения бессоюзного (с одним только соотносительным словом) в область подчинения посредством особых союзов в первом предложении. Сравним приведенное „а не доищутца душегубца, и они дадутъ вѣры четыре рубли“ с текстом: „а не будетъ убитому душегубца въ лицахъ, *и* намѣстникомъ вѣры четыре рубли“ (Жалов. гр. 1567. А. и. I. 339). Одно содержание, и мало различаются тексты по построению. Мы признаем еще здесь глагол *будет* за часть составного сказуемого, но переход отсюда к предложениям с подчинительным союзом легко осуществляется дальнейшим ослаблением сказуемого *будет*.

Таковы различные позиции союза *и* от соединительного союза в независимых предложениях до соотносительного союза в логически объединенных предложениях, а затем и в предложениях с ослабленным сказуемым, переходящим постепенно в подчинительный союз.

Не всегда, однако, так четко выступает соотносительное значение союза *и*. Примеры из пословиц часто являются менее выразительными, но и они должны быть раскрыты как условные предложения, и союз *и* в них — формальный показатель логической связанности двух предложений. И инверсия проведена здесь менее последовательно, чем в письменности, представляющей иные литературные жанры. Несколько примеров: Богъ пристанетъ *и* пастыря приставитъ (Сим. посл. 83). Ожегся на молокѣ *и* на воду дует (131). Кума не мила *и* гостинцы постыли (112). Батюшка не стало *и* матушка не к'стате (210). Хлѣба край *и* подъ елью рай, хлѣба ни куска *и* в полатах возметъ тоска (200). Громъ не грянетъ и мужикъ не дрогнетъ (93). Треску боятца и въ лѣсъ не ходить (144).

Хотя в этих примерах условный характер первого предложения выражен еще очень слабо, и вся конструкция не вышла из стадии недифференцированного употребления временных, условных и причинных, все же роль союза *и* достаточна ясна. Он обращен к предыдущему предложению и особым образом подводит его под действие второго предложения. Это — уже соотносительный союз. Расценивать его как нечто заменяющее собою усилительное „даже“ не следует: тексты не допускают такого понимания. „Тетива порвется *и* татаринъ не бьется“ (Сим. посл. 143) — мы читаем часто с логическим ударением на „татарин“ = даже татарин (и тот) не бьется. Едва ли это так. Логическое ударение скорее на „не бьется“, и союз *и* — формальный показатель связанности двух действий „порвется — не бьется“, независимо от того, татарин это или воин другой национальности.

Труднее признать соотносительным союз *и* в следующих предложениях, выражающих также условие — следствие: Жить на Москвѣ быть *и* въ тоскѣ (Сим. посл. 183). Бояться волка бѣгать *и* отъ бѣлки (177). Варить брага потерять и фляга (176). Лизнуть перстомъ задѣть *и* горскою (118). Иметъ голод — появитца и голосъ (109).

Однако почему здесь *и* не считать соотносительным союзом?

Непривычно положение его не на грани двух предложений, а внутри второго. Но это, казалось бы, дает больше оснований говорить о нем как о союзе не соединительном. Сравним „чистый" паратаксис: „жить в дозоре не бывать в позоре" (Сим. посл. 183) с этим осложненным паратаксисом: „жить на Москвѣ быть *и* въ тоскѣ" (183).

Повидимому, даже ритмически союз *и* не необходим. И если он есть, то только потому, что он выполняет определенную синтаксическую функцию. Она совершенно ясна в следующем примере из двух пар поразному соединенных предложений: Падетъ на медвѣдя жолудь *и* он рыкнетъ. А какъ цѣлъ дубъ *и* он нишнетъ (Сим. посл. 132). В том и другом периоде союз *и* выступает как соотносительный, но первый период — бессоюзное соединение, а второй имеет подчинительный союз *как*.[1] Еще пример: Броситься мнѣ *и* ево де не ушибить, а себя разшибить (Шемяк. 22). Логически условие выражено, а формально-словесное выражение связи начинает осуществляться постановкой соотносительного *и*. В говорах имеем преимущественно такое употребление союза *и*, когда он стоит не на грани двух предложений: Пятачок дал — он два дня *и* живет (МЭИЯМ, д. Березник). Если переставить союз *и* в начало второго предложения, получим очень обычный для начальных стадий подчинения строй: пятачок дал, *и* он два дня живет.

Союз *и* держится затем в качестве соотносительного и в конструкции с подчинительным союзом. В говорах имеем предложения такого типа: Когда она упала, и он пряма заревел.[2]

Союз *а*

Союз *а* в качестве соотносительного встречается редко в условных предложениях. Примеры, однако, показывают его в четком соотносительном значении, вполне параллельном значению *ино*, которое по преимуществу является соотносительным при условных: А корову купить за слюблено, *а* по торговли телѧтъ не сочить, а только корова кровью помачиватсѧ иметъ, *іна* та корова назадъ воротити (Пск. с. гр. 25).

Остальные примеры — преимущественно из пословиц: Дитя не плачетъ, *а* мать не разумѣетъ (Сим. посл. 97). Воръ воруетъ, миръ горюетъ, воръ попалъ, *а* миръ пропалъ (83).

Что союз *а* был широко распространен в такой конструкции, показывает наличие его во втором предложении условных периодов с подчинительными союзами. *Аще* кто пойдет в Констянтинополе в нарицаемый Царьград на поклонение святым страстем господним и святои Софеи, *а* войдя въ Царьград поити... (Оп. Кон. 128). *аще* ли его огненная стрѣла не убіетъ и самострѣлъ на него не вспуститъ, а он крестъ поцѣлуетъ и свое возметъ (Ник. л. 104).

В паратаксисе уступительных предложений союз *а* выступает в роли соотносительного гораздо чаще. Обусловлено это присущим *а* противительным значением: а пожалую которого своего намѣстника или волостелей... дамъ имъ свою грамоту, жаловалную и на грамотчика о корму и о суде... и о повозѣхъ, *а* на сю мою грамоту грамотъ нѣтъ (Тархан.

---

[1] Пример показателен и в отношении логического ударения. Не „и *он* рыкнет", а „и он *рыкнет*".

[2] Ю. Петровская. К диалектологии Рязанских говоров. Говор с. Матыр. Сборник ОРЯС, т. XCIX, № 6, Пгр., 1922, стр. 63.

гр. 1578 г. А. и. I. 368). Мужъ ли придетъ или гостья обычная придетъ, *а* она бъ сидѣла всегда надъ рукодѣльемъ сама (Дм. К. 80).[1]

В фольклоре, в частности в пословицах, соотносительный союз *а* встречается чаще. Но уступительные предложения вообще редко даются без подчинительного союза. Поэтому примеры и из фольклора немногочисленны: Слово не стрѣла, *а* къ сердцу льнетъ (Сим. посл. 196). Мертвой у воротъ не стоитъ, *а* свое возметъ (121). Лошадка маленка, *а* сѣдлѫ мѣсто бѫдетъ (118). Зобъ кривъ, *а* сыта птичка (105).

Положения не меняет то обстоятельство, что некоторые предложения здесь не являются точно выраженными уступительными, а представляют собою предложения противоположности. Смысловая связь тех и других несомненна.

Сравнительно редко встречается соотносительный союз *а* в уступительных и в современных говорах деревни: Умирай, а кромку хлеба запасай (МЭИЯМ, д. Березник).

В этих предложениях противоположности, выделивших позднее из себя предложения уступительные, мы не наблюдаем обычно инверсии, за счет которой можно бы было относить выразительность конструкции. Не всегда здесь и отрицание при сказуемом первого или второго предложения. Всюду почти дается обычное сопоставление как будто бы независимых предложений, и значение противоположности — уступительности достигается, повидимому, одним союзом *а*, анафорически указывающим на подчиненность первого предложения, которое часто (но не всегда) имеет в противовес союзу *а* усилительное *и* в первом предложении. Напр.: И не вор, *а* украду (МЭИЯМ, д. Березник). Что здесь союз *и* не имеет конструктивного значения, а является лишь усиливающим, видно из параллельных ему примеров с усилительным *уж*: Уж сколько она веревочка вьется, *а* оборвется (МЭИЯМ, д. Асинушка).

Показания памятников по союзу *а* в соотносительном значении были бы шире и разнообразнее, если бы письменность отражала лексику крестьянства. В тех случаях, когда она находит свое отражение в письменности, мы встречаем уступительные предложения в виде паратаксиса с соотносительным *а* или *да*: а приюту никакого имъ (коням) нѣтъ, и есть одинъ денникъ, *да* небольшой и въ ненасное время конемъ стоять негдѣ (Отп. Суздл. 180).

Союз *ино*

Связь союза *ино* с местоимением — прилагательным — числительным *ин — иной*, имевшим значение как *второй, другой, следующий*, так и *один* обуславливает употребление *ино* в качестве союза, сигнализирующего о выводе, заключении из тех предложений, за которыми он следует как союз анафорический — соотносительный. Здесь прежде всего выступает значение *ино*, соответствующее нашему *но, однако*, т. е. такое значение, которое свойственно союзам, соединяющим противоречивые сказуемые. Так, напр.: Хотѣли есмя къ тобѣ своего человѣка съ твоимъ вмѣстѣ послати, *ино* въ ту пору дорога была нечиста (С. Г. Г. Д. 1448). велить свое имѧ папоу еугенiа поминати, но аще будет... поминати, то оуже намъ велить опрѣсночнаа служити. *Ино*, царю, азъ таковаго събора никакоже зъборовати не хощю (Флор. с. 120). А иніи

[1] Текст, вероятно, нужно понимать как пример бессоюзного соединения, где *ли — или* — не подчинительные союзы, а разделительные.

глаголютъ, будто де и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили; *ино* по монастыремъ и фрязскія вина зазоръ, не токмо что горячее (Посл. Ивана IV в К.-Б. м-рь А. и. I. 385). и великий князь на нашихъ посадниковъ и бояръ опалился: „чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ детехъ. — *Ино* кому хочю, тому дамъ княжество" (Срезн.).

Однако таких примеров употребления, где одно предложение противопоставлено другому, в письменности сравнительно немного. Большинство же случаев употребления *ино* представляют его в несовсем определенном значении *тогда, затем,* где временной оттенок выражен довольно слабо; или же дают его в значении *поэтому, следовательно.* В этом значении показателя вывода, заключения союз *ино* получил широкое распространение как в деловой речи, так и в более высоких литературных жанрах. Здесь он имеет значение соотносительного союза и часто встречается в более или менее безразличном чередовании с таким же союзом *и.*

В памятниках, дающих лексику социальных низов, союз *ино,* повидимому, не был распространен. Современные говоры также не представляют примеров широкого использования его. У Даля, правда, приведены примеры на *ино,* но часть их падает на давно установившиеся формулы, напр. в свадебных обрядах: сват — так сват, а не сват, *ин* добрый человек (Д. сл.).

Грандилевский[1] приводит в словаре *ино* как синоним *инда* в значении *даже,* но в отрывках связной речи у него *ино* — только как прилагательное.

Нет, повидимому, *ино* в белорусском языке. Словарь Носовича[2] дает только *инося = пусть себе.*

В украинском *іно* — в значении *только, лишь,* но приведенный у Гринченко[3] отрывок текста „все може нагородитися, *ино* страх инколи" — дает *ино* скорее в значении *но.*

Но и в говорах и в письменности известно также употребление *ино* в значении почти нейтрального показателя соединения двух предложений или двух членов одного предложения. Повидимому, это отражает один из позднейших этапов развития союза *ино.* Его значение здесь часто непереводимо на современный нам язык, а употребление вполне параллельно употреблению того союза *да,* который нередко встречается в фольклоре и производит там впечатление семантически и конструктивно излишнего. В некоторых текстах он и чередуется с таким *да,* имеющим, быть может, только ритмическое значение: .. добры кони тонꙋтъ молотцы томꙗтца. *ино* бж҃е бж҃е сотворилъ ты бж҃е *да* и небо землю сотвори же бж҃е весновую слꙋжбу (Джемс. I. 10). отворити бꙋдетъ темна кельꙗ, на добрыхъ молотцовъ посмотрити; *інѡ* ѡхъ милыи наши переходы (III. 90).

И еще большее ослабление семантики и конструктивной роли в следующем примере: едетъ к Москвѣ измѣнникъ, *ино* Гриша Отрепьевъ (Джемс. III. 75).

Из трех значений *ино*: 1) *но,* 2) *итак, следовательно,* 3) *и* присоединительное — главным образом второе значение (*итак, следовательно*),

---

[1] А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Сборник ОРЯС, т. 83, СПб., 1907.

[2] И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

[3] Б. Гринченко. Словарь украинского языка. Киев, 1907.

будучи в широком употреблении в качестве союза, соединяющего самостоятельные предложения, могло постепенно выдвигаться на роль соотносительного союза в связанных логически предложениях. В „Материалах словаря др.-рус. яз." И. И. Срезневского дано *ино* в значении *то, так, итак,* причем такое употребление известно уже древнейшим памятникам: А подалѣ пошедъ — *ино* темница господа нашего Іисуса Христа (Хожд. Игн. Пут). твои люди шкоды великіи въ панствѣ нашомъ подѣлали... *ино* самъ того посмотри, гораздо ль то (Послание до Менгли-Гирея).

В Псковской судной грамоте: А на судѣ помочю не ходити... опричь жонки, или за детину, или за черньца, или за черницу или которой человѣкъ старъ велми или глухъ. *ино* за тѣхъ пособнику быти (15). В языке Ивана IV, на ряду с редким употреблением *ино* в значении *но*, идет более обычное для него *ино* в ярком значении вывода, заключения: а бояре къ вамъ пришедъ свои любострастные уставы ввели: *ино* то не они у васъ постриглись, вы у нихъ постриглися, не вы им учители..., они вам учители... А и украшеніе церковное у васъ вмѣстѣ бы было, *ино* бы вамъ то прибыльнѣе было (Посл. Ивана IV в К.-Б. м-рь А. и. I. 379, 380). В таком же значении в подобных конструкциях очень часто встречается в „Домострое": Коли чему навозъ... въ тѣ поры и закупай на весь годъ; *ино* у рубля четверть сбудется (Дм. К. 113). А на ледникѣ полное питіе и ѣству держати; *ино* не портится (118). Патріархъ говорилъ: Арсеній вѣдь вѣра изыде отъ Сіона, и что есть добраго, то все отъ насъ изыде, *ино* мы корень и источникъ всемъ (Арс. Сух. 339). И... князь Иван сказал: ты не принел, *ино* старец от царя повезет к ц-му в-ву царя Александровыми с послами вместе (Толоч. 58). Дьяк Олексей ему сказал: не смею (мимо) товарища принять, что посланы мы от ц-го в-ва вместе. И Теймураз царь учел говорить речь: *ино* ты от меня, Олексей, прочь отстаешь, и яз напишу ц-му в-ву (57). Одинова есмя къ вамъ посылали, чтобъ вы прислали къ намъ тысячю человѣкъ в помочь, вы въ тѣ поры помочи намъ никоторые не учинили; *ино* толь ваша служба и радѣнье? (Дон. д. 250). Да вы же намъ говорите, чтобы мы молодцы не ждали съ Руси хлѣбовъ и всякихъ запасовъ, *ино* буди вамъ бусорманам вѣдома, что кормитъ насъ... Дон Івановичь (Аз. п. 190). Уже три дни мнѣ были нерадошны. не ѣдалъ ꙗ молодецъ ни полꙋ кꙋса хлѣба. *Инѡ* кинꙋ молодецъ въ быстрꙋ рѣку полощь мое тѣлѡ рѣка *інѡ* ѣште рыбы мое тѣло бѣлое, *ино* лꙋтчи мнѣ жития сего... (Г.-Злч. 16).

Формально в приведенных примерах оба предложения, соединенные союзом *ино*, вполне самостоятельны. Однако второе предложение, будучи более важным по существу, постепенно приобретает и формальные признаки главного: в него включается союз *ино*, предупреждающий о наличии вывода или обобщения в этом предложении. В то же время первое предложение ослабляется посредством инверсии, а по интонации сближается с вопросительным предложением, всегда имеющим характер незаконченности, поскольку на него ожидается ответ.

Инверсия незаметна в предложениях бессубъектных или предложениях с опущенным подлежащим, так как она всегда касается, повидимому, только подлежащего и сказуемого. В таких случаях роль единственного показателя подчиненности выполняет соотносительный союз *ино*: А подымутъ ноги во дворѣ *ино* убитъ (Срезн.). А не въсхошь *ино* как тобѣ любо (Срезн.). А сусѣд ставъ, на коихъ шлютсѧ да скажутъ... владѣетъ тою землею... *ино* земля его чиста (Срезн.). Грамоте мало

умѣютъ и святителемъ ихъ поставити, *ино* сопротивно священнымъ правиламъ (Стгл. 58). А татю вѣры не нать, а на кого возклеплетъ *ино* домъ его обыскать (Пск. с. гр. 15). а не было бы страсти, *ино* было и Собакинымъ съ Шереметевымъ не по что браниться (Иван IV. Посл. в К.-Б. м-рь. А. и. I. 384). а полишное у кого что вымутъ из за замка, *ино* то поличное, а найдутъ во дворѣ и не за замком, *ино* то не поличное (Грам. 1606 г. Влад. сб. 165).

Поэтому и в тех предложениях, которые не инверсированы, но логически сопоставлены с последующим как его условие, создается некоторое значение подчиненности. И здесь эта подчиненность начинает формально выражаться соотносительным союзом *ино*: А княжой писецъ иметъ писати судницу о земли, *ино* ѿ судницы взять 5 денегъ (Пск. с. гр. 18).

И там, где союз *ино* соединяет не целые предложения, а отдельные члены („однородные“) одного предложения, предшествующая союзу часть предложения приобретает характер условного предложения: Вѣдь дати волю царю, *ино* и псарю, дати слабость велможѣ, *ино* и простому (Иван IV. Посл. в К.-Б. м-рь. А. и. I. 380). Нашедши виноватого, *ино* и любимаго не пощадити (Ник. л. 103). А благоволитъ богъ кому причаститися, ино лжицею (Дм. 14). Вѣдая то, что будетъ на него посылка, а не ити — *ино* приставомъ платити (Шемяк. 20). Ахъ смерть, и помянуть тебя *инъ* вздохнуть (Сим. посл. 75). Удасться квасъ, а не удастся *ин* кислы шти (145).[1] Хорошо на друга калачъ купит: не удался *ин* сам съѣмъ (151).

Что же касается инверсированных личных и полных предложений с союзом *ино* во второй части периода, то они дают уже полное впечатление и формального подчинения: А тому Онтоманьцу не надобѣ въ ту 19 лѣтъ дань великого князя... А отсидитъ Онтоманець свои срокъ 19 лѣтъ, *ино* потянетъ своею братьею по силѣ (Сев. гр. 1497 г. 163). Брата моего ко мнѣ отпусти. Ко мнѣ его не въсхошь пустити, и ты его на ево вотчину отпустишь, ино то мне таково жь братство будетъ (С. Г. Г. Д. 1489 г. ч. V. 6), а преступлю свою грамоту сію, что въ ней писано, *ино* не буди мнѣ милости божіа (Ник. л. 73). Да из за тѣхъ же щитовъ, государь, на Волгѣ не похочетъ недругъ воинъствомъ своимъ берега дати, *іно* мощно у него твоимъ воиникомъ із за тѣх щитов берега взяти (Пересв. 79). А не выкуплю яз тое пустоши на срок на Дмитреев день, *ино* Геронтью на ту мою землю ся кабала (Закл. XV в. А. Ю. Б. 11). А попросятъ съ нимъ тѣ послухи поля, которые не молвятъ въ истцовы рѣчи, *ино* имъ присужати цѣлованья съ жеребья, а по жеребью поцѣлуютъ послухи тѣ, которые послушествовали въ истцовы рѣчи, *ино* тѣхъ послуховъ... обвинити... а не попросятъ поля тѣ послухи... *ино* тѣмъ ищея виноватъ (Устав. гр. 1556 г. А. и. I. 316). А намѣстницы наши... их не судят... А учинится у нихъ... душегубство или ихъ кто убитою головою подкинетъ, *ино* намѣстникомъ вѣры два рубля (Тархан. гр. 1573 г. А. и. I. 351). А кому будетъ чего искати на епископлѣ боярине и на дьякѣхъ... и на крестьянѣхъ, *ино* ихъ сужу язъ царь (Тархан. гр. 1578 г. А. и. I. 376). дастъ тотъ игуменъ и весь причетъ церковны на всякъ годъ... за пиво четвертку жита да полоть мяса, а нелюбо полоть, *ино* пять денегъ... (Тархан. гр. 1573 г. А. и. I. 349).

Мы не всегда можем определить, является ли данное предложение примером сложно-подчиненного или еще сочиненного предложения, так

---

[1] Но у Даля та же пословица еще без союза *ино*.

как нередко сказуемое первого предложения здесь семантически совершенно невыразительно, и стоит на пути к преобразованию в союз. Так, чисто формальными являются сказуемые *случится, учинится, будет*, а также *нелюбо* „Кому *будет* чего искати" — это уже почти союз *буде*, а *нелюбо* имеет только разделительное значение *или — или*.

Как здесь, так и особенно в смешанных конструкциях, где дается и условное, и относительное подчинение (посредством *который, кто* и др.), различение гипотаксиса от паратаксиса становится затруднительным. Напр.: А поноровитъ который недѣльщикъ татю или разбойнику по посуломъ... и уличатъ его въ томъ, *ино* на томъ недѣльщикъ искъ доправити (Судебник 1550 г. А. и. I. В нем такие формулы обычны). Сколь возможно искать того, чтобъ быть на морѣ во время бою, а кому и не лучится, *ино* съ прилежаніемъ искати того, какъ въ тое время поступить (Птр. I. 117).

Повидимому, обратный порядок следования предложений представляет текст: ѣште рыбы мое тѣло бѣлое, *ино* лѣтчи мнѣ жития позорного, уйду ли я и у горя злочаѣтнаго (Г.-Злч. 16), если только подчиненность не выражена уже и формально союзом *ли*. Мы видим, что союз *ино* сопровождает условную конструкцию на всех этапах ее развития, от первых моментов осложнения паратаксиса до момента ослабления сказуемого в первом предложении и перехода его в специальный подчинительный союз. Естественно поэтому, что и в дальнейшем, уже в установившемся союзном подчинении, союз *ино* продолжает оставаться, играя роль усилительной частицы, подчеркивающей вывод, представляемый вторым предложением.

Союз *так*

Наречие *так* не получило широкого распространения в гипотаксисе в качестве соотносительного союза,[1] но в паратаксисе в условном предложении оно встречается нередко. Мы находим его закономерно в предложениях сравнительных, где ему в подчиненном предложении соответствуют союзы *как* и *ако*. Эти союзы были широко распространены и в предложениях времени. Но так как выражение условных связей на первых порах мало отличалось от выражения временных, то и соотносительный союз *так* можно встретить в качестве соотносительного условного союза в тех литературных памятниках и у представителей тех социальных групп, которые на ряду с общепринятыми условными союзами (*буде, если, ежели*) знают в этой функции собственно временные союзы *коли, как* (*бы*), *когда*.

Но союз *как* (*бы*) в условном значении сравнительно редко попадает в письменность, все время оставаясь в ней чертой диалектной. Поэтому и соотносительный ему союз *так* следует искать в паратаксисе условных периодов прежде всего в современных говорах деревни, а в письменности — только в тех памятниках, которые носят на себе яркие черты разговорного языка. В фольклоре — широкое распространение соотносительного *так* в былине, сказке и в пословице.

В былинах: худая то взять, *так* замены нет, хорошая взять, *так* чужа корысть... А убитому быть, *так* не веку и жаль (Был. С. 184). Прибил сорок тысяч станичников. По русски назвать — *так* разбойни-

---

[1] В противоположность иным соотносительным союзам, которые сохранились и в позднейшем, гипотактическом строе.

ков (Был. С. 186). В сказках: Задал мне задачу барин. Решу — *так* помилует, а нет — голова на плаху (Сок. № 86). А заплатишь — *так* поедем (Песни Рыбн. II. № 153). А тебя захочу, *так* с уздою продам седня (Аз. № 4).

В пословицах: Вору не говорить, *такъ* и праву не быть (Сим. посл. 213). На ряду сидѣть, *такъ* все пить (213). Лодыга въ каше, *такъ* повара взашей (185). Женитца, *такъ* не ленитца, хотя и не хочется вставать (183). Пашню пашутъ, *такъ* руками не машутъ (192). Окомъ не смотритъ, *такъ* мошнею заплатитъ (191). Подумаешъ умомъ, *так* волосы дыбомъ (211). Не по многу берешъ, *так* болши наберешъ (126). Богатѣе себя взаем не давай, *такъ* не оголѣешъ (117). Лгать, *такъ* людей обѣгать (185). Пошла по масло, *такъ* въ печи угасло (192). Ситней сьѣлъ, *такъ* решетной цѣлъ (195). Шутка шутить, *такъ* людми замутить (202).

То же в пословицах, собранных Далем: Было Тита, *так* было и пито, а ныне Карпа — нет ни капли (Д. посл. 48). Врун, *так* и обманщик, обманщик, *так* и плут, плут, *так* и мошенник; а мошенник, *так* и вор (203). У Кирши Данилова: Дружина спитъ, *такъ* Волохъ не спитъ (19). В песнях: Как тебя дома застанем, *так* тебя убьем; тебя дома не застанем, *так* твой дом сожжем (Соб. Песни. VI. 479). У богатого взять не отдати, у бедного взять — *дак* разорити (63).[1]

В современных говорах деревни наречие *так* можно считать единственным соотносительным союзом в условных предложениях без подчинительных союзов. Исключительно редко на ряду с ним выступает здесь соотносительный союз *то*: А на дело — *так* и нет (МЭИЯМ, д. Городилово). Ругаются — *так* всех переклеплют (д. М. Шанево). Сын был — *так* сын ходил, а сына нет, *так* сама-то (не могу) (д. Кузнецово). Эх, подруженька, дорогой совет, увидишь милого, *так* передай привет (с. Полново).

У Даля много примеров употребления соотносительного *так*: Не с того боку, *так* с другого. Не так, *так* иначе (Д. сл.).

В письменности этот союз представлен, как уже сказано, сравнительно редко и преимущественно в поздних памятниках: А из Риги въ водополье нанять корабль до Аглинской земли, *такъ* онѣ успѣютъ назадъ къ тебѣ (Гб. 1661 г. 72).

На правомъ глазу белмо, *такъ* пронять въ левое ухо шерстяную нитку (Кн. ох. рег. 25). А когда на ночь запираютъ тѣ дворы, то ключи относятъ большему капитану, а отпирать, *такъ* имѣетъ четырехъ поручниковъ (Дв. цес. Тур. II. 23).

Несмотря на недостаточное распространение наречия *такъ* в функции формального анафорического показателя подчиненности, мы можем считать его одним из соотносительных союзов, так как и его семантика, и роль его в положении между двумя самостоятельными предложениями приводили его к такому значению показателя вывода.

Первоначально, повидимому, значение *так* на грани двух предложений сводилось к выражению следования во времени: „Вдаимыслъ Печенѣгомъ... *и тако* свѣтъ створиша (Срезн.). И целовавъ образъ сты̑ бц̑а, *ти тако* изыде изъ цр̑кве (Срезн.).

Правда, наречие *тако* объединено здесь с союзом *и* или частицей *ти*. Однако ни обычный соединительный союз *и*, ни усилительная

---

[1] Даже в песне, сложенной цыганами в начале XIX в. (1805): „Узнаешь милую' *так* отдай поклончик" (С. И. Жихарев. Записки современника, т. I. Academia, Л., 1934, стр. 96.

частица *ти* не дают сами по себе выражения отношений времени. Значение *и вот, и тогда* — достигается лишь объединением их с наречием *тако*, где вся выразительность временных отношений — в наречии *тако*. Сравним современное *итак*, в котором уже от отношений временных дан переход к связи условия — следствия или причины — следствия. Поскольку отношения условные и причинные лишь постепенно выделяются из отношений временных, мы находим наречие *так* в таких парах предложений, где второе является выводом из первого и более поздним по времени, сравнительно с первым. Напр.: У боярони куры мереть стали; *так* (=*тогда*) она ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ де... помолилъся (Авв. ж. 32).

Нередко наречием *так* начинается заключение из предыдущего: Старуха сказала ему: *так* видно я тщетно надѣюсь (Вес. Мел. 203). Так скажи ж, родимой батюшка, Ты когда придешь в дороги гости (Прич. сев. кр. I. 59).

В случаях сопоставления противоположных по смыслу предложений наречие *так* приобретает смысл нашего „в таком случае". И это положение наречия очень близко к положению соотносительного союза в причинных предложениях. Так, напр.: Грязно. Санми ѣхать не можемъ. Такъ верхомъ ѣду (Lud. 55). Союз здесь передает лат. *ergo* и нем. *so*.

Если мы не можем наблюдать развернутой картины перемещения наречия *так* из пары независимых предложений в условный период, то только потому, что в письменности вообще мало примеров на соотносительный союз *так*. И в следующей стадии — гипотаксисе — он представлен слабо, причем большею частью, в предложениях временных: Какъ не стало денги ни полуденги, *так* не стало ни друга ни недруга (Г.-Злч. 7). Златоустъ Иванъ и лутче насъ былъ а какъ пришло время, *такъ* спрятали такъ же, какъ и насъ (Авв. Бес. 285). В фольклоре чаще в условном периоде: Какъ бы я тяги нашелъ, *такъ* я бы всю землю поднялъ (Песни Рыбн. I. 32—33). Коли взять тебя с собою, *так* ты... пропьешь и эти деньги (Аф. № 171). Как будете работать, *так* и буду кормить (Аз. Сиб. № 3).

Только такое краткое изображение судьбы союза *так* и возможно здесь. Иные его значения должны рассматриваться в работах по временным и, главным образом, сравнительным предложениям, где его распространение в письменности вполне закономерно приняло более широкие масштабы. Следует отметить, что в польском языке то же наречие *tak* выступает иногда в значении, близком к значению русского *так*, в тех случаях, когда оно начинает новое предложение (ja cie złapam przędko, tak ty będziesz moja)[1] и является показателем следствия во времени, что не всегда отличимо от значения показателя вывода.

Мы могли бы в параллель к *так* поставить развитие наречия *тут* в значении заключительного союза. Он, впрочем, еще менее распространен, чем союз *так* (даже в предложениях места), но и он мог выступать в значении заключительного союза, относящегося к большому связному тексту не только в предложениях места, но также и в предложениях временных и условных.

Отдельные этапы его незаконченного развития показывают, каким путем могло итти закрепление за наречием значения показателя соотносительности всего предшествующего текста к последующему предложению.

---

[1] I. Karłowicz. Słownik gwar polskich. Warszawa, 1919, под словом „tak".

Приведем несколько примеров пережиточно сохранившихся приемов использования наречия *тут* в независимых и формально подчиненных предложениях:

Да он подал князю ю Владымиру
Во его во белыи во ручушки.
А *тут* (=*и вот теперь*) этоёй старинушки славу поют.

(Гильф. № 79.)

Тоби по́лно-тко спущать-то сиротать да малых детушок
А *тут* (=*и вот теперь*) Соловью ему й славу поют,
Ай славу поют ему век по-веку.

(Гильф. № 74.)

Как я бы тут его на долонь-ту клал
Другой рукой опять бы сверху прижал
А *тут* (=*тогда, так, то*) бы еще да ведь блин то стал.

(Гильф. № 48.)

Несколько замечаний относительно иной фонетически формы союза — о форме *дак*. Ее употребление, ее широкое распространение в говорах, случаи безразличного употребления *дак* в чередовании с *так* — все это не дает оснований отделять судьбу *дак* от истории развития *так*. Вернее всего, что это — контаминация *так* и соединительного союза *да*. Союз *да*, близкий по значению к союзу *и*, мог, как и этот последний, выступать иногда в значении соотносительного союза при слабо выраженных отношениях следования во времени или пространстве. Представленный в таком своем значении весьма слабо даже в фольклоре, в письменность он не проник, повидимому, совсем (но в иных значениях он получил широкое распространение в фольклоре).

Контаминация *да* и *так* могла быть обусловлена широко проведенной системой объединения соотносительного союза с соединительным (*и то, и тако, ти тако, и ино, а тут* и *др.*), а также чередованием *да* с *так*. В фольклоре мы встречаем такое чередование соединительного *да* с новым соотносительным *дак*:

Да шибал же он ево под облаки
Да назадь-то ево да не подхватывал
Дак предал ему смерть-ту скорую.

(Гильф. № 219.)

В значении, переходном к соотносительному союзу (подобно *так*), союз *дак* очень часто встречается в фольклоре: да молот взял, да пять раз дал ему в лоб, *дак* тот и свалился (Карн. № 132). Те смотрят — ети самые: „Ну, *дак* вот што“ (Рус. ф. 355). Говорил то ведь он, *дак* будто гром гремел (Марк. Был. № 15).

Однако в немногих примерах может быть показано и вполне четкое соотносительное значение одного союза *да*, притом уже в гипотаксисе:

Как бы был у меня жив несудимый богатырь Илья Муромец
Да я не слышал бы я этой угрозы великие.

(Гильф. № 257.)

Союз *то*

Местоимение *то* в значении соотносительного союза очень часто встречается в гипотаксисе условных предложений, выступая вместе с союзом *аще* примерно в 25 случаях употребления *аще* и чередуясь здесь с соотносительными союзами *и, ино*. Столь же широко распространение союза *то* в предложениях, подчиненных союзом *буде(т)*. Примеров же употребления *то* в паратаксисе памятники почти не представляют. Однако в тех случаях, где такой соотносительный союз дан, он имеет вполне четкое соотносительное значение и может чередоваться здесь с обычными соотносительными союзами, напр. союзом *так*: Внесеть быстрость іорданская рыбу въ море то, *то* не может жива быти (Срезн.). богатъ мужь возглаголетъ вси молчатъ и слово его до облакъ вознесутъ, а убогъ мужь возглаголетъ, *то* вси на него воскликнутъ (Посл. Дан. Зат. XIII. 55). пріидоша три юноши... и единъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди и нынѣ ты хочешь итить въ Греческую землю, *то* они насъ и до остатку всѣхъ погубятъ (Девг. д. I. 155). Изопьемъ вина, *то* прибудетъ ума (Кир. Д. 181). На правом глазу белмо, *такъ* пронять в левое ухо шерстяную нитку... а... на левом, *то* в правое ухо пронять (Кн. ох. рег. 25). В последнем примере — чередование *так* || *то*.

Почти полное отсутствие примеров на соотносительное *то* в паратаксисе и широкое распространение его в гипотаксисе может иметь только одно объяснение. Язык правящей верхушки феодального общества, так хорошо представленный в письменности, особенно в высоких литературных жанрах, очень рано утратил строй бессоюзного соединения и соединения посредством соотносительных союзов, заменив его новым видом подчинения посредством особых союзов в подчиненном предложении. Мы вообще почти не имеем в письменности паратаксиса (даже на второй стадии его развития — с соотносительными союзами), так как он ко времени появления письменности был уже достоянием языка только социальных низов. Соотносительного союза *то* нет в письменности именно потому, что нет в ней той синтаксической конструкции, в которой он должен был появляться. Но что он был в языке на предшествующей стадии развития, когда обычным синтаксическим строем было соединение при помощи только соотносительных союзов, об этом мы можем заключать из факта широчайшего распространения *то* в гипотаксисе, где он является не только обычным, но, можно сказать, единственным союзом в заключении союзного условного периода. Здесь союз *то* вытеснил иные соотносительные союзы (*и, ино*)[1] и дожил до нашего времени, не потеряв первоначальных черт своей принадлежности к высоким литературным жанрам.[2]

Отметим полную противоположность судьбы союзов *так* и *то*. С некоторым упрощением: первый — только в паратаксисе, второй — только

---

[1] Так, если соотносительное *то* является в 25 из 100 случаев употребления союза *аще*, то соотносительное *и* — лишь в 9 случаях, соотносительное *ино* — в 2 случаях. Цифры, конечно, приблизительные и установлены на основе наблюдения над 1500 примерами с союзом *аще*.

[2] Сравним стилистическую окраску союзов *то* и *так* в современном языке. В художественной и деловой литературе безраздельно господствует *то*. Здесь почти невозможен союз *так*, которому отведено место лишь в бытовом разговорном языке, где довольно обычным еще является и паратаксис (бессоюзный и с соотносительными союзами).

в гипотаксисе, и соответственно этому первый есть (для периода XII—XVII вв.) принадлежность языка социальных низов, знавших преимущественно паратаксис, второй — в языке иных социальных групп, развивших уже гипотаксис.

Современные областные говоры, повидимому, совсем не знают соотносительного *то*. В фольклоре он представлен редкими примерами, напр. в пословицах: ѣнѣ *то* ѣнѣ, а на вечер *то* на вечер (Сим. посл. 208). Рано слнце всходитъ, то уж быть дождю (137). Женѣ спускать, *то* в мошнѣ іскать (183). Правды не говори, *то* постыл не будеш (192). Рано вставать, *то* не потеря, а поздо встават(ь) *то* самому стыдно себя (194). В грамотах крайне редко: а жена моя пострижетьсѧ въ чорнице, *то* выдаите ки четверть (Дух. зав. Новгородца Климента ок. 1270).

В „Русской Правде“ соотносительное *то* — нередко.

Таким образом, союз *то* первоначально не мог иметь никаких связей со всеми видами просторечия, которое мы видим в большинстве примеров паратаксиса, имевшего иные соотносительные союзы (*и, ино, так*).

Чго указательное местоимение *то* могло стать соотносительным союзом в условном периоде, это показывает и его семантика, и его положение в связном тексте из независимых предложений.

Вообще местоимение *то* в этой форме им.-вин. п. ед. ч. ср. р. могло служить показателем связи с предыдущим, причем такой связи, при которой все предыдущее включается в действие последующего, как его подготовка. В таких случаях местоимение *то* иногда относится к очень большому по объему тексту, связывая его с кратким заключением. Так в конце былины:... пьетъ Илья довольно зелено вино съ темъ Васильемъ съ пьяницей и называетъ Илья тово пьяницу Василья братомъ названьем *то* старина *то* и деянье (Кир. Д. 104). Так и в отрывках прямой речи, разорванных авторской ремаркой: И партріархъ сказал: добро у васъ такъ. И помолчавъ говоритъ Арсенію: *то* есть все едино тѣло христово, ни которая часть ни которой не меньши не больши (Арс. Сух. 274).

Местоимение *то* теряет здесь значение местоимения, приобретая смысл заключительного „значит, следовательно“. Эта характерная для *то* направленность назад, к уже сказанному, наблюдается и во всевозможных сочетаниях *то* с усилительным *и*, или противительным *а*, или отрицательным *не* и др. Напр.: А волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочѣ татбы и разбоя и душегубства, *а то* судитъ ихъ человѣкъ святого Юрья промежи собою (Грам. ук. о кр. 8). В іерусалимѣ октября въ 13 день былъ дождь *и то* не добрѣ большой, малешенекъ, яко ситомъ, *и то* переставая (Арс. Сух. 53). Будет с меня силы, большій братец, *не то* земля на себе носить не станет (Песни Рыбн. II, 42). А въ 19 числѣ *то есть* в день воскресенія Христова, часу въ другомъ дни (Птр. I. 94).

Здесь и сходство в употреблении, и этимологическая связь с постпозитивным членом в др.-рус. и в современных говорах. Разница лишь количественная: постпозитивный член подчеркивает повторенное существительное, подводя его тем самым под действие следующей части предложения, — указательное местоимение *то* в начале самостоятельного предложения вовлекает в это предложение не один какой-либо член предыдущего предложения, а все предложение. Напр.: въ чердаке была беседа дорогъ рыбей зубъ и подернута беседа рытымъ бархатомъ, на беседе *то* сидель купавъ молодецъ молодой Соловей сынъ Будимеровичъ (Кир. Д. 1).

Сравним с этим: „Иже земнаго ищетъ мимо вѣчное, *то* подобенъ ѥсть томоу, иже хощетъ ратаи имѣти на стѣнѣ написанъ, а не на нивѣ орюща (Ис. Врн. 10). Если бы здесь было дано *тот* или *той*, это вводило бы субъект первого предложения в действие второго, и роль местоимения была бы вполне подобна роли постпозитивного члена. Но местоимение *то* не указывает на лицо, а указывает на все положение. Будучи формально связано со вторым предложением, оно показывает отношение первого ко второму как явлений противопоставленных.

Этим, вероятно, объясняется и оттенок временного значения, присущий местоимению *то* на грани двух предложений. Не случайна и этимологическая связь его с *тогда* — специальным показателем временных отношений. Иногда довольно четко выступает это значение следования во времени того предложения, которое присоединено посредством *то*. Впрочем, местоимение здесь нередко соединяется с частицей-союзом *же*: Есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ и около же его горы великы и высокы, олно пришедъ близъ къ граду, *то же* видѣти святый градъ Іерусалимъ (Срезн.). Пожди брат *тож* поидеши (Срезн.). И пакы оженѧтсѧ и състарѣються, *тоже* даи опитемью (Срезн.).

Что значение *тогда, потом* дается здесь главным образом местоимением *то*, показывают случаи употребления его и без частицы *же*: Паки б҃е къ Смолиньску со Ставкомъ Скордѧтичемъ, тои пакы и ѿиде къ Верестию и мене посла Смолиньску. *То* и Смолиньска идохъ Володимерю... та идохъ Переѩславлю (Поуч. Влад. Мон. Л. л. 247).

От временного значения вполне возможен переход к значению логической последовательности. Поэтому встречаются такие примеры употребления *то*, в которых хотя местоимение и не имеет еще четкого значения вывода из предыдущего, но где уже есть значительное отступление в этом направлении от значения *тогда, потом*. Местоимение *то* приобретает здесь значение заключительного *итак*: Рс҃ же Володимеръ *то* что ради сниде б҃гъ на землю (Л. л. 87), и глаше въ сердьци своемъ *то* понѣ узрю брата моего меншаго Глѣба (Срезн.).

Иногда в еще более выразительном значении заключающего предшествующее и начинающего новое предложение выступает местоимение *то*, стоящее уже довольно близко к соотносительному союзу: Есть оубо ина птица... нарицаемаѧ фуникъсъ... *то* та оубо птиц҃ одногнѣздьница ѥсть (Срезн.).

Миклошич находит значение *itaque* в местоимении *то* в Супрасльской рукописи, хотя и здесь более обычным является употребление *то* в более или менее нейтральном значении греч. καί, лат. *et*.[1]

В сходном значении лат. *itaque*, а также лат. *tum* выступает другая форма этого местоимения — вероятно форма им.-вин. п. мн. ч. ср. р. — та.[2]

Такая семантика и своеобразная позиция начинающего заключительное предложение союза, закрепившись за местоимением *то*, приводила его и к употреблению в качестве соотносительного союза в условном периоде.

Здесь показательны переходные моменты, когда два сопоставленных предложения не имеют еще формальных показателей связанности; даже интонация не изменена на вопросительную. И все же конструкция начинает клониться к условной. Громадную роль в таких случаях должно было играть местоимение *то*. Несколько примеров: Страдание ко всѣм

---

[1] Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 993.

[2] Ibid., стр. 981.

имѣи и ты съ кротостью держися истины с правдою *то* тебѣ честь и хвала великая (Г.-Злч. 11). сынъ рече отцу:... изволь мене отпустить въ службу,— *то* мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья (Г. Вас. Кар. 108). Разъяри своего добраго коня и перескочи черезъ стѣну, *то* очутисся у ворот того сада, гдѣ растутъ яблоки... (Лек. от задумч. 163).

Незначительное изменение сказуемого в первом предложении (изъявительное вместо повелительного) — и мы имеем готовую условную конструкцию. Организующая роль местоимения *то* и здесь очевидна. Иных формальных признаков подчиненности первого предложения, кроме интонации, нет. Инверсия не везде. Вот несколько примеров предложений, которые нужно считать условными: Бога ради, отци срѧтіи и мало въ чемъ ослабу попустите, *то* и велико будетъ (Посл. Ивана IV в К.-Б. м-рь. А. и. I. 378). А посмотря по человѣку и по торговлѣ кто чего достоинъ, подаришъ его чимъ, *то* у тебя сугубо будетъ (Дм. К. 114). А хто бы такъ не умывшесе вошелъ в мосхею а то бъ довелось на него подлинно, *то* за такое преступление... (Дв. цес. Тур. 11).

Дальнейшие примеры могут характеризовать уже переходные к гипотаксису моменты. Чтобъ впредь не продавали; а учнутъ продавать *то* имѣти заповѣдь от чарки по два рубля (Дм. Строг. гр. 131). Не вверженъ ли умершаго ис корабля, то всѣ... погибнем (Р. Д. 27). В последнем предложении союз *ли* — быть может уже подчинительный союз.

Нет необходимости рассматривать особо употребление соотносительного *то* в гипотаксисе. Обычный строй их таков: *аще* прежереченная... совершишася, *то* и послѣдняя не преидут (Ц. Дин. 504).

В этом положении соотносительного союза при разных подчинительных союзах условных предложений местоимение *то* удерживается вполне последовательно в конструкции, значительно превышая по степени употребительности иные соотносительные союзы и подчиняясь только медленно проводимой системе устранения из условной конструкции всяких вообще соотносительных союзов. Даль вполне правильно замечает о союзе *то* в современном языке, что это — „союз = *тогда, следовательно, стало быть, в сем случае, так;* отвечает на *ежели, если, коли, когда, буде, как, так как,* но без предварительного условного нейдет“.[1] Что его последнее замечание не вполне соответствует показаниям памятников др.-рус. языка, это можно было видеть из нескольких примеров, приведенных в начале этой главы. Но оно правильно отражает положение в современном литературном языке и в говорах, где единичные случаи употребления *то* без соответствия подчинительному союзу могут быть относимы за счет влияния литературного языка как появившиеся на месте вполне обычного *так*. В МЭИЯМ среди записанных мною 17 условных предложений с соотносительным союзом 16 дают союз *так* и только одно — союз *то*.

Следует особо отметить редкие сравнительно случаи употребления соотносительного союза с союзом соединительным в одном и том же предложении. Такое объединение союзов встречается как в паратаксисе, так и в гипотаксисе. Несколько примеров: к воинским делам охочь былъ, *то* и как выехал на войну ис (с)воей земли, и не возвратился до седми лѣт (Р. д. 1). кадят два архіерея, а нѣтъ архіереев, *и ино* кадятъ два архімандрита (Чин. Иоак. 82). и на церковный соборъ

[1] Толковый словарь... под словом „то“.

мало ходитъ, а и придетъ когда, *и то* пьянъ и всячески непотребенъ до конца (Челоб. солов. ин. 49). и только по старине не будетъ, *и то* всегда быти воеванной Мещерѣ (Кр. Д. II. 377). и буде сойдется противъ выкълатки. *і то* пряма (Птр. I. 2). аще Девгеній прекрасный совокупится съ Максимьяною дѣвицею, то житія его 16 летъ, аще достигнетъ прекрасной Стратиговны, *и то* житія тридцать шесть лѣтъ (Девг. д. I. 163).

Такое употребление союзов должно, повидимому, говорить о недостаточной выразительности паратаксиса с одним соотносительным союзом. Оно могло бы характеризовать один из переходных моментов в жизни соотносительных союзов, когда обычные соединительные союзы (*и, а* и др.) уже вытеснялись из позиции соотносительных союзов новыми и более выразительными формальными показателями подчиненности, не порвавшими еще окончательно связей с теми местоимениями и наречиями, из которых они вышли. На предположение о двух периодах в жизни соотносительных союзов [1) употребление в такой роли соединительных союзов и 2) местоимения и наречия в роли соотносительных союзов] — наталкивает нас не только употребление *и то, и ино* и под., но и некоторые общие соображения. Но о них подробнее — ниже. Что же касается случаев употребления союза и соотносительного слова в гипотаксисе, то оно может объясняться широкой традицией такого употребления их в паратаксисе, т. е. тем же, чем объясняется и употребление самого соотносительного союза в гипотаксисе.

В начале настоящей главы было дано некоторое разграничение соотносительных союзов: с одной стороны — *и, а (но, да)*, с другой — *ино, то, так*.

Несомненно, они качественно различны. Первые — обычные соединительные союзы, вторые не выступают в качестве союзов в „слитном" предложении. Следовательно, не могло быть безразличного и одновременного употребления тех и других в одной и той же функции. Это разделение должно быть оправдано и исторически.

Необходимо поэтому несколько подробнее остановиться на начальных стадиях в развитии сложного предложения. При этом можно будет лишь ссылаться на приведенный в этой главе материал, не привлекая нового.

Как должны мы представить себе отправной пункт в развитии сложного предложения? Казалось бы правильным считать, что первая, подготовительная стадия к созданию сложного предложения должна характеризоваться наличием постоянной простейшей логической связи между двумя рядом стоящими формально независимыми предложениями в связном отрывке речи — связи по смежности, по времени и т. п. Связь эта может выражаться уже самой последовательностью предложений, и никаких иных признаков она пока еще не имеет. Здесь, следовательно, первое предложение является изображением предшествующего события, второе — последующего, более отдаленного и т. д.

Осознание вновь возникающих более тесных и логически более тонких связей по времени, по причинности должно позднее получать и более яркое формальное выражение в речи. Возникает специальная интонация, показывающая незавершенность первого предложения и его связанность с последующим. Интонация эта, несомненно, вполне сходна с интонацией независимого вопросительного предложения.[1]

---

[1] Едва ли, впрочем, следует говорить о полной независимости вопросительного предложения. Ожидание ответа в известной мере разрушало эту формальную независимость,

Или одновременно, или вслед затем происходит изменение обычного порядка слов в первом предложении. Это явление вполне параллельно первому, так как вопросительное предложение также обычно является инверсированным. Возможно поэтому, что здесь лишь две стороны одного и того же явления — уподобления подчиняющегося вопросительному. Но все же инверсия[1] является вторым формальным средством показать связанность предшествующего с последующим. Этот второй формальный показатель, однако, играл меньшую роль в организации сложного предложения. Об этом судим по тому, что инверсия подчиненного предложения, будучи широко распространена не в одном только русском языке, все же не проведена в бессоюзном соединении (которое иногда называют и подчинением) вполне последовательно, а также потому, что инверсия в бóльшей степени характерна для литературного языка, чем для говоров. Повидимому, и первоначально инверсия могла быть, но ее могло и не быть в подчиненном предложении.

На следующем этапе развития и уточнения логических связей между двумя рядом стоящими предложениями возникают и словесно-формальные средства объединения. Для этой цели язык воспользовался привычными уже средствами соединения — теми союзами, которые были известны в простом (почти простом) предложении с однородными членами.[2] Это проникновение соединительных союзов в создавшуюся и уже формально выраженную конструкцию сложного предложения не являлось разрушением старой системы, так как сюда, в эти предложения с достаточно яркой логической связью, соединительные союзы включались так же точно, как они уже ранее включались между предложениями, имевшими минимальные, близкие к нулю логические связи.[3] Но союзы оказывались в неодинаковом положении: между логически слабо связанными предложениями они не приобретали ни определенной семантики, ни достаточной конструктивной ценности; в положении между тесно связанными по смыслу они становились соотносительными союзами с выразительной семантикой и с ответственной ролью показателей одностороннего объединения. Всякий соединительный союз, следовательно, становился соотносительным, когда им соединялись два предложения с бóльшей, чем обычно, логической связью, иногда даже и выраженной иными формальными средствами (интонация, инверсия).

Вполне естественно, что определить, где была эта бóльшая связь и где меньшая, чрезвычайно трудно. Объективный критерий отсутствует. Ссылка на особую интонацию или ее отсутствие не помогают делу, потому что интонацией отмечены только крайние, резко выраженные явления. Грань между соединительными и соотносительными союзами неуловима именно в той мере, в какой неуловима грань между сочинением и подчинением. Легко определяются полярные точки: 1) подчинения

делало предложение незаконченным. Таким образом вопросительная интонация могла быть обусловлена двумя параллельными тенденциями: движением всякого вопросительного в направлении к сближению со всяким подчиняющимся и движением подчиняющегося в направлении к полному сближению по интонации с предложением вопросительным.

[1] Имею в виду лишь место подлежащего и сказуемого.

[2] Ничто не заставляет нас признавать, что так называемое слитное предложение развилось в языке позднее сложного разных видов.

[3] А что создана была традиция включения союзов в логически не связанные предложения, показывают случаи нагромождения одних и тех же союзов в примерах связной речи из памятников. Нередко здесь каждое новое предложение начинается союзом *и* или *а*.

и 2) отсутствия логической связи, но между ними — бесконечное разнообразие и логических полутонов, и достаточное разнообразие формальных приемов выражения связи.

Создается традиция употребления союзов в качестве знаков связанности двух предложений, из которых второе („главное“) имеет бóльшую логическую и формальную определенность. Дифференцируется и уточняется семантика союзов. Союз *и*, напр., получает характер заключительного союза во временных и условных предложениях, союз *а* — преимущественно в предложениях противоположности, к которым относятся, между прочим, и уступительные предложения.

Однако процесс этот прерывается. В самом подчиняющем предложении развиваются более выразительные знаки направленности предложения к предшествующему ему, подготовительному предложению. Местоимение *то*, наречие *так* охватывают собою все высказанное ранее[1] заменяют собою то предложение, на основе которого строится вывод. Первоначально они должны были являться во втором предложении совместно с союзом *и*, *а*. Но постепенно на эти новые союзы *ино*, *то*, *так* переносится вся формально-словесная выразительность конструкции подчинения. Немногочисленные случаи пережиточного употребления союзов *и*, *а* совместно с соотносительными *то*, *так*, *ино* свидетельствуют об этом периоде сосуществования рядом старых и новых формальных показателей. Развитие и создание четкой семантики союзов *ино*, *то*, *так* является последним этапом в жизни соотносительных союзов, так как в первом (подчиненном) предложении в это время начинают возникать и оформляться подчинительные союзы. Но этот последний этап в развитии соотносительных союзов является в то же время и процессом создания четко оформленной конструкции сочинения, ибо союзы *и*, *а*, окончательно вытесняемые из конструкции подчинения, закрепляются на позициях между логически и формально равноценными предложениями. Только теперь создается, в отличие от подчинения, вполне выразительная конструкция сочинения.

В этом смысле и должно быть уточнено общепринятое понимание первичности паратаксиса сравнительно с гипотаксисом. Не перестройка сочинения в подчинение, а одновременный (двухсторонний) процесс создания из двух логически связанных предложений **или** одного сложно-сочиненного, **или** одного сложно-подчиненного.

Судить решительно об отдельных этапах развития сложного предложения, конечно, трудно, в виду отсутствия по целому ряду связанных с этим вопросов не только специальных исследований, но и сколько-нибудь определенных высказываний. Предложенное здесь понимание переходных моментов в развитии сложного предложения пока единственное в том отношении, что оно позволяет представлять развитие сложного предложения как единый неразрывный процесс.

Мы наблюдаем лишь отдельные звенья этой цепи, когда сравниваем показания говоров деревни с показаниями литературного языка. В говорах — и широчайшее применение соотносительных союзов в качестве основных показателей логического подчинения, и достаточная дифференцированность в употреблении этих союзов (напр. *и*, *так*) — все это

---

[1] Несколько иначе *ино*, в котором первоначальная семантика (*иной, другой*) давала основания для включения его в противопоставленные предложения. Лишь позднее его действие распространилось на предложения, показывающие следование одного события за другим.

тесно связано с отсутствием в них развернутой системы подчинительных союзов, а следовательно, и с отсутствием до конца проведенного различения конструкций сочинительных от подчинительных. Соединительные союзы (*и, а*) в говорах нередко более выразительны, чем в литературном языке. Но это значит, что они не встали еще на те позиции почти нейтральных соединителей, на которых они закрепились в более продвинутом вперед по пути уточнения логических связей литературном языке.

Несколько замечаний о терминах „соединительные" и „соотносительные" союзы. Краткий обзор употребления их в некоторых видах сложного предложения должен был показать, что в плане историческом термин „соединительный" союз требует очень осторожного обращения, так как во многих случаях нельзя определить, является ли союз соединительным, или он — анафорический знак подчинения. Термин „соотносительный" совершенно непригоден: он внушает ложное представление о соответствии ему другого союза в рядом стоящем предложении. Но мы видим, что никакого другого союза первое предложение не имело. „Соотносительным" союз может быть называем лишь в последние моменты его самостоятельной жизни, когда в первом предложении развился уже действительно ему соответствующий союз. Но это — и сравнительно краткая, и наименее характерная полоса в истории соотносительных союзов. Гораздо более точным мы считали бы термин „анафорический" союз, или, если это слишком тяжеловесно, — „подчиняющий" союз (в противоположность „подчинительному").

Представленное здесь понимание роли „соотносительных" союзов, конечно, не может быть механически распространяемо на иные виды сложных предложений. Только специальные исследования дадут возможность каждый раз решать этот вопрос. Но сейчас уже необходимо подчеркнуть значительную близость условных к причинным и временным. Дифференциация между ними проведена сравнительно поздно, и первые этапы, возможно, для всех их будут общими.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Наше понимание первых стадий в развитии сложных условных предложений до известной степени предопределяет и направление работы по выяснению генезиса специальных подчинительных союзов условного и уступительного предложения. По этимологии отдельных союзов имеются достаточно категорические суждения в этимологических словарях. И если они не удовлетворяют нас, то главным образом потому, что в них, при всей выдержанности их со стороны фонетической, ничего обычно не говорится о путях проникновения союза в конструкцию сложного предложения. Эти этимологии союзов невольно порождают представление и о самом процессе развития условного предложения как о механическом перенесении каких-то исконно существующих частиц, местоимений, наречий в готовую к соединению по типу подчинения сложную конструкцию.

Этим последовательно формальным приемам определения генезиса союзов мы должны противопоставить понимание органической связи союза с каким-то конструктивно полноценным членом того предложения, которое становится подчиненным. В основном — подчинительные условные союзы зарождаются в недрах того предложения, которое становится подчиненным. Так может быть определено общее положение, которое мы надеемся подтвердить анализом и фонетического облика союза и конструктивной роли того слова, на основе которого он создается.

Относительно некоторых союзов условного предложения это положение является прямо данным: союзы *если, буде* и без специального исследования представляются на первых стадиях развития сложного предложения компонентами составного сказуемого в первом предложении.

Необходимо, однако, возвратиться к тому пункту в развитии сложного предложения, который определен нами как подчинение посредством различных анафорических показателей.

Мы видели, что соотносительный союз выдвигал на первый план заключительное предложение в периоде. В сложном предложении смысловой центр переносился во второе предложение, которое и с формальной стороны обладало бо́льшей самостоятельностью и полнотой.

Но, конечно, это усиление второго предложения могло итти только за счет ослабления первого предложения (иначе не могло бы создаться единство, смысловое и формальное, двух предложений). Раз начавшись, этот процесс ослабления не мог остановиться на полупути: первое предложение, будучи еще ранее ослаблено инверсией и особой интонацией, несвойственной самостоятельному предложению, в дальнейшем могло терять почти полностью свою самостоятельность. А эта потеря самостоятельности могла осуществляться прежде всего снижением выразительности (логической и формальной) главного члена предложения — сказуемого.

Этот процесс ослабления первого предложения оказывается одновременно (как я надеюсь показать в дальнейшем) и процессом создания подчинительных союзов. Так, по крайней мере, относительно большинства наиболее употребительных условных союзов.

Показать правильность этих утверждений об общем процессе преобразования двух предложений в одно сложно-подчиненное должен анализ отдельных союзов.

К нему мы и обратимся.

Союз *буде(т)*

В паратаксисе простое сопоставление двух предложений создает условный период, причем не всегда даже первое предложение инверсировано. Нет на первых ступенях развития паратаксиса и соотносительного союза во втором предложении. Условный характер всей фразы создается именно сопоставлением двух предложений, объединенных первоначально особой интонацией.[1]

Можно предполагать, что порядок следования предложений в условном периоде всегда был хронологическим порядком событий, изображаемых в этих двух предложениях, т. е. всегда здесь в качестве условия (первое предложение) выступает действие, хронологически предшествующее следствию (второе предложение). Наблюдения как над текстами древних памятников, так и особенно над строением сложного условного предложения в диалектах показывают, что обычным строем условного предложения является тот, при котором зависимое предложение идет впереди главного.

---

[1] Судя по тому, что мы имеем сейчас в бессоюзных условных предложениях, первое предложение первоначально имело фразовую интонацию, близкую к вопросительной, что естественно, в виду наличия смысловой связи между условием и вопросом. Это отмечает, между прочим, Я. Лось в гл. Składnia (T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego, Kraków, 1923, стр. 402).

Обратный порядок нужно считать сравнительно редким и мало характерным даже для позднейших этапов развития условных периодов в гипотаксисе.

Конечно, эти временные отношения должны были получать внешнее оформление, и на этом пути естественной оказывается связь условных предложений с сложными предложениями времени. Эта связь совершенно очевидна даже на последних этапах развития условного периода, когда условные предложения выделяются из недифференцированной массы условно-временных конструкций. Чисто временные союзы (*коли, когда, как*) не только сопровождают условную конструкцию на всем пути ее развития, но оказываются вполне жизнеспособными в качестве условных союзов уже и после окончательного закрепления за условными предложениями в развитом литературном языке постоянных союзов (*если, ежели* и др.) Показательно и то, что русский язык не является здесь исключением. В немецком языке, например, закреплен за условными предложениям союз *wenn*, тесно связанный с союзом временных предложений *wann*.[1]

Связь условного с временными может быть, однако, установлена и в иных отношениях. Не только то, что условие — следствие есть в то же время предшествующее — последующее, но и вся эта временная конструкция в громадном большинстве случаев должна получать четкое оформление как что-то, имеющее произойти в более или менее отдаленном будущем. В самом деле, уже элементарные юридические акты, регламентирующие простейшие правовые отношения, строятся в расчете на возможность различных положений в будущем, и условными предложениями определяются взаимосвязанные действия в будущем. Только ирреально-условные да некоторые виды условных в историческом повествовании могут иметь в виду условие в далеком прошлом. Но и те и другие являются, повидимому, принадлежностью только очень развитого литературного языка.

Если же брать условные предложения на первых этапах их развития, то для них, конечно, более естественным было бы выражение логических связей, отодвинутых в будущее, так что тип „(если) пойдешь, (то) найдешь" нужно считать основным, исконным сравнительно с типом „(если бы) тогда пошел, (то) нашел бы".

Итак, две черты сближают условный период с предложениями времени: 1) необходимость выразить последовательностью предложений отношение предшествующего к последующему и 2) необходимость включить эти логические связи в понятие будущего.

То и другое одинаково оправдывает широчайшее применение форм будущего времени в формирующемся условном периоде в русском языке. Однако способы выражения будущего времени в русском языке различны.

Прежде всего, формой будущего с имперфективным значением является описательная форма из вспомогательного глагола (*быть, иметь, стать, хотеть, начать*) и инфинитива.

Реже всего эта форма в памятниках др.-рус. языка дается с вспомогательным глаголом *буду*.[2]

---

[1] H. Paul. Deutsches Wörterbuch.

[2] Неправ А. И. Соболевский (Лекции по истории русского языка. Изд. 3-е, М., 1903, стр. 237), когда он говорит, что „формы из неопределенного наклонения и *буду* были особенно распространены и встречались так же часто в древнейших памятниках, как и в современном языке".

В бессоюзном условном предложении такая форма будущего только в очень поздних памятниках: Борис не дерись станешъ дратца, *будеш* запиратца (Сим. посл. 175. Глагол *буду* — в главном предложении). И *будутъ* бить челомъ объ отводѣ лѣсовъ... и имъ опредѣлять мѣста (Птр. I. 114).

Редки также формы с *имѣти* в условном предложении: А кто ся въ нихъ *иметъ* ставити или рѣшити ихъ вѣчнетъ, и тотъ... умретъ злою смертію (Срезн.). А которые *имутъ* опричные у поля стояти, и околничему... тѣхъ отслати прочь (Судебн. 1497 г. А. и. I. 156). А хто *иметъ* наступатися на тыи островы чересъ сію жаловалную грамоту... а тои дасть Великому Новугороду сто рублевъ (Сев. гр. 151).

Более обычны формы с вспомогательным глаголом *начать*. Они и в условном предложении: аже *начнетъ* не знати оу кого коупилъ то ити по немь (Р. П. 8).

Еще более обычны в условном периоде формы будущего с глаголом *учнетъ:* Той же битъ *оучнетъ* клепать грабежомъ, ино ему ходитъ иска послухомъ единымъ (Пск. с. гр. 7). А *учнетъ* тотъ ихъ игуменъ.. свадбы вѣнчати... и мои недѣлщики даютъ ихъ на поруки (Тарх. гр. 1592 г. А. и. I. 453).

Столь же обычны формы будущего с глаголом *станетъ*. А которую рѣчь про государя *станетъ* говорить, и онъ вставаетъ (Хожд. Тр. Кор. 79). А будетъ писецъ Захарей и подъячей Пятой учнутъ писать и мѣрити не по сему... наказу и на всякіе угодья *станутъ* класть оброки лехко, и Захарью зато быти въ опале (Акты писц. дела. 574). Слушай же, что говорю: не *станешь* писать, я, петь, осержусь (Авв. ж. 82).

Такой тип описательного будущего в значении условного предложения (с глаголами *хотеть, иметь, начать, стать, быть* и др.) представлен в др.-рус. языке сравнительно слабо. Юридические акты, имеющие большое количество условных предложений (в частности, бессоюзных условных), представляют примеры такого оформления условных сравнительно редко и преимущественно в древнейших памятниках (напр. „Русская Правда").

Гораздо шире распространен для выражения условности второй вид будущего времени — форма настоящего времени совершенного вида, форма, известная и другим славянским языкам: сербскому, польскому, чешскому. В переводах на ст.-сл. язык она является на месте формы будущего времени в греческом языке: И не повѣси емоу, кровь его ѿ рѣкы твоеѧ взыщѫ. Аще ли засвидѣтельствѫеши емоу... то... дшѫ свою избывши (ВМЧ. 24 дек. 2149). богатъ мужь возглаголетъ вси молчатъ и слово его до облакъ вознесутъ, а убогъ мужь возглаголетъ то вси на него воскликнутъ (Посл. Дан. Зат. XIII. 55). А попросятъ съ ними тѣ послухи поля,... ино имъ присужати цѣлованья съ жеребья; а по жеребью поцѣлуютъ послухи тѣ... ино тѣхъ послуховъ обвинити.. а не попросятъ поля тѣ послухи... ино тѣмъ ищея виноватъ (Уст. гр. 1556 г. А. и. I. 316). Взыщетъ кто на комъ бою и грабежу до рубли или свыше того, и имъ того сыскивати всѣми крестьяны тѣхъ селъ; и сыщутъ что ....искалъ своего бою и грабежу по животомъ, и имъ по тому ответчики и обвинити; а скажутъ, что имъ... вѣдома нѣтъ и ищея искалъ не по своимъ животомъ, и имъ ищею тѣмъ винити, а скажетъ ищея, что у него отняли чужіе животы, и имъ того сыскивати, и обыщутъ того, что у него чужіе животы были... и имъ въ томъ присужати (Уст. гр. 1556 г. А. и. I. 315).[1]

---

[1] Не имея возможности решать здесь вопрос о возникновении такой формы будущего и путях ее развития в славянских языках, мы должны все же подчеркнуть теснейшую

Эта форма будущего дает впечатление строго выдержанного паратаксиса, не намечающего еще никаких путей к созданию подчинительных союзов, между тем как описательная форма будущего, особенно форма futurum exactum (о которой подробнее — дальше), давала уже некоторые отправные точки к преобразованию паратаксиса в гипотаксис. Однако семантика глагола в этой форме будущего нередко маловыразительна. Так, напр.: и тѣ деревни архимандриту з братьею *полюбятца* в монастырь и мнѣ... на тѣ деревни дать крѣпость архимандриту... а не *полюбятся* архимандриту тѣ деревни, и язъ... даю... мѣринъ сѣръ (Влад. сб. 128. Грам. 1527 г.). а грѣхъ ради нашихъ не благоволитъ богъ тою отчиною владѣти, и церковь та и деревня Вишки свободна (Влад. сб. 133. Кон. XVI в.). а *благоволитъ* богъ кому причаститися, ино лжицею (Дм. 14). не въсхошь пустити и ты ево на ево вотчину отпустишь, ино то мнѣ... (С. Г. Г. Д. ч. V. 6. 1489 г.). хотятъ тотъ свой дворъ взяти, ино передъ богомъ да передъ людми, а *захотятъ* государи наши въ околоткѣ взяти мѣсто... ино передъ ними (Ник. л. 185). А утрѣ, богъ изволитъ, пойдемъ подъ самой Азов (Птр. I. 36).

Несомненно, что „*полюбятся*, „*захотят*“, „бог *изволит*“ и др. являются своеобразными формальными показателями будущего времени, так как их семантика недостаточно определенна. Тем более неопределенной является семантика часто выступающих здесь глаголов *станет, станется, лучится, случится, приключится, ключится, хотети начнет, похочет*, особенно в виду того, что эти глаголы нередко служат связками при именном сказуемом. Значение будущего времени обусловливается здесь самой семантикой глагола. Несколько примеров: А *случится* судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ и крестьяномъ съ... волостными или становыми, и намѣстницы наши судятъ (Тарх. гр. 1575 г. А. и. I. 350). Это стандартная формула грамот. *Станитца* въ монастырскихъ деревняхъ душегубство въ ней будетъ въ лицах... и игуменъ з братьею дастъ вѣры за голову... четыре рубля (Палеостр. гр. 91). А *станется* татба войску или разбой, и на таковые люди... обыскъ царевъ живетъ (Ник. л. 107).

Так как правовые отношения, определяемые юридическими актами, имеют в виду неопределенно широкий круг лиц, то условные предложения в них часто даются как безличные: „а случится кому...“ и т. д. Но в таком строе предложений и значение безличности, и полное равновесие семантической и формальной стороны, и общая (семантическая и формальная) направленность в будущее значительно полнее могли достигаться употреблением не этих глаголов (*случится, станется* и под.), а близким к ним по значению глаголом *будет*.

Какова семантика глагола быть? Не так уж обычны (как в др.-рус., так и в современном) случаи, где глагол *буду* достигает значения „явиться, присутствовать, быть налицо“: Не могу ждати еда *будетъ* рать дома (Л. л. 258). а токо на тот срок царевич на Терек не *будет*, и вы поедьте к Москве (Голоч. 99). а по которых порук не *будет*, а ведомо, что он вор, и ему... таких сажать в тюрьму (Хоз. Мор. 117). а явитца въ волостяхъ мертвой убитой человѣкъ, и намѣстницы наши... судятъ надъ убитою головою.... а не *будетъ* убитому душегубца въ лицахъ, и намѣстникомъ вѣры четыре рубли (Жал. гр. 1567 г. А. и. I. 339).

связь такого будущего с конструкцией бессоюзного условного предложения. Быть может, первоначально эта форма выражала не только временные отношения, но (поскольку всякое будущее есть более или менее предположительное) отношения предположения, условия, возможности, и только потом четко оформились как такое будущее, которое обязательно должно наступить.

Несмотря на наличие чередования (в последнем примере) *явится — будет*, семантика глагола *будет* не отходит далеко от семантики *случится, станется*, и некоторые примеры такого рода явно двусмысленны. А въ которыхъ будетъ поляхъ хлѣбъ и хлѣба для мѣрити будетъ нелзѣ, и въ тѣхъ поляхъ... доделяти (Акты писц. дела 1626 г. 428). Только необычное место глагола *будет* (не непосредственно перед подлежащим) убеждает нас в том, что здесь *будет* не равно *окажется*, а служит уже показателем будущего предположительного, т. е. выступает в качестве условного союза *буде*.

Может быть документировано это семантическое равенство глагола *будет* с глаголом *случится*, поскольку на ряду с редкими „а лучится тому строителю.... искати въ Новѣгородѣ передъ нашимъ бояриномъ, и бояринъ нашь и діяки... судятъ“ (Тарх. гр. 1577 г. А. и. I. 362) широко распространены и являются стандартными формулы грамот с глаголом *будет* вместо *лучится*: а кому *будетъ* чего искати на самомъ игуменѣ, ...ино сужу язъ князь великій (Жал. гр. 1518 г. А. и. I. 184 bis. См. также: А. и. I. 205. 282. 318. 342. 343 и мн. др. Влад. сб. 134 и др.).

Точно так же наряду с „А *случится* судъ смѣстной, и намѣстницы наши судятъ“ (Тарх. гр. 1575 г.) имеем „А *будетъ* судъ смѣстный, и волостели мои Гороховскіе... судятъ“ (Жал. гр. 1418 г. А. и. I. 51). Встречаем, кроме чередования, также объединение того и другого глагола, что, повидимому, говорит о привычном употреблении их одного вместо другого. А кому *будетъ лучится* чего искати на самомъ игуменѣ... ино его сужу язъ (Жал. гр. 1575 г. А. и. I. 346). А *будетъ случится* итти подъ какую крѣпость подъ градъ, ...и учинити бъ то так, чтобъ ...изготовится (Уст. рат. д. I. 114).

В том и другом примере, конечно, *будет* — уже союз.

Здесь мы можем наблюдать сразу два момента в сложном процессе образования условного сложно-подчиненного предложения: 1) переход одного из членов составного сказуемого на положение союза (что связано с сужением его семантики) и 2) включение в предложение нового сказуемого, близкого по семантике к тому, которое там было и которое только что стало союзом. Такой путь утраты сказуемого в первом предложении, вследствие перестройки его в союз, и восстановление утраченной глагольности предложения включением в него глагола, близкого по семантике к только что утраченному, — нужно считать очень характерным для большинства условных предложений, перестраивающихся из паратаксиса в гипотаксис.

Таков один из путей создания союза *буде(т)*.

Глагол-сказуемое при исконной неопределенности семантики утрачивает постепенно и формальную выразительность. Это глубокое внутреннее изменение условной конструкции — ослабление в ней моментов временных и усиление характера предположительности, условности.

Наиболее естественной была здесь перестройка глагола *будет* в союз тогда, когда глагол выступал в качестве связки при именном сказуемом (а такая позиция свойственна глаголу *быть* в большей степени, чем любому иному глаголу). Смысловой центр тяжести сказуемого здесь всегда был не на глаголе, а на имени. Поэтому глагол стал союзом в тот самый момент, когда в нем начало утрачиваться значение показателя будущего времени. Возьмем несколько параллельных текстов: А *будетъ* ѣзду больши рубля ...и діяку... имать по тому же разчету. А будетъ приставной искъ менши ѣзду, и діяку тѣхъ приставныхъ не подписывати... а колко вытей... ни будетъ, и недѣлщику ѣздъ одинъ

(Судебн. 1497 г. А. и. I. 151). Показатели будущего времени уже недостаточно выразительны: А попа и діакона... судитъ (наст. вр.) святитель или его судія; а *будетъ* простой человѣкъ съ церковнымъ, ино судъ вопчей (А. и. I. 155). В приведенном примере, как и в следующих, действие ближе к настоящему времени, чем к будущему. И *будетъ* такъ, какъ намъ Левонтей Пушкинъ билъ челомъ, и язъ его пожаловалъ (Тарх. гр. 1589 г. А. и. I. 426). То же в „Царском наказе" 1594 г. (А. и. I. 426 и др.).

Судя по сказуемому главного предложения, здесь можно бы видеть не будущее время и даже не настоящее, а прошедшее. Отдельные примеры показывают чередование будущего с настоящим в рядом стоящих условных предложениях: аще ли оускочить створивыи оубои и оубѣжить аще *боудетъ* имовітъ да возьмуть имѣнье его... аще ли *есть* неимовитъ... да ищють его (Дог. Игоря. Л. л. 51).

Скорее настоящее, чем будущее должны мы видеть и в следующих примерах условных предложений: А нужно *будетъ* то новое цѣлованье христіаньству и не къ пользѣ душевной а на пагубу, и вы бы то новое цѣлованье сложили, аще въ немъ будетъ нужа христіаномъ (Фотий митр. 1416 г. А. и. I. 49). Дослалъ есмь нынѣ ...архимандрита Акакія: и что *будетъ* церковное и домовное у васъ на рукахъ, то бы еси отдалъ ...(Иона митр. 1450 г. А. и. I. 97). Думаі, гдрни, сама, красная дв҃ца да не продумаі; *будет* тебѣ жа̀ дворянина с̑на отц̑ского і ты ста̀ перед дороднаго молотца (М. Д. 87).

Особенно нечетко дано значение будущего, как это уже сказано, в связочных приименных сказуемых условных предложений с глаголом *будет:* того опытати: *будетъ* прирочной человѣкъ съ доводомъ, ино того пытать въ татбѣ, а не будетъ на него прирока, ...ино татинымъ рѣчемъ не вѣрити (Судебн. 1497 г. А. и. I. 150). а правъ *будетъ* или виноватъ монастырской человѣкъ, и онъ въ правдѣ и въ судѣ игумену Кирилу съ братьею, а правъ *будетъ* или виноватъ Астороханской жилецъ ...и онъ въ правѣ и въ судѣ Астороханской приказной головѣ (Жал. гр. 1575 г. А. и. I. 346).

Еще большая потеря временного значения и переход даже не к условности, а к разделительности в параллельном последнему примере: а правъ ли будетъ виноватъ ли монастырской человѣкъ... и онъ въ правдѣ и въ винѣ игуменьѣ (Тарх. гр. 1575 г. А. и. I. 351).

Таким образом глагол *будет* на положении связочного сказуемого с развитием условной конструкции утрачивает значение показателя будущего времени. Это должно было произойти потому, что всякое условное включено в понятие будущего, и какими бы формами времени оно ни было выражено, оно дает некоторое впечатление будущего. Отход самой конструкции от временных отношений ослаблял значение будущего в глаголе *будет*, но глагол традиционно, пережиточно продолжал оставаться в составе условного предложения, постепенно приобретая значение показателя условности.

Замечательно, что тексты очень долго (до средины XVIII в.) сохраняют внешний вид глагола-сказуемого в глаголе *будет*, хотя он давно уже стал союзом. Мы, действительно, видим строгое согласование его с подлежащим в лице и числе (обычно 3-е л. ед. ч.). Только внимательный анализ больших отрывков текста позволяет определять, что здесь не согласование, а простое совпадение, что глагол — давно уже не глагол, а неизменяемый союз. Объясняется это тем, что большинство условных предложений закономерно имеет в качестве подлежащего 3-е л. ед. ч.

Очень часто и безличное употребление, которое также должно иметь сказуемое в 3-м л., напр.: А о том де велел ему государю объявить, *будет* (=если) ему великому государю тот его внук годен, и царское б величество пожаловал велел по него прислать людей своих (Толоч. 9). Дабы всякая дѣвица, когда идетъ за мужъ, дала отъ себя четыре гривны, *буде* (=если) турчанка, а *будетъ* христіанка или жидовка, то червонной золотой (Дв. цес. Тур. II. 20).[1]

Еще большие возможности перехода глагола *будет* в союз представляло частое употребление его в особой форме будущего — форме futurum exactum.

Futurum exactum есть будущее предварительное, такое будущее, которое показывает более ранние события, чем события, данные в следующем за ним[2] предложении. Форма futurum exactum удовлетворяла, таким образом, сразу двум требованиям семантики условного предложения: 1) прикреплению всей конструкции к не вполне точно фиксированному будущему и 2) закреплению за глаголом первого предложения значения такого будущего, за которым должно следовать еще более позднее будущее.

Как известно, futurum exactum составляется из личной формы глагола *быть* в будущем времени и причастия на *л*.

Немногочисленны примеры futurum exactum не в условном предложении, а в значении будущего: таковыи возьметь оурѧженое ѐ комоу бꙋдет писал наслѣдити имѣнье ѐ (Договор Олега. Л. л. 37). да возмет свое иже (вар. *будеть*) погубил (Договор Олега. Л. л. 35). и хощетъ отъ васъ истязати во вторый свой приходъ како умножили будете данный вамъ талантъ како будете упасли стадо словесное христово како будете съблюли святыню вашу како будете не соблазнили вѣрныхъ (Поучение священнику. 1499 г. А. и I. 160).

Обычное же место futurum exactum — в протазисе условного периода (союзного и бессоюзного). Ф. Буслаев[3] признает его будущим совершенным и будущим условным. Востоков[4] также считает его будущим условным. Потебня[5] не считает возможным определять его ни как будущее совершенное, потому что оно составляется нередко и из причастия несовершенного вида, ни будущим условным, потому что его условный характер создается обычно присоединением к нему подчинительных условных союзов (*аще, оже, еже* и др.).

Примеры бессоюзного употребления futurum exactum в условных предложениях: а боудеть посадникъ не вѣдалъ ѥго, то повѣдавше ѥмоу поꙗти оу него прокъ (Р. П. 25). ѡже станеть без вины на разбой (заглавие). Боудеть ли сталъ на разбой безъ всѧкоꙗ свады, то за разбоиника людьѥ не платѧть (Р. П. 3). а не поставитъ его а самъ не укралъ ни пословицы не было будетъ ино тотъ не доискалсѧ (Пск. с. гр. 12). А что земли церковныи или села купили ли будуть или кто будеть далъ, умирая, которой церкви, а въ тѣ бъ есте земли не вступалися (Киприан митр. 1395 г. А. и. I. 18). а гдѣ будем в своей грубости или свои нерадѣніемь ѡписалисѧ в книзе сей и вы б҃а ра҃д... сами поисправите (Измарагд. 1509 г. Соб. таб. 29).

---

[1] Отметим здесь и невозможную для более ранних памятников форму *буде* (без конечного *т*). О ней можно утверждать, что в качестве глагола-сказуемого она в письменности никогда не выступает.

[2] Реже — в предыдущем.

[3] Историческая грамматика русского языка, 4-е изд., М., 1875, § 88.

[4] Грамматика церковнославенского языка. СПб., 1863, стр. 92—93.

[5] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 291 и сл.

Примеры употребления futurum exactum в условных предложениях с союзами: аще ли взалъ будеть, да заплатить сугубо... аще ли суть плѣньници, да ископають е Русь по г҃ златникъ. аще ли купилъ [и] *буде* (вар. *будет*). Грьчинъ подъ хр҃ь достоить ему да возьметь цѣну свою елико же далъ будеть на немь (Договор Игоря. Л. л. 50).

Встречается иногда в письменности и употребление futurum exactum в ином значении — не в условном и не в будущем. Здесь глагол *будет* дает значение предположительного действия, протекавшего в прошедшем времени, и приблизительно может быть передан нашим *быть может*. Напр.: Или, Господине, по нужи смѣемъ рещи, ослѣпила тя *будеть* душевная слѣпота возлюбленіемъ временныя и преходящія... или златолюбствомъ объятъ еси (Послание духовенства князю. 1477 г. А. и. I. 79). Такое значение *будет — буде*, редкое в литературном языке, очень широко, значительно шире, чем в функции условного союза, представлено в говорах. Напр.:

Сыру землю всю слезами не намочишь
Не смочить сыру землю слезами
Буде смочит не смочит частый дождик.

(Соб. Песни. VI. 90).

У нас нет, не называют; в других местах буде (МЭИЯМ, д. Асинушка). Коли будешто вздумаешь, так приходи (Даль. сл.)

Признается обыкновенно,[1] что форма futurum exactum перестает употребляться и окончательно исчезает в связи с тем, что причастие на *л* с связкой и без связки стало формой (единственной) прошедшего времени. Вспомогательный глагол *будет* в этой форме, оторвавшись от причастия, закрепил за собой значение показателя условности (= союз *если*). Но такое перерождение глагола в союз могло быть основано только на том, что конструкция с *будет* имела значение не столько будущего, сколько условного. В процессе оформления условного предложения значение будущего постепенно утрачивается в нем. Эти переходные моменты иногда получают отражение в памятниках, в тех примерах, где условие дано в прошедшем, но выражено формой futurum exactum. В этом мнимом futurum exactum соблюдается согласование в лице и числе, но так как условное дается чаще всего в 3-м л. ед. ч., то эта форма постепенно заменяет собою все остальные. Часто трудно бывает определить, имеем ли мы в тексте согласование или случайное совпадение.

Потебня говорит,[2] что „от употребления (в условном предложении союзном и бессоюзном) на вспомогательном глаголе *буду* отпечатлевается значение условности... Глагол разрывает связь с причастием на *л*, становясь модальным знаменателем изъявительного глагола. Это обнаруживается в двух признаках: во-первых, *буду* ставится при настоящем глагола совершенного (будущем) или несовершенного, как глагольный указатель его наклонения, сначала согласуемый в лице и числе, напр. «а будутъ въ чемъ упорно стоять, и они (послы) о томъ пишутъ къ Москвѣ». Котошихин 40. Дальнейший шаг состоит в том, что *будет* становится неизменно в 3-м л. ед. «*а будетъ* мы учнемъ на него бити царю челомъ»... Здесь... разложение сочетания *буду... л*, бывшего

[1] Соболевский. Лекции..., стр. 245—246.
[2] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 295.

одним составным сказуемым, на два сказуемых, из коих одно только формальное. Переход формального сказуемого (т. е. *будет*) в союз может быть узнан только потому, что в нем перестает чувствоваться глагольность, а отнюдь не по внешним признакам, какова потеря окончания 3 л. в буде". Соболевский[1] в качестве вполне надежного примера только что возникшего из глагола союза указывает текст из грамоты 1579 г.: „а чево *будетъ* (*я*) забыла написать, и въ томъ вѣдаетъ богъ". Нужно сказать, однако, что в письменности примеры несогласованности глагола *будет* (в лице и числе) встречаются уже в начале XV в.: А кто *будетъ* старожильцевъ моихъ людей изъ техъ деревень разошлися, а придутъ опять на свои мѣста, ино... имъ ненадобѣ тотъ оброкъ (Жал. гр. 1418 г. А. и. I. 51). Несовпадение во времени (futurum exactum в значении предположительного прошедшего) встречается очень часто в памятниках той же эпохи: а что еси поималъ святости ... да и казну брата своего ... и его матери ... и его великіе княгини казны и поклажаи, и гдѣ *будешь* что ни взялъ казны и поклажи, и тобѣ то все отдавати (1447 г. А. и. I. 78). И вы бы... въ тѣ ихъ луга ... не вступалися; а *будете* нонѣча на тѣхъ лузѣхъ косили сѣна, и вы бы съ тѣхъ луговъ сѣнъ не возили (Грам. 1490 г. А. и. I. 143). и вы ся о чемъ того запираете. *будетъ* у вас все время ссылка не бывала, ино у васъ нѣчто напереди того ... какіе рѣчи бывали (Розыск. дело. 1521 г. А. и. I. 188). Такова розряду не вѣдаю, былъ или не былъ... *будетъ* таковъ розрядъ былъ, и то писано въ государевых розрядех (Счет Алф. Зас. 29). и война ныне турскому с персицким шахом была ли, и *будет* была, и о кое время (Толоч. 16).

Примеры такого мнимого futurum exactum идут до конца XVII в. Потебня[2] дает пример из Котошихина: „И кто будетъ былъ на разбоѣ и учинилъ убийство, и такихъ пытаютъ".

Конечно, и в последних примерах глагол *будет* уже является союзом *если*. Еще более выразительна эта новая роль его в тех случаях, где нет согласования в лице и числе. Тараханные грамоты ... были ли и *будетъ* были, и которыхъ царей ... и каковы имъ тѣ грамоты (Грам. 1625 г. Влад. сб. 136). не ходить, а воротитца назад, *будет* еще в меретинскую землю не пошли (Толоч. 18).

В XVII в. грамоты имеют уже стандартную, давно, повидимому, устоявшуюся формулу без согласования сказуемого с *будет*. Очень часто такие приписки к грамотам: „А которые *будетъ* дѣла въ семъ государевѣ ... наказѣ не написаны ... и о тѣхъ дѣлехъ писцомъ писати (Акты писц. дела, 1626 г. и мн. др.).

Есть немногочисленные примеры иной формы futurum exactum. В ней вспомогательный глагол соединен с причастием пассивным на *н*. В этой форме значение будущего времени должно было чувствоваться еще слабее: Гора ... стоитъ посреди поля красно зѣло, яко стогъ, *будетъ* гораздъ здѣланъ (Дан. иг. 111). Примеры иного построения futurum exactum приводит Соболевский[3] из памятников XV—XVI вв., иллюстрируя ими процесс разложения этой формы: „еже въ чемъ буду описахся или преступихъ (вм. описалъся или преступилъ) где буду погрѣшихъ (вместо погрешилъ)". Вообще же языковое сознание, повидимому, ассоциировало выражение условности с не совсем обычной формой прошед-

[1] Лекции ... стр. 246.
[2] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 212.
[3] Лекции ... стр. 246.

ше-будущего (futurum exactum), о чем говорят иногда встречаемые нами компромиссные между будущим и прошедшим формы, именно в условном периоде. Когда нужно было выразить условие в прошедшем, основа будущего соединялась иногда с флексией имперфекта: аще поѣхати *будѧше* ѡбрину, не *дадѧше* въпрѧчи конѧ (Л. л. 12). а аще *боудѧше* братъ покорливъ и смиренъ въскорѣ призвавъ... поклонѧшеса емоу (Жит. Сер. 81).

Мы не сможем установить хронологические рамки перехода глагола в союз. Письменность представляет не только примеры несогласованности *будет*, но и объединение двух *будет*, неразличимых внешне, но строго различавшихся по значению: Буде бог изволити и ево государская мысль будет, то дело состоитца, а *будет* не будет воли божией и ево го́сударские мысли, тому делу как состоятца (Толоч. 40).

Повидимому, говорящим различались эти *будет — будет*, как слова не имеющие ничего общего между собою.

Таков второй путь перестройки глагола *будет* в союз — путь разложения на два члена сложной формы futurum exactum.

Мы должны отметить объединение *будет* с другими союзами условных предложений, хотя и само *будет* имеет значение уже не глагола, а союза „а нынѣ *только будетъ* его не истеряли татарове, и онъ одноконечно въ Пустынѣ... и язъ, чаю... его, князя поотвѣдаю накрѣпко, *только будетъ ажъ* не убитъ (Розыск. дело 1521 г. А. и. I. 190). и *ожъ будетъ* такъ, какъ намъ... били челомъ, и мы къ тебѣ... (Арз. а. 1592 г. 600 и мн. др.). Мы казали того ся довѣдати *естли* то владычины люди *будутъ были*.[1] не обрѣзываетъ ево по закону ...имѣя пиръ при томъ обрѣзанiи... а наиначе *какъ* будетъ сынъ единородный (Дв. цес. Тур. 58). и *аще* кто (кого?) будетъ ушкодила въ чемъ что бы еси возвратила (Р. д. 136). Другие примеры, см. стр. 54, 71.

Нет необходимости в выяснении процесса создания союза *будет* придавать большое значение появлению формы *буде* вместо *будет*. Повидимому, форма эта проникает из разговорной речи, где она могла быть распространена (по отдельным местам) не только в условном предложении. Глагольные формы без окончания *тъ* (*ть*) проникают в ранние памятники вообще очень редко. В Л. л. единственный раз форма *буде*: аще *буде* кто убогъ, то и тамо (85, но в вар. — *будетъ*).

Только к началу XVII в. начинает проникать в письменность союз в виде *буде*. В дальнейшем памятники представляют (до начала XVIII в.) более или менее безразличное употребление *будет* и *буде*. Часто один и тот же автор дает обе формы. Так, напр., в переводном с польского сочинении „Двор цесаря Турецкого“ (кон. XVII в.) — приблизительно равно количество случаев *буде* и *будет*, но Толочанов, напр. (60-е годы), знает больше *будет*, чем *буде*. У Аввакума чаще *буде*, чем *будет*. Деловой язык конца XVII в. (напр., Угличские писцовые акты 1674—1676 гг.) знает преимущественно *буде*, между тем как „Уложение“ Алексея Михайловича не дает примеров *буде* (всюду *будет*). Изредка встречается еще форма *будет* у Петра (Письма, т. I). Но обычно у него *буде*, причем иногда даже в фонетической передаче *будя* (т. I. 8 bis). Эта форма (*будя*) известна, однако, и раньше (напр., Хоз. Мор. 117).

До конца XVII в. союз *буде(т)*, нередко уже проникающий в письменность, является непременной принадлежностью и характерной особенностью делового языка как актов низовых провинциальных канце-

[1] Пример взят у Потебни „Из записок по русской грамматике“, ч. II, стр. 211.

лярий (частные грамоты и договоры), так и актов, исходящих из московских приказов (царские грамоты). Можно думать, что эта принадлежность союза языку канцелярий отчетливо сознавалась книжниками по крайней мере до средины XVII в. Союз *буде(т)* знают все, но употреблять имеют возможность только там, где даются образцы делового языка. Проникновение его в язык церкви, в язык религиозных сочинений (житийная, паломническая литература), а также в язык литературы, находящейся под сильным воздействием религиозной литературы (напр., летопись), почти невозможно. Нарушения этого положения исключительно редки и очень характерны для определения стилистической окраски союза *буде*. Так, в „Чудесах Сергия" Азарьина мы имеем один пример *буде*: быти вотчине ихъ во обители Сергия чюдотворца вѣчно, а роду ихъ никому не выкупить. А *будетъ* кто чрезъ сию клятву роду ихъ дерзнетъ выкупити, и тому дати за тоѣ ихъ вотчину... (Сер. Рад. 61). Совершенно ясно, что здесь цитата, представляющая собою стандартную формулу духовных грамот (завещаний). В ней невозможным оказалось заменить союз *буде* союзом *аще*, принятым в качестве условного союза на всем протяжении этого „жития". Представители духовенства не употребляют союз *буде*. Могу привести лишь один пример из послания митрополита Киприана (1390—1405 гг. А. и. I. 474), но и то в отрывке, представляющем изложение канонических установлений, и притом в обращении к мирянам.

Необычным представляется наличие союза *буде* в таком памятнике, как Львовская летопись (ч. I. 298): Не вѣмъ же, мощи его (Петра митрополита) бѣша тутъ или ни. дивихся велми, только будеть вправду тутъ, яко такова чюдотворца ту положиша безчестно.

Несколько свободнее проникает союз *буде* в смежные с деловой канцелярской речью жанры, напр., в частную переписку; встречаем его в языке царя Ивана IV. Но и он, повидимому, отчетливо сознавал, что союз *буде* несвойствен высокому стилю, но вполне допустим в интимном обращении при обсуждении простых житейских явлений. У него в ученом обращении к Курбскому — только *аще*, а в послании к монахам Кирилло-Белозерского монастыря — нередко уже *буде* (монахи — люди неученые, простые, хотя многие из них и из бояр, и в их разговорном языке, повидимому, уже обычен союз *буде*).

Вероятно отсюда же (из разговорной речи боярских кругов) идет и употребление *буде* у Аввакума. Аввакум — тонкий стилист, он имеет возможность выбора между различными условными союзами, известными ему (от *аще* до *коли*), но союз *буде* — один из наиболее обычных для него, судя по тому, что у него изредка и употребление его в явно религиозном контексте (в словах ангелов): А *буде* не станешь слушать, такъ будешъ въ давешнемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе-то слышала (Авв. ж. 78). Такое употребление *буде* едва ли было бы возможно в XVI в.

Ограничения в употреблении союза *буде*, обусловленные его связью с деловым языком канцелярий, характерны, собственно, для всей истории этого союза в русской письменности. Даже в первой четверти XVIII в. союз *буде* не только не может овладеть высокими литературными жанрами, связанными (по крайней мере, в лексике) с церковнославянской письменностью, но не утверждается даже и в языке художественной литературы, уже в значительной мере освободившейся от этого влияния. Наталкиваясь на первых порах своего развития на противодействие со стороны общепринятого в литературном языке союза *аще*, теперь, в XVII и XVIII вв., союз *буде* не может вытеснить овладевающих литературным

языком новых союзов *если* и *ежели*. Характерно в этом отношении употребление *буде* Петром. Язык молодого Петра может быть охарактеризован с этой стороны как язык, быстро освобождающийся от разговорного *буде*[1] в пользу союза *ежели*.

В мою задачу не входит изображение судьбы союза *буде* в русском литературном языке более поздней эпохи (XIX в.).

Однако общее наблюдение наше о стилистической окраске союза *буде* остается в силе и для дальнейшей его истории. Как в начале, так и в конце XIX в. союз *буде* воспринимается как несколько устаревший канцеляризм.[2] Такая характеристика его, однако, не является совершенно очевидной и само собой разумеющейся. Так, напр., употребление его (довольно частое) в письмах Чехова не дает впечатления сознательного применения им канцелярского стиля. Скорее всего у Чехова он представляется приемом обращения к нормам своеобразно понятого просторечия.

Союз *аче*

Примеры употребления союза *аче* могут быть даны лишь из немногих памятников др.-рус. языка. Встречаем его в „Русской Правде“ (обычно) и в Летописи по Лаврентьевскому списку (редко). В иных памятниках — только единичные примеры. Но и приводимые ниже примеры представляют часто употребление *аче* не в значении *если*, а в значении *хотя*, то есть даны в уступительных предложениях (не вполне четких по смыслу, переходящих иногда к разделительности или к причинности): И рече имъ сберѣте *аче* (=*хотя бы*) и по горсти ѡвса или пшеницѣ (и)ли ѡтрубъ... ѡни же снискаша (Л. л. 128). Слышавъ Изѧславъ Двдвичь смрть Изѧславлю приѣха ко Днѣпру... река *аще* (вар. *аче*) есмъ тогда не былъ надъ братом своимъ, а повелита ми ѡтъ (вар. *атъ*, *ать*) шедъ ѡплачю гробъ его (Л. л. 342), (=м. б. *раз*, *так как*).

Возможно употребление *аче* в предложениях, данных в обратном порядке — сначала главное, потом подчиненное: ѡже ли не боудеть кто его мьста то положити за голову гі грвнъ, *аче* боудеть кнѧжь моужь или тивоуна кнѧжа (Р. П. 2).

Очень обычны соотносительные союзы при *аче* — союз *и*: А мтри которыи сн боудеть добръ томоу же даеть свои *аче* вси боудоуть ки сыновилиси. *и* дочери можеть дати (Р. П. 16) и союз *то*: *Аче* ли боудеть роусинъ любо гридь. любо... словенинъ. *то* м гр внь положити за нь (Р. П. 2). Реже — без соотносительного союза: *аче* оупоустить собѣ, емоу пагоуба (Р. П. 25).

Сравнительно редкое употребление *аче* в памятниках, чередование его с союзом *аще* в тех памятниках, которые (как, напр., летопись) знают союз *аще*, полное отсутствие следов *аче* не только в говорах, но даже и в памятниках более позднего времени — все говорит о нем как о несколько искусственной русской форме, существовавшей параллельно с ц.-сл. *аще*.

Неясна связь союза *аче* с *аче*, выступающим в качестве или предлога или частицы в одной окаменевшей формуле „день аче день“ = день ото дня = *ἡμέρα δὲ καὶ ἡμέρα*.

---

[1] Подробнее об этом см. в главе „Союз ежели“, стр. 88.

[2] Так характеризован он и в „Толковом словаре русского языка“ под ред. Д. Н. Ушакова (ОГИЗ, 1934, т. I, стр. 197) как канцелярский, устарелый.

Между тем это употребление известно нескольким памятникам: день *аче* день омрачашеся въ безаконіи ходя (Жит. Нифонта. 244. То же в ВМЧ. 24 дек. 1884). елма бо ре̑ внѣшніи нш̑ь чл̑къ растлѣваетъ. толико внутреніи понавлѧется. дн̑ь аче дн̑ь. дн̑ь аче дн̑ь крѣпляшеся отроковица (Срезн.). дн̑ь же аче дн̑ь растяше ѕтроба (Срезн.).

Почти такая же формула, впрочем, возможна и в отношении союза *аще*: никогда же свои помыслъ ѿ прп̑бнаго оутаити ѥмоу *аще* в ноши, *аще* в дни (Жит. Сер. 121).

Союз *оче*

Исключительно редки примеры употребления в качестве условного союза *оче* вместо *аче*. Это, повидимому, в значительной мере искусственная форма руссификации ц.-сл. *аще* и союза *аче*, быть может, также не вполне отвечавшего требованиям русской фонетики (начальное *а*).

Употребление его не оставляет сомнений в его четком значении условного союза. Напр.: ѡче и далече боудеши то написаи. и *оче* начнеши въ бестрашіи божии жити, своѧси съгрѣшенїѧ забывъ, то и се ти тѧжка боудеть (Срезн.).

Союз *аще*

Наиболее употребительным союзом условных, а отчасти и уступительных предложений в памятниках др.-рус. языка является союз *аще*. Будучи почти единственным способом выражения условных и уступительных предложений в др.-ц.-сл. языке,[1] союз *аще* так же, как и другие черты ц.-сл. лексики, долгое время господствовал в памятниках высоких литературных стилей: церковной проповеди, житийной литературе, летописях (здесь почти исключительно *аще*). в паломнической и полемической литературе, отчасти в дружинном эпосе, а позднее — в научной литературе.

Употребление его в большинстве этих памятников (за исключением позднейших — конца XVII — начала XVIII в.) проведено вполне последовательно во всех видах условных и уступительных предложений. Если попытаться указать те памятники, где не встречается союза *аще*, то такими будут грамоты всякого рода (купчие, вкладные, данные, жалованные и пр.),[2] челобитные, счетные дела, розыскные дела. Такие большие собрания грамот, как Акты исторические (т. I), Северные грамоты, изданные Чаевым, Владимирский сборник, Арзамасские и другие провинциальные акты не знают его. Нет *аще* и в судебниках (но судебные уставы и договоры, включенные в летопись, имеют союз *аще*) нет *аще* в Пск. с. гр., нет в Р. П.[3] В одной лишь уставной грамоте смолян 1150 г. можно указать *аще*: Аще кто посудить сея грамоты... отвѣчаетъ на страшный день.

Примерно $^1/_4$ всех случаев употребления *аще* представляет отсутствие при нем соотносительного союза во втором предложении. Следовательно, нередко строй предложения при этом союзе такой: рекуще:

---

[1] В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 61.

[2] Но в Хутынской грамоте 1192 г.: аще кто... цѣто хочеть ѿѧти ѿ нивь... а боуди емоу (Ср. др. п.).

[3] Акад. С. П. Обнорский считает один пример *аще* в Р. П. опиской, точнее, вероятно, нужно считать его стилистической ошибкой.

аще на ны приду̑ бьемсѧ с нимь (Л. л. 336). да *аще* сице створи̑ всѣ̑ грѣ̑ прощени будемъ (394).

Однако немногим меньше и случаев употребления вместе с союзом соотносительного слова *то*: аще (вы) не поидете к намъ, то налѣземъ кнѧза собѣ (Л. л. 69).

Сравнительно реже в качестве соотносительного союза выступает *да* — обычно в потенциально-условных предложениях, из которых в некоторых памятниках типа Кормчей составляются непрерывные ряды подчиненных предложений с одним главным в конце. Напр.: *Аще* кто хулитъ словѣньскую грамоту, да будетъ ѿлученъ ѿ церкве (Л. л. 27).

Это построение оказывается очень жизненным. Вполне по образцу его у поздних авторов, напр. Аввакума, строятся потенциально-условные: *Аще* кто силен, *да* борется словесы и делы, взирающие на Ісуса. *Аще* кто немощенъ, *да* уклонится от зла (Авв. Бес. 120).

Могу привести только один пример с соотносительным *да* в ирреальном условном предложении: и ту кандило велико с маслом стекляно падеся от высоты и не разбися, ни огонь не угасе, *аще бы* железно было, *да* бы ся разбило (*да* позднее поправлено в ркп. на более обычное *то*) (Хожд. Ст. Новг. 52).

Сравнительно редко соотносительный союз *и* во втором предложении: *Аще* ли не послушаеши мене..., *и* милости не имамъ на тебѣ показати (Ц. Дин. 373).

Крайне редко *ино* в качестве соотносительного союза.

Употребление *ино*, свойственное главным образом деловой речи, не соответствовало высокому стилю предложений с *аще* — поэтому встречаем его в диалогах и экспрессивных выражениях, передающих стиль разговорной речи: *аще* же тако учинишь почтити его хотя, *ино* онъ въ врата граду, а язъ другими враты изъ града (Ник. л. 151). *Аще* не единосущенъ отцу, ино не богъ, по Арию тварь (Авв. Бес. 413).

Соотносительный союз *но* — преимущественно в уступительных предложениях. Изредка и в условных. Напр.: Молвѧхуть бо ѥмоу: *аще* ты миръ даси ѥмоу, *но* (вар. *а*) мы ѥму не дамы (Л. л. 381).

Соотносительный союз *а* — также преимущественно в предложениях уступительных, точнее — в предложениях, выражающих противоположность: отвѣщаше: *аще* не возхотѣ богъ, да кнѧжитъ отецъ нашь, а тебе и сами не хотимъ (Ник. л. 20).

Единичными могут считаться примеры с *тогда* в значении соотносительного союза. но *аще* потщимсѧ заповѣди ѥго схранити, тогда ѥвимсѧ бо̑ любѧще (Л. л. 294).

При необходимости выразить двумя условными предложениями разные возможности при союзе *аще* во втором предложении дается союз *ли*: *Аще* будет на̑ причастье в Русскѣи земли, то ѡбѣма. *аще ли* лишена будевѣ, то ѡба (Л. л. 200).

Ирреальные условные предложения имеют *бы* при союзе *аще*. Однако иногда дается и глагол в личной форме: *Аще быхъ* украсти умѣлъ, то толко быхъ къ тобѣ не скорбилъ (Сл. Дан. Зат. 285 об). *Аще быхъ* (вар. *бы*) реклъ имъ слово о сихъ.... то не могли бы таковыхъ обличенїй на ся слышати (Ник. л. 29). *Аще* ти *бы* вина каѧ была на нь, ѡбличилъ бы и предъ нами (Л. л. 263).

В условных предложениях, подчиненных союзом *аще*, нередки случаи необычного построения, когда подчиненное идет после главного: и поидоша по кельѣмъ высѣкающе двери и износѧхоу, *аще* что ѡбрѣтахоу (Л. л. 232).

Уступительные предложения, имеющие обычно специальный союз *хотя*, единичные примеры употребления которого встречаются уже в древнейших памятниках (напр. в Р. П.), очень часто подчиняются союзом *аще* в соединении его с союзом *и*. В качестве соотносительного союза выступает здесь *но*, однако на ряду с ним и *то*. Строй уступительного предложения таков: ѿ варягъ бо прозвашасѧ Роусью. а первое бѣша Словене, *аще и* Полѧне звахоусѧ, но словеньскаа рѣ бѣ (Л. л. 28). *Аще* и вѣщя душа въ дьрзѣ тѣлѣ нъ чясто бѣды страдаше (Сл. о п. Иг. 119). *Аще* и яра зима, но сладокъ рай, *аще* и болѣзненно терпѣніе, да блаженно воспріятіе (Авв. Чел. пис. 809).

В поздних памятниках иногда дано объединение *аще* и *хотя* в таких предложениях: А что сіе говорятъ, яко и простому человѣку гдѣ ни прилучится возможетъ крестити, *аще* гдѣ (в вар. добавлено *хотя*) и церкви нѣсть, и о томъ... правила отрицаютъ (Прен. 311).

Условными по форме предложениями с союзом *аще* иногда выражается предположение, возможность или пожелание. Союз *аще* имеет здесь значение *как нибудь, как бы нибудь, быть может*: оуже *аще* ми толико, доѣхати с гостьми с Угры и съ Ляхъ, а оуже дружина моѧ пристрашена (Л. л. 327). ци ли въ моемъ городѣ ꙗ сам боꙗлъ *аще* быша и мене ꙗли и створили такоже (267). Перебивайся и такъ и сякъ, *аще* Господь и отрадитъ намъ бѣднымъ (Авв. Чел. пис. 932).

Употребление союза *аще* в качестве вопросительной частицы *ли* в косвенном вопросе встречается уже в древнейших памятниках: искушати нашеа православныа вѣры, *аще* тверда е искрь (Л. л. 41). Более широко такое употребление позднее — в XVII в. у Аввакума: *аще* сие правда или ни, то богъ вѣсть (Бес. 267). В то же, приблизительно, время — уже и в прямом вопросе. В(опрос): *Аще* благочестно еже у родителей украсти... Ответ: Зѣло злочестно есть (Гражд. об. дет. 55).

В. Вондрак[1] отмечает отсутствие отрицания при *аще* во втором из пары условных предложений, если они имеют одно и то же сказуемое, которое и не повторяется. Сравнительно немногочисленны такие примеры в памятниках др.-рус. языка: не бьемсѧ за сихъ, а за тѧ битисѧ можемъ. *аще ли* (=*а если не так*,...) то ѡтворимъ врата граду (Л. л. 268). выдаи кого ти хотѧ *аще ли* то предаемысѧ (Л. л. 268). Мы ожидали бы: „аще ли ни, то...“ или „аще ли же ни, то...“

В поздних памятниках — обязательное *ни*: Силенъ бо есть богъ и паки поставити брата моего въ цѣлость ума. Аще ли *ни*, ино еще не уйдетъ у праведнова Христова суда (Авв. Чел. пис. 780).

Процесс постепенного вытеснения союза *аще* из общего употребления и замены его иными союзами, прежде всего союзом *буде*, мы можем наблюдать в примерах употребления *аще* совместно с только что еще оформляющимся союзом *буде*(*т*). Такое употребление *аще* и *будет* в одном предложении нехарактерно для поздних памятников (XVII в.). Здесь оно встречается очень редко. В памятниках XIV—XV вв., наоборот, это довольно обычное явление, причем нужно иметь в виду, что союз *будет* далеко еще не является оформившимся в качестве союза: он может быть и членом составного сказуемого или вспомогательным глаголом в конструкции futurum exactum. Несколько примеров: *аще* кто убогъ, то и тамо. В вариантах: *аще буде* кто убогъ... и *аще* будеть кто убогъ... (Л. л. 85). *Аще* по моемь ѡшествіи свѣта сего *аще* буду бу угодилъ и приꙗлъ мѧ будеть бъ, то (187). *аще ли* взѧлъ будеть да запла-

[1] Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 60.

тить сугубо (111). *Аще* о чемъ случится кому *будетъ* писати въ краткихъ словесахъ (Курбск. Ивану IV. 113).

На ряду с таким объединением *аще* и *будет* встречаем и чередование *аще* и *будет* в рядом стоящих предложениях. Они дают отчасти такое впечатление, что союз *аще* подчиняет два предложения сразу, но, с другой стороны, можно наблюдать здесь и постепенное усиление роли союза *будет* (во втором предложении). Примеры: *Аще* кому спакостить врагъ любодействомъ или утопилъ *будетъ* душу свою въ мнозѣхъ грѣсѣхъ і клятвахъ, да лишиться службы (Поуч. свящ. 1499 г. А. и. I. 160). *Аще* кто порополалъ *будетъ* на меня во вся дни живота моего или паки восталъ на мя... или кто мирскихъ присовокупился *будетъ*, и елици отъ нихъ познашася... и прощени суть (Духовн. митр. Макария. 1563 г. А. и. I. 331).

Союз *аще* вытесняется союзом *буде* после того, как он пережил стадию совместного и параллельного с ним существования. Вытесняется он предварительно, повидимому, путем сужения области его применения. В некоторых памятниках мы видим довольно последовательное употребление *аще*, но оно здесь только в уступительных предложениях, тогда как условные предложения здесь имеют союз *буде*. Таково употребление *аще* в „Прениях" свящ. Ивана Наседки. В меньшей степени, но все же заметно это у и Аввакума (но у него и иные союзы: *если*, *ежели*).

Что вообще шло и стилистическое распределение союзов и союз *аще* оставался только в определенных литературных жанрах, — это видно из того, что авторы XVI и XVII вв. пользуются разными союзами. Конечно, и для памятников более ранних могут быть отмечены единичные случаи употребления наряду с *аще* иных союзов (в летописи, напр., *оже*, *аже*), но в них это не принимает характера постоянной смены. Иное дело, напр., у Ивана IV. В письмах к Курбскому (высокий стиль с большим количеством церковнославянизмов) — только *аще*, но в послании в Кирилло-Белозерский м-рь 1578 г. уступительные даны с союзом *аще*, а условные уже имеют наряду с очень частым еще *аще* также *будет*, иногда *только*, редко — *еже* (будущий союз *ежели*).

У лиц, не очень начитанных в церковно-религиозной письменности, союз *аще* иногда употребляется неправильно, а иногда бесцельно и служит наряду с другими яркими церковнославянизмами, повидимому, только для создания определенной стилистической окраски речи. Но это показывает, что большинством союз *аще* осознавался как выразительный, яркий церковнославянизм. Напр.: А то мѣста Анъдрианополя велика оно средней мѣры, *аще* какъ объ немъ выше писана (Турец. 34, 35 и др.). Сравним ненужные семантически церковнославянизмы у того же автора: А изъ села таго паки возвратися *абие* вспять да того же места (17). отъ Іерусалима града ѣзду 3 часа да мѣста таго *еже* есть названо мѣсто то, іже наріцаеться Віолеемъ (5).

Естественно, что у автора „Описания Турецкого государства" в одном предложении два и даже три условных союза: один или два — это те, которые он только и имеет в разговорной речи, и союз *аще*, который придает его „Описанию" стиль произведения паломнической литературы: *Аще какъ* путемъ ѣдешь, гдѣ на притъчю изретъка село наѣдешъ (4). такъ далека, *аще ли какъ* доброму стрельцу изъ лука трижды стрелить (5). такъ далека, *аще коли какъ* доброму стрельцу изъ лука стрелить (25).

В конце XVII в. в памятниках не церковно-религиозного характера *аще* стоит на ряду не только с *буде*, но и с иными союзами: *естьли*, *ежели*. Так у Аввакума. Так в „Школьном благочинии" и мн. др.

В это же время *аще* уже нередко выступает даже не в значении *хотя*, а в значении *ли*, т. е. в качестве частицы (вопросительной) и не только в косвенном, но и в прямом вопросе. Причем здесь, кажется, нет непрерывной традиции с таким же употреблением *аще* в древнейших памятниках, скорее здесь *аще* — тяжеловесный перевод нередкого в таком значении *если* на ц.-сл. язык. Сравним: Вопрос: *Аще* приличествует целыя кусы скоро глотати? Ответ: Ни. понеже сіе дело приличное журавлемъ (Гражд. об. дет. 49). *Аще* благолепно есть на каковомъ пиршествѣ безпрестаніи исти или пити? Не есть (50). Иначе в ранних памятниках: *аще* грѣшенъ есть. не вѣмь (Срезн.).

Незначительно количество примеров *аще* в письмах Петра I, но довольно часто еще в языке его сотрудников, напр. А. Виниуса, стиль которого, впрочем, вообще изобилует архаизмами. Ясна и стилистическая роль *аще* в языке Петра, поскольку союз этот дается обычно в библейском контексте и преимущественно в письмах к духовным лицам (патриарху Досифею, патриарху Адриану). Напр.: Богъ да управитъ по своей ему воли, въ которомъ *аше* и гърешни вѣсь животъ души и тѣла пологаемъ, о чемъ вашей святыни пространнее донесетъ Господинъ Кастриотъ (патр. Досифею. Птр. I. 382). Здесь и употребление союза в значении *хотя*, и резкий переход от возвышенного стиля к деловой речи, и фонетическое снижение (*ашше*) — все говорит о последней стадии жизни этого союза. Далее обычно в цитатах из Библии: Обаче, *аще* и несносно, но воспоминая святаго Павла глаголюща: аще наказанія терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ богъ (Птр. I. 61). *Аше* и несравъненъ еси, обаче долгъ крѣшения равъно творитъ... паки *аше* не отпустите ни вамъ отпуститца... *Аше* васъ Господь сподобитъ по своей любви, молите за насъ грешъныхъ (264—265. Из письма Ф. Ю. Ромодановскому, где идут рассуждения о великом посте). Только несколько (не более 5) примеров, которые показывают как будто привычное употребление *аще* и попытки провести его в деловую речь: и *аща* такъ, то воистинну двухъ временъ прошедшихъ труды, кровь и убытки всуе положены (I. 11). Нынѣже *аще* воля есть, родѣти отъ всего серца въ защищеніе единовѣрныхъ (I. 12). И аще потребно есть, то ничтоже лучте мню быть, еже воевати моремъ (I. 13). Позднее, через 7 лет, лишь в одном письме к Ромодановскому: Въ чемъ недоумѣваемся, какое благодареніе принести, точию *аще* і зело малою но усердною службою (Птр. IV. 331). Даже там, где, казалось бы, дается вызов на употребление *аще*, Петр избегает его, употребляя обычный для него в это время союз *ежели*. Ф. Апраксин спрашивает: Отповѣдь чинить ли; и *аще* противъ того будетъ что не дѣлно утерено, чѣмъ оканчивать...? Петр делает пометку на том же листе в качестве ответа: Дать сроку, ...а потомъ *ежели* не отдастъ отповеди, высчитать (IV. 454).

Нельзя сказать, что союз *аще* совершенно выходит из употребления в эти годы. Он встречается еще в переводной научной литературе Петровской эпохи („География генеральная", „Гісторія Европейская" Пуффендорфа). В последней — всюду, несмотря на то, что о ней был специальный наказ Петра: „Прошу, дабы не по конец руки переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем".[1] Есть еще *аще* у Посошкова („О скудости и богатстве"), но уже в технической литературе (напр. Вобан. „Укрепление городов" 1721 г.) — всюду *ежели*. Во всяком случае, после Петра союз *аще* окончательно вытесняется в сферу церковного употребления и, ограниченный такими рамками, перестает оказывать воздействие

[1] Пекарский. Наука и литература при Петре, т. I. СПб., 1862, стр. 206.

на синтаксический строй литературного русского языка не только чисто делового, но и языка художественной литературы.

Сумароков уже считает союз *аще* устаревшим и неупотребительным. В „Епистоле о русском языке“ (1748) он пишет:

Коль *аще, точію* обычай истребилъ,
Кто нудитъ, чтобъ ты ихъ опять въ языкъ вводилъ?

Фольклор и говоры не имеют следов *аще*. Два примера его употребления в сборнике пословиц XVII в. показывают, насколько чужд он здесь: *Аще* бы не богъ, кто бы намъ помогъ (Сим. посл. 73) — в церковно-религиозном контексте, и второй — в явно пародийном тексте: *аще аще* что меду слаще (77).

Приводимое Далем[1] ряз.-мещ. *аще=хотя, если* („аще ты и говорил=а что же в том, что ты говорил“) — не относится сюда. Это — наречие *еще* в соответственно измененном по диалектам фонетическом виде, мало сходном с основной формой.

Украинское aščby также сюда не относится.[2]

В нашу задачу входит выяснение генезиса союза *аще*. В противоположность союзам *буде, если, хотя* и нек. др., которые довольно ясны в отношении происхождения и для которых могут быть найдены посредствующие звенья от глагола к союзу, союзы *аще* (в др.-ц.-сл. письменности) и *аче* (в русской) являются только в таком своем виде — в виде давно уже сложившегося союза, и нет прямых путей к определению составляющих его частей. Что союз составлен из двух, по крайней мере, частей — это ясно уже и по внешнему впечатлению. Что первая часть является союзом *а* — об этом также можно бы и не вести специального разыскания. Союз *а* имел некоторое значение в конструировании сложноподчиненного предложения, правда, не в качестве подчинительного союза (см. об этом стр. 16). Вопрос идет о второй части союза *че* || *ще*. По фонетическим соображениям должны быть отвергнуты сопоставления с *ци* — вопросительно-усилительной частицей.[3] Представляло бы интерес сближение *че* с украинской вопросительной частицей *чи* или с суффиксом причастий — деепричастий настоящего времени на *ще* || *че* и *чи*.

Однако сами по себе эти сопоставления не могут разъяснить происхождения *аще — аче*, ибо само происхождение частицы *чи* не является вполне известным. Но можно сказать, что, поскольку фонетически и семантически *аще — аче* может быть увязано с украинской частицей *чи*, — объяснение происхождения одного может служить и объяснением для другого. Меньше связей намечается между *аще* и суффиксом причастий; трудно найти семантические точки соприкосновения *аще — аче* с суффиксами причастий *юще — ючи*, хотя фонетическое соответствие налицо.

Приходится обращаться к разбору традиционного понимания составляющих союз частей. Бернекер[4] полагает, что *аще* (*аче*) из *at'i̯ed*, где *at=a*, а *i̯ed* — старое *je* (повидимому в *еже*), или корень *jo* и тогда *аще* из *jašte*.

---

[1] Толковый словарь... под словом „аще“.
[2] E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 34.
[3] Сопоставление этой частицы по отдельным славянским языкам см.: F. Miklosich Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 1105.
[4] E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 34.

Вондрак[1] считает *аще* контаминацией *аже* и *аче*. Бернекер не принимает этого объяснения, в виду наличия польского диалектного *jacy*. Да это и с другой стороны не может служить объяснением: оно предполагает, что происхождение *аче* не вызывает никаких вопросов, что, конечно, неверно. *Аче* должно быть так же объяснено, как и *аще*.

Не вполне уверенная и категорическая в своей фонетической части этимология Бернекера представляется малоубедительной и со стороны семантики. Если *at*=*a*, а *je* приблизительно соответствует *оно* (или *что*), то непонятно, как из *a*+*что* развилось значение *если*.

Но, конечно, Бернекер и не ставил своей задачей выяснение всех переходных моментов от местоимения к союзу, считая вполне достаточным указать на некоторое соответствие в фонетике данного явления с фонетикой слова, принадлежащего к иной морфологической категории. Семантически союз *а* и местоимение *оно* могло бы приблизительно соответствовать нашему *а что...* или *а еже(ли)*.[2]

В этимологии Бернекера, следовательно, фонетика более или менее может быть увязана с семантикой. Но как только мы попытаемся представить себе переходные моменты от *at* — *je* (=*a e*(*же*) к союзу *аще*, этимологические сопоставления Бернекера окажутся неубедительными.

Мы видим, что союзы *буде* и *если* имеют своим первоисточником глагол. Почему бы не предположить такой же первоисточник и для союза *аще*, так полно соответствующего по значению союзам *буде* и *если* и так тесно связанного с ними по своей судьбе в историческое время? Вопрос должен итти тогда о семантических особенностях и конструктивных возможностях глагола, послужившего материалом для образования союза *аще*.

Что касается конструктивной стороны, то при определении генезиса *буде* установлено, что глагол, из которого создается союз условных предложений, должен обладать по крайней мере двумя качествами: 1) иметь возможность выступать в качестве связки при именном сказуемом и 2) иметь возможность принимать участие в образовании сложных глагольных форм, в частности — формы будущего (глагол-союз *будет*).

Что же касается семантики, то глагол должен был иметь очень общую, не специализированную семантику. Точнее ее можно определить, если сопоставим условные предложения с предложениями уступительными.

Уступительные предложения тесно связаны с условными. Вообще вся масса уступительных предложений включаются в условные, являясь только частным случаем их. В целом ряде случаев мы не можем с уверенностью сказать, условное предложение пред нами или уступительное. Напр.: Не дааше никомоу, *аще* и зѣло хотѧхоу мнози (Жит. Сер. 79). Аще не нынѣ, умремъ же всяко (Авв. Чел. пис. 830).

Не случайно, что мы можем переводить эти предложения с союзом *если*, или с союзом *хотя* — безразлично. Они и не условные и не уступительные в собственном смысле предложения. Первое — предложение, выражающее ограничение, второе — противоположность. Между тем всегда в таких предложениях в др.-рус. союз *аще*, который служит и союзом условных и союзом уступительных предложений. В памятниках др.-ц.-сл. языка союз *аще* является даже единственным союзом уступительных

---

[1] V. Vondrak. Vergleichende Slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1908, стр. 491.

[2] Это, впрочем, не было в полном соответствии со взглядами Бернекера, потому что он определяет составные части союза *ежели*, сопоставляя его с *естьли*, т. е. считает, что *ежели* из *jest*+*že*+*li*, что, как увидим, неверно.

предложений. В др.-рус. также (но только в некоторой группе памятников XVII в.) союз *аще* становится преимущественно союзом уступительных предложений, между тем как условные подчиняются другими союзами, преимущественно союзом *буде*.[1] Но известно, что в памятниках, более или менее свободных от влияния ц.-сл. языка, сравнительно рано появляется иной союз уступительных предложений — союз *хотя* (есть уже в Р. Пр.). Конечно, он был в широком употреблении в устной речи, о чем можно судить, между прочим, по тому, что он хорошо представлен в современных говорах деревни. С развитием литературного языка он всецело берет на себя роль союза уступительных предложений. Между тем мы никак не смогли бы отрицать генетической связи союза *хотя* с глаголом *хотеть*, причем это не является специфической чертой русского языка. Так и в литовском, где *nors* = *хотя* есть форма 2-го л. ед. ч. (несколько измененная) глагола *norėti* = *хотеть*. Так и в немецком, где *wohl* (в *obwohl* — союзе уступительных предложений) имеет несомненную связь с глаголом *wollen*.[2] Мы устанавливаем, таким образом, в союзах уступительных предложений наличие семантики *хотеть, желать*. В объяснение причин этой связи уступительных предложений с глаголами типа *хотеть, желать* можно привести пока только то соображение, что значение уступительное обычно связывается с ограничением воли того, кто имеется в виду в таких предложениях.[3] Но еще больше, казалось бы, имелось оснований для привлечения таких глаголов в условную конструкцию, где (напр. в юридических актах) всегда учитывается возможность различных желаний и попыток со стороны одного из договаривающихся.

Обращает на себя внимание территориальная, так сказать, близость глагола *хотеть* к условному предложению. В таком памятнике др.-ц.-сл. языка, как „Мариинское евангелие", из всех случаев употребления глагола *хотеть* во 2-м и 3-м л. ед. ч. треть оказывается включенной в условные предложения типа „аще хощеши".

Какие-то следы этого глагола *хотеть — не хотеть* обнаруживаются и в древнейших памятниках сербского языка: *хоке* ли что ѡбькина ваша прѣзь сиѫ оутвржениѫ кралевьства ми что примькнути мое земле, свѣне мене клетва... кто *хоке* сиѫ потворити, не маль гнѣвъ и наказаниѫ има вьсприяти ѡть кралевьства ми... или инь кто любо присни мои и *хоке* сиѫ потворити, богъ да моу суди (Mon. Serb. 20). Едва ли возможно было бы переводить здесь *хоке* буквально как *хочет*. Речь идет, собственно, не о желании кого-то нарушить установления, фиксированные грамотой (одно желание и не являлось бы наказуемым). Речь идет о возможности в будущем такого нарушения (потенциально-условное) и будущее предположительное выражено глаголом *хоке*. Очевидно, что глагол *хотеть* не имеет еще здесь той строго определенной и очень выразительной семантики, которая становится свойственной ему потом. Здесь еще нет равенства между *хотеть* и *желать*. *Хотеть* — это пока только общее указание на возможность в будущем, наше *может быть*.

Но связь *хоке* с *хотеть* нельзя, конечно, отрицать.

То же, примерно, значение имеет русское *люб*, встречающееся нередко (в форме *нелюб, нелюбо*) в памятниках др.-рус. языка в конструкции бессоюзного условного предложения. Несколько примеров: А воло-

---

[1] Так в „Прениях" свящ. Ивана Наседки XVII в.

[2] H. Paul. Deutsches Wörterbuch.

[3] Подробнее о роли глагола *хотеть* в уступительных предложениях см. гл. „Уступительные предложения. Союз хотя", стр. 115.

стелю моему даютъ на годъ два корма ... съ дву плугъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десятеро хлѣбовъ а то ему и съ тіуномъ: а *нелюбъ* полоть, ино два алтына, а *нелюбъ* мѣхъ овса, ино алтынъ, а *нелюбъ* возъ сѣна, ино алтынъ, а *нелюбы* хлѣбы, ино за ковригу по дензѣ (Жалов. гр. 1455—1462 г. А. и. I. 106). дастъ тотъ игуменъ ...за пиво четвертку жита, да полоть мяса, *нелюбо* полоть, ино пять денегъ Ноугородцкая (Тархан. гр. архиеп. Новгород. 1573 г. А. и. I. 349).

Едва ли возможно и здесь буквальное понимание *понравится — не понравится*. Смысловой центр тяжести — в условности и разделительности: „*если не* полоть мяса, *то* два алтына" — или: „*или* полоть мяса *или*..."

Но конечно *люб — нелюб* находится в прямой связи с глаголом *любить*, который близок по значению к глаголам типа *желать, хотеть*. Близок к ним и глагол *волить* (в русском *изволить, позволить* и др.). Мы видим, что и этот глагол имел какое-то отношение к условным предложениям. Мы видим его, правда, не в роли условного союза, а разделительного. Иногда, однако, он выступает в не очень четком значении *хотя*.

Маретич[1] приводит в числе союзов, известных в сербском языке, союз *volja* в значении *или*. Шафарик[2] дает значение волꙗ — *sive-sive*, однако пример, приводимый им, близок к уступительным предложениям: *волꙗ* юни суть, *волꙗ* стари, *волꙗ* и заматорѣли вь ѡбразѣ или соуть новаци (из пам. 1210 г.).

В разделительном значении союз *волꙗ* в др.-сербском встречается часто: бискуп не море нище заповидати *волꙗ* взети ... г. бишкуп не море положити *волꙗ* взети али заповидати (Закон Винодольский 1288 г.). ако бошнанинь ѳхити ѳ Дѳбровчанина за конꙗ, а ѡнь бѳде ѳкрадень илли ѳхѳшен а прави Дѳбровчанинь: мо-ıє конь влащи *волꙗ*: га самь купио не знамь ѡдь кога, волꙗ повıє ѡдь кога ıє кѳплень. волꙗ прѣсеже самошесть. чисть дѳога да ѓуде (Грамота 1332 г. Mon. Serb. 101).

Если даже признать, что здесь *волꙗ* — только в значении разделительном, без оттенка условного значения (в чем можно сомневаться), то все же нельзя будет отрывать этот союз от русской частицы *воле* в таких текстах, как *воле* исцѣлѣю ли, *воле* не исцѣлѣю ли (Срезн.). брате, *воле* не вѣси ли островьца мала средѣ морꙗ (Срезн.). *Воле* словесы ли то се бѳдеть створилъ или дѣломъ сконча (Срезн.).

Мы видели,[3] что союз *аще* может выступать в роли вопросительной частицы и разделительного союза: Чюдно же бѣ и о семъ ꙗко никогда же свои помыслъ ѿ пр҃ѣбнаго оутаити ѥмоу *аще* в҃ нощи *аще* в҃ дни (Жит. Сер. 121).

Есть, следовательно, основания для широкого и свободного применения союза условных предложений *аще* в значении как *или*, так и *ли*. То же с союзом *оже*. То же позднее (в памятниках XVII—XVIII вв.) и с союзом *ежели*, который употребляется иногда как вопросительная частица (правда, редко, примеры единичные). С другой стороны, вопросительная частица *ли* (а также *или, али*) в некоторых из древнейших русских текстов, например, „Поучении Владимира Мономаха", выступает в качестве союза условных предложений.

---

[1] Maretić T. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 496.

[2] Šafarik P. J. Serbische Lesekörner, Peszt, 1833, гл. „Konjunktionen".

[3] См. стр. 54, 56.

Следы теснейшей связи и взаимодействия условных, уступительных и разделительных союзов видны в этих разрозненных показаниях памятников. Русское *люб* (*в нелюб-о*) с значением *если*, сербское и русское *воле — волѧ* в значении то разделительном, то уступительном, сербский глагол *хоке*, не имеющий строго определенной семантики — все они связаны как-то с выражением условно-уступительных предложений, и все они ведут нас по одному семантическому ряду: *любить — волить* (*желать*) — *хотеть*. Но если остатки и поздние пережитки старой системы столь последовательно говорят нам о единой и строго определенной семантике, то в еще большей степени имеем мы основание предполагать наличие такой семантики для первых этапов развития условных предложений.

Напомним вместе с тем и второе требование в отношении глагола, ставшего потом союзом: он должен был выступать в роли связки при именном сказуемом и в качестве формального члена сложных глагольных форм, в частности форм будущего.

Нам кажется, что есть глагол, вполне удовлетворяющий этим требованиям. Четкие следы его мы обнаруживаем прежде всего в сербском языке. Напр.: *Аке* ли приде такь чловѣкь, комꙋ не искана правина, да мꙋ се не ꙋзьме ни тьнькь коньць (Грам. Андрея Хумского, 1234—1240 гг. Mon. Serb. 34)... и записа: *аке* им се гдѣ случи дрѣво тере им се разбиѥ на мори при земли кралевьства ми, да се онози дрѣво никто не задеге (Грам. Ст. Уроша, 1326 г. Mon. Serb. 85), кто ли се нагѥ забавивь що или що ꙋзьмь да имь плати цр҃в ми... а *акѥ* ꙋсхокѥ що ꙋзети цр҃в ми гн҃гѧ цр҃ца що ѡ҃ них трьга а или цр҃в ми, нищо да имь се не ꙋзме без кꙋпа (Грам. ц. Стефана, 1356 г. Mon. Serb. 153).

В виду того, что на ряду с употребляемым здесь *аке* в грамотах, близких по годам к приведенным мною и помещенным в том же сборнике, напр. в грамоте, 1222—1228 г., в таких контекстах употребляется *ако* и *аще*, нельзя сомневаться в значении этого *аке*. Оно — союз условного предложения. Известно, что в таком именно виде (*аке*) этот союз держится в сербских памятниках не церковно-религиозного характера до конца XIV века. К этому времени он окончательно вытесняется постоянно употреблявшимся на ряду с ним союзом *ако*.

Что написание *аке* — можно читать только как *аħе* с мягким *ć* (*ħ*), об этом можно бы было и не говорить. В данных памятниках все *ć* переданы через *к*, точно так же, как все *d'z'* переданы через *г*, знака ѣ в этих памятниках нет.

В составе *аħе* первая часть, несомненно, — союз *а*. Это было бы вполне естественно, так как союз *а* нередко в протазисе условной (бессоюзной) конструкции. Да и едва ли какое-нибудь иное *а* (не союз) могло бы выступать без йотации. Тогда вторая часть *аħе* есть то самое *ħе* (а также *ħу, ħеш* и т. д.), которое мы находим в современном сербском языке в качестве вспомогательного глагола для образования будущего времени и которое вошло в письменный сербский язык очень рано (в середине XIII в. мы уже встречаем его. См., напр., Грам. кн. Черномира 1253 г. Mon. Serb. 42).

В связи этого сербского *ħе* с глаголом *хочу* нет никаких оснований сомневаться, поскольку на ряду с краткой формой *ħу, ħеш* и т. д. для образования будущего времени употребляется и глагол *хоħу* в полной форме. Впрочем, и в русском языке памятники представляют примеры употребления *хочу* в функции вспомогательного глагола для образования будущего времени. Так, в летописи (по Радзивиловскому списку) под

6611 г. записано: негодно ѣнѣ ити хочемъ погоубити смерды и ролью им (Срезн.). В летописи по Лаврентьевскому списку под 6579 г.: То вѣси ли что ѵтро *хощеть* быти и что ли до вечера? В поучении Владимира Мономаха: Егда *хощеши* судити, не осуди мене на ѡгнь (Л. л. 85). Потебня[1] говорит о роли глагола *хотеть*: „В ст.-сл. и др.-русском *хощѫ — хочю* с неопределенным действительно имеет значения, отличные от значения этого глагола, взятого отдельно, но стоит лишь на той степени формальности, на которой млр. *маю* с неопределенным".

В болгарском языке также глагол *щѫ, щеш, ще* — глагол вспомогательный, употребляется в сложной форме будущего. В диалектах *жда, кю, чем* — достаточно полная параллель с сербским. Н. Геров[2] приводит примеры: Отищѫ и азъ. Видѣщемъ. Это применение глагола с зачатками семантики *желать, хотеть* в качестве вспомогательного глагола при образовании будущего времени не есть особенность только славянских языков. Ж. Вандриес[3] говорит об этом: „в общем те же самые[4] глаголы бывают вспомогательными во всех языках. Так, слова со значением хотения или долженствования часто выражают возможность в будущем". „Будущее часто строится посредством выражения воли или желания... Английский язык употребляет форму «I will» или «I shall do». „Новогреческий язык заменил древнее будущее аналитической конструкцией, восходящей к выражению θέλω ἵνα (я хочу чтобы)... В некоторых французских говорах говорится «il ne veut pas pleuvoir» (буквально: не хочет итти дождь) вместо «il ne pleuvra pas» (не будет итти дождь)".[5]

Мы можем в данном контексте и не касаться вопроса о том, почему в ряде языков в роли вспомогательного глагола для формы будущего времени выступает глагол с достаточно в общем яркой семантикой *хотеть*.[6]

Более важно для нас еще раз указать на связь условного с будущим. Даже для достаточно развитого языкового сознания всякое будущее представляется более или менее условным, точно так же, как всякое условное обычно мыслится в будущем.

Если мы и ограничимся этим констатированием теснейшей связи глаголов вспомогательных (*будет, есть, хочет*...) с выражением условности, то и тогда союз *аще* (*аче*) встанет в один ряд с союзами *буде, если*, вернее, союз *аще* выступит в значении неотличимом от *буде*; мы должны допустить его „перевод" на современный язык именно как *а буде*(*т*) и сербское *ако* конструктивно и семантически равно русскому *а буде*...

На вопрос о том, существует ли какая-нибудь связь между сербским *ако*, ст.-сл. *аще* и рус. *аче*, Бернекер отвечает недостаточно определенно, считая сербское *ако* отражением древнеболгарского (ц.-сл.) *аще*, т. е.

---

[1] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 367.

[2] Рѣчникъ на български езикъ. Пловдив, 1895—1908.

[3] Язык. Лингвистическое введение в историю. Русский перевод под ред. Р. Шор. ГИЗ, 1937, стр. 161.

[4] Вероятно, нужно было перевести: „одни и те же". — *Б. Л.*

[5] Ж. Вандриес. Ibid., стр. 147, см. о том же стр. 65.

[6] Пытается установить эту связь Вандриес (Язык... стр. 147): „Будущее... полно тайн, возможности, оно допускает ожидание, желание, боязнь, надежду. Говоря, «я сделаю это завтра», я окутываю свою фразу субъективной атмосферой, которая в моих собственных глазах расцвечивает ее различными оттенками так, что фраза сводится к смыслу «я желаю» или «я согласен на то, чтобы»... или же «я боюсь», или просто «я имею намерение сделать это» и т. д.".

принимая его в качестве чуть ли не графического заместителя болгарского *аще*.[1] Не приводит сербской параллели и А. Преображенский,[2] объединяя русское *аче* и болгарское *аще*, как это делает и Бернекер.

Однако фонетические соответствия *аще — аће — аче* во всех трех языках полное. Отсутствие конечного *тъ* (или *ть*) в русском (о сербском нет нужды говорить, так как там это — общее явление) находит себе полную параллель в отсутствии *т* в союзе *буде*. Да и вообще отсутствие конечного *т* как в русских говорах, так и в письменности (XIV—XV вв.) — очень обычное явление.

Могло бы противоречить этому сопоставлению наличие польского *acz, aczkoli*, близкого по значению к *аще*, однако *acz* не имеет к этому отношения. Союз этот состоит из *a* (союз) и *co* (вопрос.-относит. местоимение).[3] Таково же положение и с чешским *ač*. Болгарское *аче* и *яче* в значении *чем более* также не связано с союзом *аще*. Значение его указывает на связь его, всего скорее, с *ако, яко*. Подтверждает положение о связи *аће, аще* и *аче* и дает следы его в западно-славянских языках указание Бернекера на польское диалектное *jacy* в значении *только*. Уже и это значение *только*, как увидим,[4] ставило бы его в довольно близкие отношения к условным предложениям, но *jacy* имеет также значение *разве* и *если* (пол. *chyba*), а также *jżk, kiedy* и наконец: jacy powtarza sie w movie ludu bardzo często bez żadnego znaczenia.[5] Миклошич[6] дает без оговорок параллель серб. *аће*, др.-болг. *аще* и рус. *аче*, так же, как и Мейе.[7] Союз *аще* выступает в кратком виде не только в отношении глагольной флексии (*тъ — ть*), но также и в основе. Корень *chot-* мог иметь низшую ступень в отношении гласного. *Ъ* в слабом положении должен был выпасть. Именно эти формы с отпавшим *ъ* — и представлены сербским *ћу*, болгарским *щ*, где кроме выпадения также и обычная ассимиляция *cht* (подобно *gt* и *kt* в сочетаниях *gt, kt* + гласный переднего ряда). В русских диалектах представлена эта ступень корня в форме *хмѣть*. Украинский знает *хміти*.

Итак первоначальное значение союза *аще — а хочет*. Семантика этого *а хочет*, однако, не столь выразительна, как в современном нам *хочет* и скорее приближается к *а будет, а случится, а станет*. Конструктивно (а отчасти впрочем, и семантически) формула *а хочет* очень близка к бессоюзным условным предложениям такого типа, как: А правой въ виноватомъ воленъ, хочетъ его ис темницы выпустить, хочетъ — его зарѣжетъ (Ник. л. 104). А не пойдутъ опричные люди прочь, и околничему... на тѣхъ... исцово доправити (Судебн. 1497 г. А. и. I. 156). А станется татба войску или разбой, и на таковые люди... (Ник. л. 107).

Данное мною объяснение, чтобы стать общепризнанным, должно объяснить большее количество фактов, чем могло объяснять традиционное понимание. Кажется, установление связи между *аще — аче* и *а хочет* (или *а будет*) может объяснить одну особенность в строе союзных условных предложений в др.-рус. языке. Эта особенность отмечалась исследователями, но объяснения ее не было дано.

---

[1] Непонятно тогда, почему бы нельзя было так же смотреть и на русское *аче*.

[2] Этимологический словарь русского языка, М., 1910.

[3] I. Łoś. Składnia, стр. 402. (T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego. Kraków, 1923).

[4] См. стр. 105 и сл.

[5] I. Karłowicz. Słownik gwar polskich, Kraków, 1901, стр. 213—214.

[6] Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 9.

[7] A. Meillet. Le slave commun. Ed. II. Paris, 1934, стр. 489.

Я имею в виду довольно широко проведенную в др.-ц.-сл. языке и долго (повидимому, до конца XVI в.) державшуюся в др.-рус. письменности систему выражения отрицательных условных предложений. Мною уже указано,[1] что в памятниках др.-рус. языка в паре условных периодов, если второй является отрицанием возможности, высказанной в первом предложении, во втором условном периоде нет ни отрицания, ни повторения сказуемого первого предложения, что казалось бы нам совершенно необходимым. Вся фраза представляется на первый взгляд дефектной, не допускает буквального перевода на современный язык и никак не дает формальных оснований считать второе предложение отрицательным; так, напр.: рькуще: *аще* хощеши избыти болѣзни сеꙗ, то въскорѣ кр҃тсиѧ, *аще ли* то не имаши избы(ть) недуга сего (Л. л. 111). Мы ожидали бы во втором условном периоде: „аще ли не хощеши", или, по крайней мере: „аще ли (же) ни, то..." Еще примеры дальнейшего упрощения конструкции: выдаи кого ти хотѧ҃т. *аще ли* то предаемысѧ (-268) не бьемсѧ за сихъ, а за тѧ битисѧ можем, *аще ли* то ѡтворимъ врата граду (-268).

Шире, как я уже сказал, проведена эта система в памятниках др.-ц.-сл. языка. В русском языке она представляется уже пережиточной и постепенно вытесняемой более новой конструкцией и постановкой отрицания, а часто и с повторением сказуемого.

Вондрак[2] приводит из Супрасльской рукописи пример: съшедъ оубо виждѫ, аште по плиштоу ихъ приходѧштоумоу къ мнѣ съконьчаваѭтъ сѧ, *аште ли* да разоумѣѭ (греч. εἰ δὲ μή, ἵνα γνῶ). Вондрак не дает объяснения этому странному явлению, но, повидимому, считает, что это по образцу отрицания отрицания.

Явление это станет понятным, если мы примем, что глагол-сказуемое скрыт в союзе *аще*, а отрицания вообще здесь не нужно. Не отрицание первой возможности, а альтернатива дается парой таких предложений: Аще хощеши избыти болѣзни сеꙗ то въскорѣ кр҃тисѧ, аще ли — не имаши избы(ть) недуга сего (Л. л. 111).

Ничего не изменяя в этой фразе и ничего не прибавляя, а лишь раскрывая первоначальное содержание *аще*, можно перевести условный период в паратаксис, где отрицанию не будет и места: „хочешь освободиться от болезни — крестись, а хочешь — останешься (оставайся) больным".

В качестве традиционной, уже не живой формулы встречается позднее такое же употребление условных без отрицания и при других союзах (*оже-ли, еже-ли*).

Это же привычное употребление в данной синтаксической конструкции *аще ли* в качестве отрицания только что высказанного предположения обусловливает даже употребление *аще ли* (в значении „а если не так") и не во втором из двух рядом стоящих предложений, а в единственном. Это, впрочем, исключительно редко. Напр.: Добро оубо бѣгати... мѧтꙋщих оутрьними и кръмѣшными двизаніи. *Аще ли* то ѡбрѧщетсѧ съчастникъ и ѡбещникъ грѣшны҃ (ВМЧ 24 дек., стр. 1938).

Союз *ес(ть)ли*

Глагол *быть* в форме настоящего времени (есмь — есть — суть), выступая в качестве вспомогательного глагола (напр. в образовании прошедшего времени) мог являться и в самостоятельном употреблении в четком значении: *присутствует, он здесь, налицо.*

[1] См. стр. 54.

[2] Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 60.

Как всякий глагол, имеющий конкретное значение, глагол *есть* в этом положении может выступать в качестве сказуемого в бессоюзном условном предложении. В др.-рус. письменности, однако, примеры такого употребления сравнительно редки. Повидимому, они были известны языку тех социальных групп, которые не имели значительного воздействия на формирующийся литературный язык. Об этом говорит довольно широкое употребление его в пословицах. Так, в сборнике пословиц XVII в.: *Есть* пиво пьемъ, а нѣт ево ждемъ (Сим. посл. 100). *Есть* у молодца не хоронитца, а нѣтъ у не не соромитца (100). *Есть* пирогъ ѣдимъ, а нѣтъ гледимъ (101). *Есть* отцъ убилъ бы, а нѣтъ ево купилъ бы (101). *Есть* дѣнга в слину, а нѣтъ ея такъ в схиму (101). *Есть* денги, такъ сила, а нетъ такъ схима (181). Наш Обросимъ нѣтъ не проситъ, а *есть* не помянетъ (189). *Есть* мошна будетъ и квашня (182).

В иных памятниках значительно реже: осмотримъ имать ли ꙁзьвоу на главѣ его *есть*, то онъ есть. и оувидѣвше ꙁзвоу на главѣ его абіе познали его (Р. д. 310).

Отметим, что такое употребление *есть* в бо́льшей степени, чем употребление других глаголов в таком же положении, создает интонационную и смысловую близость к вопросительным предложениям. Что это не субъективное впечатление современного нам читателя, показывает тот факт, что глагол *есть* очень часто в таком своем значении употреблен в вопросе (в прямом и косвенном). Напр.: и начаша просити татарове кнаꙁа великого Юрьа, *есть ли* в градѣ (Л. л. 461). Призва иконома Сава и глагола: „*есть ли* ударити в било?“ (Срезн. пам. XIII в. сп. XVI в.). послали есмя провѣдати, *есть ли* ты или нѣтъ, и будетъ тебя въ животѣ нѣтъ... и братъ бы твой... (Иван IV королю Шведскому. 1573 г. Д. Т. пр. II. 37). *Есть ли* де у тебя, Никитка, пиво? Испьемъ де да и простимся. (Акт Х. У. 995), скрычал он царь зычным голосомъ а *ест ли* в Москве немилостивы палачи, возмите царевича за белы ручки (Кир. Дан. 198). закричал король громким голосом ужъ *ест ли* палачики грозныя ужъ *естли* топорики вострыя поведите его позадъ горницы (Песни Петр. 287. № 56). Казну вашу... съ перевозу Переволочанского есть ли посылати до Сѣчи или удержати? Отвѣтъ: посылать. (Мазепа. Птр. IV. 353) присматривались... нѣтъ ли какихъ зговоровъ или бунтовъ, и так ли все есть, как ему начальные... докладывали, и *если* добрый порядокъ промежъ подданными, а того довѣдываетца не знатно (Дв. ц. Тур. II. 57). Отметим орфографию *если* в последнем примере. Пишущий не понимает, что перед ним не союз, а глагол-сказуемое с вопросительной частицей.

О связи условных предложений с вопросительными мы скажем подробнее в главе о союзе *ли*, пока же отметим лишь обычное не только в русском языке употребление вопросительных частиц в значении условных союзов и, наоборот, условных союзов в значении вопросительных частиц. Так, лат. *si*, фран. *si*, нем. *ob* — иногда в прямом и косвенном вопросе. На ранних этапах развития связь условных с вопросительными несомненна, и обычное употребление *есть ли* в вопросе выдвигало его на роль подчинительного союза условных предложений.

Промежуточное положение между двумя указанными предложениями с *есть*, т. е. между бессоюзными условными и простыми вопросительными, занимают предложения, выражающие разделительность: А послухъ не пойдетъ предъ судью, есть ли за нимъ рѣчи, нѣтъ ли, ино на томъ послусѣ исцево... взяти (Судебн. 1497 г. А. и. I. 154). Эта формула

деловой речи была в широком употреблении, а между тем она очень близка к уступительным предложениям с союзом *хотя*: А речетъ тако: хотя богатырь или не богатырь, однако... (Ник. л. 106). Какъ ни ѣсть, хотя нѣтъ согласия между ими,... однако (Дв. цес. Тур. 62). вели збирать хотя хотятъ, хотя нѣтъ (Птр. III. 465). Но союзы условных и уступительных предложений нередко употребляются один вместо другого, как, напр., союз *аще*. И на этом пути, следовательно, возможен был (посредством перехода от разделительных к уступительным, а затем и к условным) переход глагола *есть* на положении условного союза.

Однако бо́льшие возможности перехода глагола *есть* в союз создавались на позиции его в качестве вспомогательного глагола с очень невыразительной семантикой. И здесь прежде всего положение *есть* в качестве связки при именном сказуемом создавало впечатление промежуточного положения между бессоюзным условным предложением и союзным (с союзом *есть, есть ли*). Напр.: А *есть* тебѣ мила шелъ твоѧ и ты поѣдь до Тира (Р. д. 9). Но и в качестве связки при именном сказуемом глагол *есть* выступает обычно в значении вопроса или разделительности. Переход к значению условного союза для глагола *есть* был возможен в тех случаях, когда за вопросом немедленно следовал ответ. Переходными от вопросительных к условным предложениям могут считаться примеры такого рода: чудеса творила (вода) ею испытывали дѣвицъ, есть ли чиста или ни (Арс. Сух. 201). о том подтверженiя требовать, *естли* истинно по сему мочно знать, что... (Птр. IV. 544). В такой позиции глагол становится союзом тотчас же, как только мысль, данная в первом предложении, получает дальнейшее развитие (вывод).

Вот несколько примеров употребления союза *если*, где, однако, *есть* может считаться и связкой в именном сказуемом:

Есть ли турчинъ повиненъ дать... деньгу, а *есть ли* хр̂тьянинъ, то две деньги (Дв. цес. Тур. 20), чтобы всякая дв̄ца... дала отъ себя четыре золотыхъ полскихъ *естьли* турчанка, а *естьли* хр̂тиянка, то червоной золотой (Дв. цес. Тур. 20).

Последний пример в другом переводе этого памятника дает уже не *естьли*, а *буде* и *будет* (см. стр. 46) и там это *будет* стоит на грани глагольной связки и союза.

Кроме указанных положений, мы знаем в др.-рус. языке широкое применение глагола *есть* в образовании прошедшего сложного с причастием на *л*. Мы знаем, что уже древнейшие памятники русского языка представляют примеры употребления прошедшего сложного и без *есть*, причем чаще всего вспомогательный глагол отсутствует и 3-м л.[1]

Не вполне ясен процесс освобождения конструкции прошедшего времени от вспомогательного глагола и неизвестна хронология этого явления, поскольку мы не можем вполне полагаться на показания письменных источников. Но одно частное наблюдение в этом процессе должно быть отмечено. Повидимому, глагол *есть* (именно в этой форме 3-го л. ед. ч.), перестав служить организующим центром конструкции прошедшего времени, долго еще удерживался в тех случаях, когда прошедшее время давало значение вопроса. Дело в том, что такое употребление *есть* пережиточно является в очень поздних памятниках. Мы могли бы отводить, как переводные с польского, примеры такого употребления в „Римских деяниях“ или в „Хождении Радивила Сиротки“: вопросилъ есмь его, естли такожде о еретикахъ... слышалъ что?

[1] А. И. Соболевский. Лекции... стр. 239.

Спрашиванъ на сіе... (=слышал ли?) (Рад. Сир. 87) отповѣдать *есть ли* бы кто осли потерялъ, и никтоже обрѣтеся (=не потерял ли?) (Р. д. 146). Допустим, что здесь сильнейшее подчинение польскому оригиналу. Но у Лудольфа мы находим вполне аналогичные примеры: поди и смотри, *естли* портной мастер здѣлалъ мою шубу (Lud. 56). Сводить примеры такого употребления у Лудольфа на иноземное влияние нельзя. Разница с обычным выражением прошедшего времени здесь в инверсии и в присоединении *ли*. Но то и другое вполне естественно в вопросительных предложениях. Здесь устанавливалась бы довольно близкая параллель с союзом *будет*. При распадении futurum exactum вспомогательный глагол берет на себя роль подчинительного союза условных предложений — при распадении сложного прошедшего вспомогательный глагол *есть* держится долго в прошедших, выражающих вопрос (в простом предложении) или условие (в сложном предложении, когда за вопросом следовал ответ). Быть может такое сохранение *есть* могло наблюдаться и не только в вопросе, а напр. в таком прошедшем, которое показывает многократное повторение действия. Что язык искал особой формы для выражения многократности, — это мы видим по остаткам необычных форм прошедшего.

Мною приведен (стр. 49) пример с многократным прошедшим в форме *будѧше*. Мы видим в такой же, повидимому, роли показателя многократности глагол *есть*. Соболевский [1] приводит пример из записи в „словах Исаака Сирина“ 1428 г.: *есть* пакь хочетъ поити на нихъ, самъ бываше. Мы должны иметь в виду, что многократность в сложном предложении („всякий раз, когда..., то...“) стоит в тесной связи (на первых этапах развития условного периода) с выражением условности, почему и союзы условных предложений (преимущественно *аще*) служат постоянным показателем этой повторяемости в прошедшем. „Есть хочет поити на них“ — необычная конструкция. Но употребление настоящего времени (*хочет*) вероятно обусловлено именно тем, что обычное прошедшее на *л* не давало значения многократности.

Таким образом положение вспомогательного глагола *есть* в объединении с союзом-частицей *ли* выдвигало его через промежуточные ступени вопросительности и разделительности на положение, близкое к союзу условных предложений. С другой стороны, отрыв глагола *есть* от формы прошедшего с причастием на *л* и частое употребление его в качестве связки при именном сказуемом (также в вопросе) закрепляло за глаголом *есть* значение показателя вопросительности и условности (когда за вопросом следовало предложение, имеющее значение ответа — вывода).

Отметим, что и в памятниках др.-ц.-сл. языка есть близкий к союзу *если* союз *кли*. Вондрак [2] приводит из сборника Клоца текст: *ели* бо распинаемъ цесарюетъ, како бѫдетъ вѣнчаемъ. То же и в древнейших переводах „Физиолога“: *ели* хитрии ищеть бисьра ахатомъ же и ѡбрѣтають (Срезн.). Бернекер [3] относит *je-li* (сборника Клоца) к корню *es-*. Преображенский [4] также считает, что *ели* из *есть-ли*. Миклошич [5] также помещает *ели* под словом *есть*.

---

[1] Лекціи... стр. 266.
[2] Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 59.
[3] Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 265.
[4] Этимологический словарь русского языка, стр. 218.
[5] Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum.

И все же, несмотря на то, что понятен был бы переход глагола *есть* в союз *есть(ли)*, в др.-рус. письменности мы находим лишь ничтожные следы употребления союза *есть ли*, так что не устанавливается непрерывной традиции употребления его в XV—XVII вв. Отдельные и немногие авторы конца XVI — начала XVII в. знают этот союз. Мы можем указать Пересветова, как первого, кто начинает употреблять его в письме. У него он имеет и форму *есть* и форму *естьли*: *Есть* его огненная стрѣла не убиетъ і самострѣлъ на него не спуститъ і онъ крестъ поцѣлуетъ і свое возметъ (Пересв. 73). причем это *есть* является в цитатах из летописи и заменяет обычный в летописи союз *аще*. Сравни, напр., „*есть ли* меч с наводу не спуститъ... и свое возметъ“ (Пересв. 73) — с текстом: „аще мечъ наводу не вспуститъ... и онъ свое возметъ“ (Ник. л. 104). Изредка встречается *есть* у Курбского: А *если* (в других списках *а еть*, *а есть*) же будем простерты лежати, тогда (Курбск. 71).

В качестве союза выступает *есть* и *есть бы* у Толочанова (50-е годы XVII ст.): Да он же Пешенгей говорил: *есть* де бы был (=присутствовал здесь) сын его Александра царя царевич Баграт... и Александр бы де царь отпустил бы... сына (Толоч. 166). *Есть будет* царское величество к Александру царю и к католикосу отпишет, и то его... повеление исполнят (159). В „Римских деяниях“: а есть бы кто против воли столпови нѣчто восхощетъ учинить, чтобъ такова человѣка възлвше к немѹ привели (Р. д. 92). У Кирши Данилова: Есть у меня вдовы будетъ с нево живота, поиду молода в торги (Кир. Дан. 175).

Примеры такого употребления *есть* (без частицы *ли*) очень немногочисленны. Полной выразительности союз достигал именно в объединении с частицей *ли*, которая и сама могла иногда (в древнейших памятниках русского языка) выступать в качестве подчинительного союза условных предложений. Здесь положение вполне аналогично положению союза *ежели*, сравнительно редко выступавшего в качестве условного союза без соединения с частицей *ли* и достигшего широчайшего распространения лишь в таком объединении.

Однако и примеров употребления *ес(ть)ли* до конца XVII в. в письменности очень немного. Как уже сказано, впервые встречаем мы *если* у Пересветова. У Курбского в письмах к Ивану IV всюду еще союз *аще*, но в цитатах из Цицерона в этих же письмах — если. Возможно, что перевод сделан не непосредственно с латинского, а с польского. В дальнейшем союз *если* у Курбского встречается в письмах к частным лицам. Не достаточно ясен союз *естьли* у Максима Грека (в соединении с временным союзом *егда*): Есть же *егда* и обличаетъ и запрещаетъ грознѣйше, да также и мы пріимаемъ благопокорно.[1] Нет союза *если* в языке самого Ивана IV, хотя у него большое разнообразие союзов (*коли*, *только*, *буде* и, конечно, *аще*).

В середине XVII в. изредка этот союз у Арсения Суханова. Обычно же в это время в языке иностранцев, напр. Лесли (1638 г.). Сравнительно небольшое место занимает этот союз у Аввакума, причем трудно определить отношение автора к союзу, но, кажется, он преимущественно в обращениях к высокопоставленным лицам, в частности к царю. И у Аввакума и у его современников союз *если* чередуется уже не только с *аще*, но и с *буде*, *коли*, *ежели*.

В самом конце XVII в. союз *если* начинает проникать и в деловую речь приказов, но крайне медленно. Можно указать лишь несколько

[1] Москвитянин, 1842, № 11, стр. 89.

грамот и иных актов этого времени, знающих союз *если* вместо *буде*. Так: А *есть ли* бы де на челобитчика на нево исца были не церковной староста и не въ церковномъ.... сѣне, и преосвященный б архіепископъ судить сво... не указалъ. (Блкр. 1670 г. 36) В допросах иностранцев (А. и. XII. 342) встречаем: а естьли у него великіе государи изволятъ выслушать, и онъ великимъ государямъ самимъ объявитъ тайно (1689 г.).[1] Наконец, в купчей 1693 г.[2] быть может впервые союз *если* заменяет в частном юридическом акте незаменимый в них союз *буде*.

У Лудольфа уже союз *если* считается равным союзу *буде*. В эти годы союз *если* достигает широкого распространения в языке Петра и его сотрудников. В I томе „Писем" Петра (1688—1701) союз *если* уже несколько превышает по употребительности союз *буде* (*если* — 52% всех условных предложений, *буде* — 43% и 5% — союз *ежели*). В языке сотрудников Петра I он завоевывает признание несколько позднее и в 1706 г. (IV том „Писем") является в 50 случаях из 100 условных предложений. Но в это время союз *если* в языке самого Петра начинает быстро утрачивать свое господствующее положение, уступая его союзу *ежели*. Здесь, повидимому, кончается первый период в истории этого союза в литературном языке. Он вытесняется из употребления у представителей феодальных верхов общества, но в то же время усваивается более широкими массами городского населения.

Фольклор и современные говоры деревни, поскольку они вообще знают союзное соединение условных предложений, знают и союз *если*, но количественно он представлен здесь значительно слабее других союзов (*как* и *ка(к)бы, коли*). В современных областных говорах он немногим превышает по употребительности союз *ежели*.

В сборнике пословиц XVII в. встречаем всего два случая употребления союза *если*: Естлибъ на горохъ не морозъ, онъ бы давно черезъ тынъ переросъ (Сим. посл. 182). См. также 112 и один не вполне ясной пример — стр. 215.[3] В Великорусских народных песнях (Соб. Песни) встречаем *если*, но в контекстах, не дающих впечатления большой старины. См. напр.: Соб. Песни, VI, 87, 109 и др.

В записях из с. Леки Егорьевского у. Ряз. г., сделанных Гришкиным,[4] всюду союз *если* (см. напр. стр. 99, 102, 104 и др.), причем в записях былины, сказки так же точно, как и в собственном рассказе.

В МЭИЯМ несколько примеров: *если б*, допустим, работал то... (д. Подгорье). *Если* не изменют на други каки конфликты, то... (д. Есипово). *Если* будет у нас обмер... *Если* мы, дорогой мой, будем... (д. Истошная). А вот на лошадке *если* заработаю, — и куплю (д. Асинушка). Это — на 69 примеров сложных предложений, из которых 44 представляют союзное соединение.

Переоценивать значение этих показаний, однако, не следует. В говорах наличие союза *если* вполне может быть объяснено воздействием литературного языка представителей города.

Нет союза *если* в белорусском языке.[5]

Своеобразная судьба союза на первых порах его распространения в письменности, быстрое распространение его в конце XVII в., постоянное

---

[1] Посольский приказ вообще уже хорошо знает этот союз в конце XVII в.

[2] Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1913, IV, стр. 25.

[3] Отмечу, что в этом сборнике имеются также два случая употребления *аще*. Один из них, впрочем, в явно пародирующем тексте.

[4] Сборник ОРАС АН, т. XCV, № 1. Пгр., 1916.

[5] И. Носович. Словарь белорусского наречия.

присутствие его (в XVII в.) в языке иностранцев и в переводной с польского литературе — все это заставляет весьма осторожно решать вопрос о проникновении союза в письменность. Конечно, были пути непосредственного возникновения *естьли* из глагола *есть* и союза-частицы *ли* и на русской почве, но внедрение его в язык правящей верхушки феодального общества происходило, повидимому, не без влияния польского языка. Ряд соображений должен говорить в пользу этого предположения.

Мною уже отмечено, что Курбский только в конце своей деятельности и только не в высоком стиле посланий к царю начинает употреблять союз *если*. Но и лексика и синтаксис Курбского носят яркие черты польского воздействия: а *есть ли бы* вашей милости не полюбилося, то бы ваша милость тотъ паперъ спалити казалъ (Курбск. 55). *Есть ли бы* мнѣ выдралъ ума моего вѣчную неподвижность. . . . *естли* того вѣчного добродѣства безсмертную память потребилъ бы еси, а далеко больши, аще оный умъ мнѣ исторглъ бы еси, тогда. . . (144). *ваша милость, папер, казал, добродство,* союз *а* в четком соединительном значении — явные полонизмы.

XVII в. представляет разнообразные способы воздействия польского языка на русский. Оно шло и через письменность (переводы) и непосредственно в живом общении с представителями польской народности. Есть в деловой речи низовых канцелярий примеры простой транслитерации отрывков польского текста.[1] Но, повидимому, больше всего польские элементы проникали в русский язык через украинское посредство.

Не имея возможности ставить эти вопросы во всей их широте, обратим внимание пока только на то, что в украинском языке союз *если* получил широчайшее употребление уже к тому времени, когда в русском языке мы можем наблюдать лишь единичные попытки провести его в письменность. Не только, положим, в письмах Константина Острожского (конец XVI в.) союз *если* — обычное явление, но он и в церковно-богослужебных книгах. Так, в Пересопницком Евангелии 1556 г. на месте *аще* — всюду *если*. Для языка русской церкви это явление совершенно невозможно не только в то время, но и значительно позднее, вплоть до конца XIX в. Лаврентий Зизаний[2] переводит союз *аще* на „российский" язык посредством *если* (даже не *есть ли*), но его российский язык вообще богат украинизмами. Он же переводит *алекторъ* — *пѣвень, бладословіе* — *шкарадная мова* и т. д.

Обращает на себя внимание то, что на первых порах в русской письменности он — преимущественно в переводах с польского. Так, напр., Литовский статут[3] знает только союз *если* (преимущественно *если бы*), между тем как близкое к нему и по времени, и по жанру, и по социальной принадлежности „Уложение" Алексея Михайловича не знает его (в нем — союз *будет*). Мы видим в „Похождении в землю Святую Радивила Сиротки" (перевод после 1617 г.) еще сравнительно незначительное количество примеров с *если* (4 *если* при 100 *аще*). Но в более позднем переводе с польского „Римских деяний" отношение уже иное: *аще* — 35 раз, *если* — больше 20 раз. (Почти безразличное употребление *аще, будет* и *если* в „Космографии" 1670 г.).

Что касается самого польского языка, то в нем союз *jeśli* (первоначально в форме *jestli*) получает распространение в письменности, по-

[1] Так, напр., в „Сибирской переписке" 1593—1638 гг. (Русская историческая библиотека, т. II, 1875, стр. 240, 272, 701, 703).

[2] Славянская грамматика. Вильна, 1596.

[3] И. И. Л а п п о. Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.

видимому, к середине XV в. В Флорианской псалтири (XIV в.) — это еще не союз, а обычное сказуемое в косвенном вопросе, но в „Библии королевы Софьи“ (1455 г.) он уже обычно в значении союза. В дальнейшем союз *jeśli* становится основным союзом условных предложений, но долго еще употребляется в той и другой форме (*jeśli* и *jestli*).[1]

Итак, можно предполагать, что возникший на русской почве из глагола союз *есть* или (иногда) *есть ли* не получил всеобщего признания и не вошел в широкое употребление в письменности до тех пор, пока не получил поддержки со стороны как литературных памятников на украинском и польском языках, так и со стороны живых представителей этих языков, причем утвердился он первоначально в языке знати (царя и боярства). Могло произойти это во второй половине XVII в. В язык широких масс городского населения он попадает уже в XVIII в., где получает настолько широкое распространение, что в дальнейшем процессе демократизации литературного языка проникает в него и утверждается в нем на месте принятого к тому времени в литературном языке союза *ежели*.

На пути развития в письменности XVII в. союза *если* мной не отмечен один интересный этап — объединение союза *если* с союзом *будет*. Это могло бы представлять промежуточную стадию в процессе замены союза *будет* союзом *если*. Уже у Курбского мы встречаем: тому ты человѣку грози смертею або изгнанеи прещеньми, *если* которого *будешь* такового обрящешь (Курбск. 139). То же в переводах: если будетъ на него судьи донесутъ, то то его велятъ выгнать (Дв. цес. Тур. II. 77). См. также стр. 62: *есть ли буде*... тогда... А *если буде* укажетъ в. государь... зделать, и он де.. сваритъ (Заб. Ик. 78. 1667 г.). То же у Толочанова: *есть будет* ц. в-во... отпишетъ, и то повеление исполнятъ (Толоч. 159).

Такого же типа объединение *есть* с более обычными союзами условных предложений имеем изредка в современных говорах деревни и в литературной обработке их (в художественных произведениях из крестьянской жизни с точной передачей особенностей областных говоров). Словарь Академии Наук дает примеры: *Есть когда* на правду пошло, так слушай. *Есть коли*, говорю, хочешь чтоб тебя любил женский пол, то добейся (добудь) две штучки (Сл. АН 1282 и 1475). Оба примера из одного автора (Железнов „Уральцы“). Здесь представляло бы интерес не только объединение союзов *есть* и *коли*, *есть* и *когда*, но и самое наличие в говорах небольших остатков несформировавшегося еще полностью союза *есть(ли)*, одна из первых стадий его развития, традиционно употребляемая, но недостаточно выразительная и потому подкрепляемая обычными условными союзами (*коли*, *когда*).

Только внешнее сходство с союзом *если* имеют *лели* и *лель*, отмеченные в говорах в четком значении условных союзов: ни уходи ать мене. А *лель* уйдешь, то я тебе заганю. *Лели* памремъ, фсё... тебе астаница. *Леле* вы жылаитя, так прйдя... хошь *лели* пѣсни слушать, и нада за пѣсни игрицъ дарить (П. ряз. г. 49).

Удвоенное *ле* || *лѣ* в этих примерах, вероятно, возможно сопоставить с *еле* (= наполовину). Оно имеет значение *только*, о котором известно (стр. 105 и сл.), что оно могло выступать в значении усилительного наречия в первом предложении бессоюзного условного периода.

---

[1] J. Łoś. Składnia, стр. 402—403 (T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Cramatyka języka polskiego. Kraków, 1923).

Союз *ли*

Вопросительная частица *ли*, известная также и в функции разделительного союза, выступает иногда в древнейших памятниках русского языка в качестве подчинительного союза условных предложений. Чаще, однако, перед частицей *ли* дается один из обычных в начале условного периода соединительных союзов (*и, а, но*). Примеры употребления *ли* в качестве условного союза немногочисленны: Искавше *ли* послуха и не налѣзуть, а истьца начнеть головою клепати, то тиимъ правдоу желѣзо (Р. П. 5). Начало предложения!) А самому гр҃вна за раноу ѡже лѣчебное. потьнеть *ли* на смрть то вира (6). ѡже за мало то имати ѥмоу. заидоуть *ли* сѧ коуны до того же года, то дадѧть ѥмоу коуны въ треть (11). аже кто възмѣть две рѣзе тъ то взѧти исто, пакы *ли* възметь три рѣзы. то исто ѥмоу и вьзѧти (12). А познаетъ *ли* на долзѣ оу кого коупивъ, то свое коуны възметь (Р. П. Срезн.). а нынѣ братьи поидѣта по мнѣ къ Чернигову. кто (вар. кто *ли*) имѣе҃ конь *ли* не имѣсть кто ино в лодьѣ. (вар. кто *ли* не имѣе. а в лодьи) (Л. л. 316). А черезъ то преступлю *ли* что или словомъ или ученми или дѣломъ, или бъ смущенье кому буду чимъ..., и та святая правила меня грѣшнаго и осудятъ. (Архиеп. Феодосий. 1455 г. А. и. I. 106). и азъ повелѣхъ... духовнаго отца держати а кто *ли* не почнетъ тако жити..., и мы повелѣхомъ таковыхъ отстроити (Архиеп. Симеон. 1416 г. А. и. I. 150). приказали, чтобы церкви бы божіи затворили, и отъ васъ бы пошли изъ земли вси вонъ; а не затворятъ *ли* церквей божьихъ а отъ васъ... прочь не пойдутъ... и наше смѣреніе... имѣемъ и ихъ самихъ... неблагословенныхъ (Митр. Геронтий. 1486 г. А. и. I. 142). одно говорю: не можешь *ли* явно воинствовати Христу... яко ап. Петръ и прочіи мученицы, и ты буди яко тайный ученикъ (Авв. Чел. пис. 828). Хощет *ли* кто знати строчное прописаніе, то внимайте разумно просодійное познаніе, хощет *ли* кто что в кнігахъ говоріти і читати, на точкахъ по разуму рѣчи отдыхати, хощет *ли* при вечери в домы своя отходити, мл҃тву ныне отпущаеши лѣпо возгласно проговорити (Шк. благочиние. 97). Ходят *ли* в дом, ходятъ да и носятъ, а онъ и такъ съ носомъ (Сим. посл. 204).

Союз имеет форму *а ли*, причем между *а* и *ли* может стоять глагол-сказуемое. Часть примеров не вполне ясна. Их можно принимать и за *ли* и за *али*: Аще можете поклонитисѧ до земли, *али* вы сѧ начнеть не мочи, а трижды а того не забывайте (Поуч. Влад. Мон. Л. л. 245). аще ти добро да с тѣмь, *али* ти лихое. да то ти сѣдить с҃нъ твои (То же. Л. л. 254). реч(е) б҃гъ: не имата ѥсти *али* (вар. *аще ли*) да оумрета с҃мртью (Л.л. 88). они же того не взъхотѣша; князи же Татарстіи рѣша воеводомъ великого князя: а сего *ли* не хотите озритеся назадъ (Ник. л. 25). не могль есмь к нему поѣхати. *А* дасть *ли* богъ, сыну, великый король поближаетъ в свою вотчину... и мы... (Грам. Ионы митроп. 1458 г. А. и. I. 502).

Количество примеров с союзом *и* + *ли* также незначительно: рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ *или* не поидетъ, то пороучника на пять дніи (Срезн.). *Или* (вар. *оже*) пьхнетъ моужъ моужа. Г҃. гр҃вны продаже (Срезн.). выдаите ми Онанѣю посадника, *или* не выдадите азъ вам не князь (Срезн.). оу климѧте гр҃вна оу (...)тьше гр҃вна *или* кто почнеть сѧ запирати того, тъ станетъ со мною передъ б҃мь (Дух. Зав. Новгородца Климента до 1270 г. Обн. и Бар. 41). и жена моя, оже всѣдитъ в животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, *или* поидетъ за мужъ ино ей на-

дѣлка десять рублей (Дух. Ост. ок. 1396 г. Срезн.). А будетъ у моей жены сынъ, ино моимъ дѣтямъ животъ мой . . . на полъ; *или* будетъ дчи, ино выдасть братъ Ѳедоръ по силѣ (то же). Аще права есть вѣра твоꙗ, добрѣ клятся, *или* не права и развращена судитъ богъ (εἰ δὲ . . .) (Срезн.). А кого послухъ спослушествуетъ въ бою или въ грабежѣ или въ заимѣхъ, ино дати имъ цѣлованья съ жеребья; *или* ставъ у креста дастъ отвѣтчикъ цѣловати . . . въ томъ воля . . . (Устав гр. 1555 г. А. и. I. 316). Другъ къ другу ничего не промолвитъ покамѣста за двери выдутъ, тогда . . . поздравляютъ; или праздникъ урочный, то радостно благопривѣтьствуютъ (Дв. цес. Тур. 65), но забій Тарсію, *или* а тебѣ повелю ее оубити (Р. д. 36).

Сохранено в говорах: *Или* мужик — так тетушка (зовет) а если женщина, так братенники (МЭИЯМ, с. Арханское).

Редко *ли* в соединении с *но* (*но — ли*): Положаху пред ни̑ хлѣбъ и не възмꙋше ѥго. *но ли* (вар. *оли, или*) вложити въ рꙋцѣ ѥму (Л. л. 194).

В приведенных примерах не всегда союз *ли* во втором из двух рядом стоящих предложений; есть достаточное количество случаев его употребления и в первом предложении. Но и там, где он во втором предложении соответствует союзу *аще, аже* . . . первого предложения, значение его не может (как это показывает контекст) сводиться к разделительности. Он выражает условие. В качестве условного союза выступает частица *li* и в польском.

Необходимо отметить, что союз *ли* не получил широкого распространения в письменности (ни в виде *ли*, ни в виде *или, али, ноли*). Употребление его ограничено той социальной средой, из которой вышли такие древнерусские памятники, как „Русская Правда“, „Поучение Владимира Мономаха“ и под. Мы можем определять его как союз, противопоставленный ц.-сл. аще, но противопоставленный той средой, которая имела достаточные традиции письменного языка, более или менее свободного от болгарского влияния.

Не оставив значительных следов в письменности в качестве условного союза и будучи вытеснен из этой конструкции на свою исходную позицию вопросительной частицы, союз *ли* все же оказал заметное воздействие на создание наиболее употребительных союзов: он вошел в качестве составного элемента в такие союзы, как *если* и *ежели*.

Наличие союза *ли* в письменности в значении условного союза есть, следовательно, свидетельство о пережиточном употреблении недифференцированных вопросительно-условных предложений.

Союз *ли* не мог проложить себе твердого пути в условную конструкцию именно потому, что он был частицей, показывающей вопрос, между тем как условное предложение в процессе своего оформления все дальше и дальше отходило от значения вопроса, особенно вопроса прямого. Но это значит, с другой стороны, что на первых этапах развития условные предложения были близки по значению к предложениям вопросительным.

В современных нам отношениях связь вопроса с выражением условности не представляется непосредственно очевидной, но первоначальную связь их установить нетрудно. Я. Лось,[1] раскрывая содержание союза *acz* в старопольском языке (а также союза *li*) и показывая постепенный переход значения *acz* от вопросительного к условному, говорит, что вопроси-

[1] Гл. „Składina“ в Gramatyka języka polskiego, T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Kraków, 1923, стр. 402.

тельный характер сочетания *acz* (из *a co*? = *а что*?) приобрел характер условного вследствие того, что за вопросом обычно следовал ответ самого спрашивающего, и постепенно бо́льшее значение приобретал ответ. Я. Лось указывает, что и до сих пор бессоюзное условное предложение в первой своей части сохраняет оттенок вопроса: Kupisz — to dobrze; nie kupisz — drugie dobrze. Таково же значение вопроса-условия в тексте: рѣсте: г҃и хоштеши ли и речевѣ да огнь снидетъ с небесе (Мар. ев. 239). Трудно решить дается ли здесь условие („если хочешь“) или вопрос. Так будет и при передаче его на современном языке в соответствии с нашими синтаксическими нормами: 1) „Хочешь? Мы скажем...“ и 2) „Если хочешь, то мы скажем...“

Вполне аналогичный пример перехода от значения вопроса к значению условия дает В. А. Богородицкий[1] из письма Пушкина: „Не согласитесь ли вы перевести несколько из его драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к вам его книгу“.

Вероятно, о семантической связи условного союза и вопросительной частицы может говорить и обратное явление — употребление условного союза в вопросе (обычно косвенном). Так в поздней латыни: ut dicas nobis, *si* tu es Christus, filius dei. Здесь и в греческом условный союз εἰ. В таком употреблении иногда *si* и во французском. У Вольтера: Zaire, vous m'aimez? Dieu! *si* je l'aime. Hélas.

В памятниках др.-рус. языка союз *аще* нередко заменяет собою *ли* в косвенном вопросе. Так нередко в летописи.[2] В позднейших памятниках — и в прямом вопросе. Союз *если* встречается также нередко в значении *ли* (в памятниках конца XVII — начала XVIII в.)

Есть редкие случаи употребления и союза *ежели* в значении вопросительной частицы. Но они отмечены мною лишь в языке иностранца Огильви (Птр. IV. 600 и др.).

В сербском языке обычным союзом условного предложения является *ако*. Но и он является иногда показателем вопросительного характера предложения: Pita ih, *ako* ka zna za stakleni breg. Pita ga, *ako* bi ju mogal osloboditi. Ziganin zapita domaćina, ako ima što god spravno, da mu iznese.[3]

В последнем примере условный характер предложение вопросительное приобретает лишь потому, что за ним следует еще предложение в качестве ответа-вывода.

Ближайшая связь в значении вопроса и условия видна и в случаях употребления иных вопросительных частиц. Так, укр. *чи*, относительно которого могут высказываться предположения о генетической связи его с союзом *аще* — *аче*, выступает в славянских языках то как вопросительная частица, то как условный, то как разделительный союз. Бернекер[4] указывает, что др.-рус. *чи* — в значении условного союза, *ци* — в значении вопросительной частицы, в укр. — вопросительный и разделительный характер, в словинском — вопросительная частица и условный союз.[5]

И в иной форме (*или*), и с другим значением (разделительность) союз *ли* имел непосредственное отношение к условной конструкции,

---

[1] Общий курс русской грамматики. Соцэкгиз, 1935, стр. 234.

[2] Примеры см. на стр. 54.

[3] Zima, Luka. Nekoje većinom sintaktične razlike između čakavštine i štokavštine. Zagreb, 1887, стр. 128.

[4] Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 155.

[5] Укажем здесь, что объяснение Бернекера частицы *ći* из корня **qui* дает отрицательный ответ на вопрос о связи его с *аще*.

когда соединял два предложения или члена предложения, как совершенно равные, неотличимые в отношении к следующему за ним выводу. Здесь создавалась даже связь не с условным, а с уступительным предложением. Но уступительные во многих случаях неотличимы от условных. Польское „będę *li* żiw, estli umrę, nie oddalaj miłoserdzija swego" (пример взят из работы Я. Лося) дает это значение *ли*, стоящее на грани вопроса, разделительности и условно-уступительного.

В др.-рус. языке союз *ли* также стоит иногда на грани с уступительным: А иже преступить се ѿ страны нашеѧ *ли* кнѧзь, *ли* (вар. *или*) инъ кто, *ли* крщенъ, да не имуть помощи ѿ бга (Договор Игоря 945 г. Л. л. 53).

Разделительное *ли* здесь изменяет относительное подчинение (иже...), сообщая ему значение условности, но сама частица *ли* в аналогичных предложениях легко может заменяться уступительным союзом *хотя*. Встречаем поэтому иногда и вполне точное значение *хотя* (даже „хотя бы") частицы *ли*: Поишти *ли* єдиного чвка боѣштасѧ бга (Срезн.).

В значительно более поздних текстах изредка встречаем такое двухстороннее действие *ли* (*или*), выступающего одновременно в значении разделительном и условном: Хорошо бъ *іли* ты отписалъ Ѳъламингу, *іли* нарочного человѣка там держать (Птр. I. 338).

Разграничить вполне употребление *ли* (*или*) в разделительном значении от употребления его в вопросе вообще трудно, так как разделительные нередко входят в состав вопроса по типу: кто болеи есть, злато *ли*, *ли* црькы (Мар. ев. 84).

Вондрак[1] даже выделяет в вопросительном предложении особые разделительные вопросы для членов предложения и разделительные вопросы для предложения. Формальная связь вопроса и разделительности в др.-ц.-сл. языка совершенно очевидна из приводимых им примеров. Она, между прочим, отражается и в смешанном употреблении вопросительной частицы *ли* и разделительного союза *или*. В древнейших памятниках, как это показывает Вондрак,[2] в разделительном значении почти исключительно употребляется *ли*, а союз *или* — только в более поздних памятниках.

Разделительное *ли* известно и в говорах: петух *ли* петун — (т. е все равно, как назвать), сено мечут в стог *ли* в одонье (МЭИЯМ, д. Клин).

Редкие примеры обратного употребления разделительного *или* в качестве вопросительной частицы также могут говорить о взаимодействии этих союзов: бы оубо ѕкрашенье ем чюдно з(ело) акоже не бы ѕ прежъ бывшихъ ешѣхъ а по немъ бгъ вѣ(сть) *или* будетъ (= будетъ ли Л. л. 458).

О близости разделительных союзов к условным говорит употребление условного (и уступительного) союза *аще* в качестве разделительного, напр.: *Почерпайте* здравие *аще ли* телесемъ своимъ, *аще* ли душамъ своимъ (Нкт. Н. 57).

Этот свободный переход частицы *ли* на положение союза разделительного, а также и союза условного должен говорить о первоначальной близости, недифференцированности (смысловой и формальной) вопроса, разделительности и условия.

Не случайно, поэтому, частица *ли* входит как составной элемент в условные союзы в большинстве славянских языков: рус. *оже ли* (не

---

[1] Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 36—37.

[2] Ibid., стр. 43.

слившееся окончательно), *ежели* и *если*; пол. *ieżeli*, *jeśli*; слов. *jeli* (= в самом деле?); чеш. *jest-li-že*; н. луж. *ježli*.

Сопоставление союза *ли* с союзами *буде*, *если*, с одной стороны, и союзами *аще*, *хотя* — с другой, делает вполне возможным предположение о глагольном происхождении его, т. е. мы можем считать, что *ли* — бывшее сказуемое (вероятно, глагол) первого предложения, превратившегося в подчиненное предложение, причем это сказуемое имело семантику мало выразительную, но все же такую, которая сближала его с глаголами типа „желать, хотеть".

Такое предварительное определение материальной базы союза *ли* почти не расходится с традиционной этимологией *ли*, хотя эта этимология и не выражена так четко и категорически, как в отношении многих других слов.[1]

Бругман[2] считает, что частица *ли* < *ǫloi* или *ǫli*, к корню * *vel* 'желать', 'хотеть'. Вальде,[3] относя латинский союз *vel* к глаголу *volo* и сопоставляя умбрское *heri* (*heris*) *horior*, считает наиболее приемлемой для объяснения лат. *vel* форму 2-го л. ед. ч. глагола *velis*.

Лат. союз *vel* близок, таким образом, к слав. *ли* не только по значению и конструктивно, но также и фонетически. Вернее, однако, было бы исходить для него из формы 3-го л. ед. ч. глагола, так как некоторые союзы условного предложения (*будет*, *если*) говорят именно об этой форме. Что же касается корня лат. *vel-*: *vol-*, то он представлен в русском (и других славянских) длинным рядом близких по значению глаголов: *волить* (*изволить*, *позволить*, *поволить* и др.), а также глаголами *велѣть* и *довлѣть*. Гласный корня — на ступени редукции, ударение на долгом ī основы (по типу *мънѣти*). Относительно значения нужно сказать, что, напр., глагол *велѣть*, повидимому, очень поздно приобретает современную нам, достаточно яркую семантику, равную *приказывать*. Говоры, а также памятники др.-рус. языка дают значение *велѣть*, близкое к *разрѣшать*, *позволять*. Первоначально этот глагол должен был стоять по значению еще дальше от глагола *приказать* (который, кстати сказать, тоже не имел, если судить по показаниям говоров, такой семантики и приближался к *позволить*) и через посредствующие *позволить*, *изволить* мог приближаться к *волить* (= *хотеть*).[4] Отсутствие окончания *ть* — довольно обычное явление в памятниках русского языка. Так, в Двинских грамотах XIV—XV вв. форма 3-го л. ед. ч. без *ть* встречается не только от глаголов I спряжения, но и от глаголов II спряжения, но при этом они употребляются только в условных предложениях: а хто сей рядъ поруши...

Соболевский[5] приводит из Добрилова евангелия 1164 г. глаголы „приходи..., достои..." и считает для др.-рус. языка формы без *ть* обычными в галицко-волынских памятниках.[6]

---

[1] Ср., напр.: Berneker, E. Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 716.

[2] K. Brugmann. Kurze Vergleichende Grammatik, стр. 611.

[3] A. Walde. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906. — Почти то же в „Dictionnaire étymologique de la langue latine" A. Meillet et A. Ernout (Paris, 1932): „*vel* est de la famille *volo*; mais la forme fait quelque difficulté". Здесь и сопоставление с оскским *heri-heris*.

[4] Сравни один и тот же почти текст песни в разных редакциях: „*хочешь* — да ты корми пой меня... А не *хочешь* кормить выпусти на волюшку" (Соб. Песни. VI. 277) и „*прикажи* меня поить кормить. Не *прикажешь* ты поить кормить — прикажи на волю выпустить" (Киреев. IX. 130).

[5] Лекции... стр. 249.

[6] Отметим в этой связи одно, вероятно, не случайное совпадение в форме глаголов, на основе которых создаются условные союзы. Я имею в виду не вполне определен-

Мы можем видеть, следовательно, в союзе *ли* бывший глагол типа *велѣть-волить* в форме 3-го л. (*велить-волить*). В паратактическом соединении он мог бы иметь значение *хочет?* (=если хочет) и тогда он соответствовал бы глаголу-сказуемому в таких условных периодах, как: а хочеть — отцѣлуется, что онъ не виноватъ, *или* (где *или=и хочет, если хочет*) у креста положитъ что на немъ ищутъ (Судебн. 1497 г. А. и. I. 155).

Следы переходного состояния от глагола *волить — велѣть* к союзу *ли* можно обнаружить в широко распространенном в древнейших памятниках сербского языка и нередко встречавшемся в др.-рус. союзе *волѣ — воле*. Основное значение его — разделительные и вопросительные предложения, но он близок и к союзу уступительных (примеры см. на стр. 60). Несомненно фонетическая общность *воля* и *волить*, параллелизм конструктивной роли *воля* и *ли*, близость их значения, освещаемая и показаниями латинских соответствий (*vel* — союз; *volo* — глагол) — все это, кажется, делает достаточно убедительным общепринятое понимание связи *ли* с глаголами типа *велѣть*.

Бернекер отвергает[1] (не вполне, впрочем, решительно) сопоставление *ли* с латышской частицей *lai* лит. диал. *lai*[2] и отвергает на основании несходства значений (латышское *lai* — в желательном наклонении). Не принимая в качестве окончательного сопоставление Бругмана *vel — ли*, Бернекер предполагает связь с местоименной основой *-l-* (в *olni* и др.), но высказывает это предположение также весьма осторожно. Нам это сопоставление может представляться только формальным.

Потебня[3] отмечает сращение *ли* с наречием *паки* и говорит, что „в ст. рус. *пакы ли* в силу частицы *ли* получает условно-противительное значение: любо дай Изяславу, чего ти хочеть, *пакы ли* (=если не дашь) а поиди полкы своими ко мнѣ. Ипат. л. 45“.

Едва ли здесь следует придавать большое значение частице *ли*. Она выступает здесь в качестве разделительного союза, следовательно, вполне безразличного к соединяемым им членам. Значение противоположности достигается, конечно, наречием *паки*, которое может значить не только *опять*, но и *наоборот*. Сравним с этим распространенное до революции в солдатской среде наречие *обратно* в значении *снова, опять*.

Могут быть возражения против вполне категорического признания происхождения союзов из глаголов, между прочим из тех соображений, что глагол — поздно развившаяся категория.[4] Наше понимание связи глагола с союзом, следовательно, должно быть уточнено. Но

ное прикрепление их к тому или иному типу спряжения. Глагол *хотѣть* (союз *аще*) в современном литературном языке имеет, как известно, ед. ч. по 1-му, а множ. ч. — по 2-му спряжению. То же в отношении *довольѣть*, который имеет формы отчасти по схеме III класса... отчасти же по схеме IV класса (Кульбакин. Древнецерковнославянский язык. Харьков, 1917, 221). Тем более глагол *быть*, изменяющийся по нетематическому спряжению.

[1] Slavisches Etymolgisches Wörterbuch, стр. 716.

[2] Это сопоставление выдвигал Потебня (Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 227). Но при отсутствии прямого фонетического соответствия *ли* латыш. *lai* семантический параллелизм между ними очевиден. K. Mühlenbach (Lettisch-Deutsches Wörterbuch. Riga, 1926, стр. 400—401) определяет *lai* как „verkürzter Imperativ von *laist* — lassen“ и указывает несокращенную форму его *laid* — lass das... Иные его значения: *mag, mōge* (zur Bezeichnung eines Wunsches) и *wohl*.

[3] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 491.

[4] Н. Я. Марр (Чуваши-яфетиды на Волге: Избранные работы, т. V, Л., 1935, стр. 335—336) говорит: „Глаголов вначале не было, как самостоятельной части речи. Каждое имя становилось глаголом лишь во фразе...“

прежде всего относительно глагола нужно сказать, что его окончательное оформление в качестве особой морфологической категории есть, конечно, явление значительно более раннее сравнительно с поздно создавшимися союзами, которые дают иногда даже впечатление (подобно некоторым наречиям и предлогам) развившихся в эпохи, непосредственно предшествовавшие появлению письменности. Предположить, что союзы *аще, ли* и др. не есть результат преобразования глагола, а недоразвившиеся глаголы, можно лишь с значительными оговорками. Анализ союзов *буде, если* показывает, что первоначальная их роль — роль одного из элементов составного сказуемого в том предложении, которое потом становится подчиненным. Такова же, вероятно, первоначальная функция и союза *аще, ли, хотя*. В наших формулировках должна учитываться эта первоначальная роль будущих союзов, т. е. мы можем сказать, что целый ряд подчинительных союзов условного предложения создался на основе тех слов в подчиненном предложении, которые имели там непосредственное отношение к выражению сказуемого. Что на первых стадиях развития простого предложения сказуемое не было непременно глаголом — это естественно. Следовательно, мы можем признать, что слово с определенной семантикой, игравшее роль одного из организующих центров в предложении, послужило основой для создания в дальнейшем, с одной стороны, четко оформленного глагольного сказуемого, с другой стороны — специального формального показателя подчиненности.[1]

Союз *аже* (*ажь*)

Союз *аже* знают сравнительно немногие памятники др.-рус. языка. Часто он встречается в „Русской Правде“ (больше 25 примеров), реже — в „Слове о полку Игореве“ (3 примера). Единичны примеры его употребления в Псковской судной грамоте, в Северных грамотах, в летописи (по Лаврентьевскому списку). Можно указать более поздние случаи употребления в „Розыскных делах“ 1517 и 1521 гг. (А. и. I. 178. 190). Особо нужно отметить для конца XIV — начала XV в. употребление союза *аже* в письмах-посланиях нескольких авторов, принадлежащих к составу высшего духовенства: митр. Алексей (2-я половина XIV в.), митр. Киприан (конец XIV в.), митр. Фотий (начало XV в.). Из авторов — духовных лиц — может быть упомянут также писатель XII—XIII в. — Есиф.

В более поздних памятниках (XVII в.) союз *аже* лишь очень редко встречается у Аввакума, еще реже в „Римских деяниях“ (уже в форме *ажьбы*). В „Уставе ратных дел“ — в соединении с *будет*. Этот узкий круг памятников, знающих *аже*, довольно однообразен на первых порах: в большинстве — это документы княжеской канцелярии („Русская Правда“, „Псковская судная грамота“, „Грамота Рижан 1284 г.“, „Договор Казимира Литовского с Новгородцами“ и под.). Известен союз и той близкой к князю среде, в которой создавался дружинный эпос. Повидимому, отсюда он изредка проникает в летопись (видим его, напр., кроме Лаврентьевской летописи, также в Новгородской по Синодальному списку, л. 299). Но в низовых частных актах примеры его употребления

[1] Повидимому, не может быть категорически отрицаема возможность перехода и четко оформленного глагола на положение союза. Так, Н. Я. Марр (Кавказоведение и абхазский язык. Избранные работы, т. I, Л., 1933, стр. 62) указывает, что „и в русском ряд союзов и наречий — глагольного происхождения, напр. слова *хотя, почти*, и эти русские слова, также совершенно утратили глагольное значение“.

случайны. Сравнительно широкое употребление его в языке правящих лиц из духовенства в XIV—XV вв., повидимому — результат непосредственного воздействия на них языка светской власти.

Обычно употребление *аже* вполне последовательное: условное значение его совершенно ясно, между прочим, и потому, что он чередуется все время с более употребительными союзами условных предложений (*аще* и *аче, оже*, а в дальнейшем — с *буде*). Напр.: Правда руськаꙗ а|жь оубьѥть моужь моужа. то мьстити братоу брата (Р. П. 2). А се оже холопъ оударить. *Аже* холопъ оударить свободна моужа... а оубѣжить. то платить зань... аче кдѣ налѣзеть оудареныи тъ своѥго истьча... то (19). *Аже бы* ты былъ, то была бы чага по ногатѣ а кощьй по рѣзани (Сл. о. п. Иг. 82. Здесь *аже* чередуется с *аще*). В „Псковской судной грамоте“ уже и в чередовании с *будет*: А попы судить... намѣстнику владычню *аже* попъ или діаконъ или противу черньца или черницы жъ а будетъ обаи не простые люди церковные, ино не судить князь (Пск. с. гр. 24). В Летописи: *Аже* переступишь хрсьное цѣлованье то есть льжѣе неже пролꙗти кровь (Л. л. 297). *Аже* (вар. *аще*) кто помолиться въ цр҃кви сеи, то оуслыши мл҃тву ѥго (124).

В послании митр. Алексея 1360 г. (А. и. 1. 4): *Аже* исполните, какъ то пишю къ вамъ.... а грамоты послушаете.... и милость божія... будетъ съ вами.

Чередование и с *аще* и с *буде* у Аввакума: *Аже* (вар. *аще*) кто великъ умреть, о таковомъ разсудить *буде* и по новому крещенъ а передъ смертью каялся... таковаго принимать, *аще* ли такъ умре. и онъ часть волчья (Авв. Чел. пис. 851).

На ряду с таким употреблением союза *аже* в условных предложениях, встречаем несколько случаев употребления его в повествовательных (изъяснительных) предложениях в соответствии с современным *что*: сами вѣдать. *аже* х҃ъ всѣмъ равно надежю сп҃ние даровалъ (Есиф. 63).

Возможно, впрочем, что здесь *аже* — орфографический болгаризм — вместо *ꙗже*, которое могло иногда являться на месте обычного союза *еже* в относительном подчинении.

Иного характера следующие случаи *аже* (и даже *ажь*): правъ ꙗзъ. *аже* есмъ тако ѵчинилъ, то бо суᵀ мои ворози (Л. л. 482). Что есмь слышалъ *ажь* въ Пьсковѣ міряне судятъ поповъ... ино то есть кромѣ х҃рестьянского закона... Что есмь слышалъ. *ажь* владыка Денисей списалъ грамоту... (Митр. Киприан. 1395 г. А. и. I. 18). В не вполне определенном значении *чтобы* или *быть может* употребляется *аже* у Аввакума: Подождать воли господни, *аже* умилосердится о насъ бѣдныхъ (Авв. толк. 468). У него же в более четком значении „чтобы“, но в соединении с союзом *да* в виде *даже*: и не опечали бога и брата своего. *даже* проказа не взыдетъ на чело твое (Авв. Бес. 403, несколько раз). И в качестве соединительного союза, равного союзу *и* или *да*, встречаем иногда союз *аже*, который Л. А. Булаховский[1] считает диалектным. У него приведены примеры такого типа: И на завтрее сошлися в Иконном ряду, *аже* у него приговорен ехати же черенец Михайло (Пам. смутн. врем.).

Имеем возможность наблюдать, как недостаточно прочная традиция употребления *аже* разрушается включением в условную конструкцию с *аже* иных, более привычных в речи условных союзов *буде, коли*, иногда присоединением усилительного наречия *только* или применением

---

[1] Исторический комментарий к литературному русскому языку. Харьков — Киев, 1936, стр. 237.

союзов иных сложноподчиненных предложений, напр. *что*. Такое присоединение к *аже* иных союзов, вероятно, вызывается стремлением усилить выразительность условного периода, вследствие недостаточной семантической определенности союза *аже*. Вытеснение союза *аже* проходит именно такую стадию совместного существования этого союза с иными союзами: въпросили: *аже коли* діаконъ не пригодится а надобѣ многимъ попомъ пѣти вмѣстѣ, чтобы отъ поповъ которому молодшему діаконовати? (митр. Киприан. 1395 г. А. и. I. 20). А татемъ и душегубцемъ при смерти дати причастіе. но *аже что* каются вся своя согрѣшенія повѣдаютъ, а некающемусь какъ ему причастіе дати? (митр. Киприан. 1395 г. А. и. I. 20). У него же часто *ажь будеть* (см., напр., стр. 19). Есть даже объединение этих усиливающих союзов при *аже*: и язъ, чаю, его допытаюся.... и его князя поотвѣдаю накрѣпко. *толко будетъ ажъ* не убитъ (Розыск. дело, 1521 г. А. и. I. 90).

В традиционно неизменной формуле грамот „и *ажь будетъ* то такъ, ино тому... не надобѣ дань великого князя" (Сев. грам. 163) союз *ажъ* выступает вместо постоянно употребляющегося здесь (до конца XVII в.) союза *оже* (*ожь*). В таких формулах, вероятно, очень слабо ощущался их условный характер. То же и в застывшей формуле писем и деловых бумаг: а какъ *аже* дастъ богъ, слуга нашь будеть у насъ, и мы тебя... (Дело кн. Шемякина. 1517 г. А. и. I. 178).

Что условный союз *аже* так же точно, как и соединительный *аже*, составился из союза *а* и усилительной частицы *же*, в этом едва ли можно сомневаться. Но союз *а* обычен в первом предложении сложноподчиненных предложений различных типов, где он выступает в качестве соединительного союза. Мы могли бы рассматривать предложения с *аже* и как только что разрушенный паратаксис, где в союзе *аже* утрачено первоначальное значение составляющих его *а* и *же*.

Генетически союз *аже* представляет собою иную (сравнительно с обычной) линию развития условных союзов — создание подчинительного союза на основе сочинительного. Вполне параллельного этому явлению в области создания условных подчинительных союзов мы не знаем. Что создание такого союза не было осуществлено в полной мере; это может объясняться, вероятно, отсутствием в составляющих союз частях специальной, свойственной условным союзам семантики. Действительно, как союз *а*, так и *же* представляются более или менее нейтральными показателями соединения (в союзе *а* даже наличие противительного значения, которое никак, повидимому, не могло связываться с значением условия).

Употребление союза *аже* пережиточно отражает одну из очень ранних эпох в создании союзов условных предложений, когда отношения сочинения и подчинения только что начинали обособляться одно от другого.

Хотя союз *аже* и сохранился в остатках в современных говорах деревни, это не может служить свидетельством его широкого распространения в далеком прошлом, так как в говорах он дает значение, собственно, не условно-уступительного союза, а усилительной частицы. Даль[1] приводит *аж* (пенз. тамб. твер.) = *хоть бы, хотя бы, если бы*: „*Ажбы* один нашелся". Но ясно, что условно-уступительное значение *ажбы* достигается присоединением *бы* — показателя условного наклонения. Частица *бы* и самостоятельно выступает иногда в значении показателя условной связи предложений (см. об этом стр. 14).

[1] Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1863—1867.

Союз *оже*

Употребительный в др.-рус. языке в памятниках, свободных от влияния церковно-религиозной литературы, союз *оже* сравнительно недолго держится в письменности и даже в тех памятниках, в которых встречается часто, никогда не занимает первенствующего положения среди иных условных союзов.

Мы встречаем его в „Русской Правде“ в „Псковской судной грамоте“, „Судебнике 1497 г.“. Сравнительно редко он в летописи, еще реже в языке духовенства (напр., в посланиях митрополитов московских XV—XVI вв. — лишь единичные примеры его). В средине XVII в. он уже встречается, повидимому, только в застывших формулах делового языка (формулы грамот).

Там, где мы встречаем его, особенно в древнейших памятниках, за ним закреплено четкое условное значение. Сравнительно редко употребление *оже* без соотносительного союза в главном предложении. Это не только в заглавиях статей (напр. в „Русской Правде“), где главного предложения нет совсем: *оже* станеть без вины на разбой (Р. П. 3. Конец фразы в заглавии), но и в связном тексте: *ѡже* ли буду^т Берендичи и Торци. реку брату своему (Л. л. 266), а оже дастъ богъ, впередъ тебя своего богомольца и отчину нашу... хотимъ жаловати (Ник. л. 186).

Обычно же в главном предложении соотносительные союзы *и*, *а*, *да*, и местоимение *то*: *ѡже* бѣжать к вамъ Половци. *и* вы беите а товаръ емлите себѣ (Л. л. 505). рекоша. *ѡже* к на҃ не пуститъ Ѡлговичь Ст҃ополка, *а* мы Ѡлговича не хоче҃ (309). ре҃ строкви своєму. *оже* ѿдаешь подо мною Переꙗславль *да* не будеть мнѣ Переꙗславлѧ ни тобѣ Кыева (343).

Местоимение *то*, *тъ* встречается чаще других соотносительных союзов: А *оже* съвержетъ виру *тъ* гр҃вна коунъ (Р. П. 5). *оже* выбьють зоубъ а кръвь оувидѧть... *то* ві҃ гр҃внъ (Р. П. 13).

Ирреально-условные, а также предложения, выражающие пожелание в форме условного, даны с союзом *оже бы*, где *бы* — показатель условного наклонения, но он дается часто и в изменяемой форме аориста: ре҃ *ѡже бы* пришелъ са҃ толико з дѣтми. то котораꙗ бы єму волость люба, ту же бы взѧлъ (Л. л. 321). Бра҃ꙗ что тако дѣлаете. не дивно *ѡже* ны *быша* погании воєвали а се нонѣ хочете братью свою убити (401). *ѡже бы* по моему гаданію. лꙋче бы миръ сътворити (495).

Крайне редко союз *оже* выступает как подчинительный союз уступительного предложения: Гл҃ѧ брате. *ѡже* (вар. *аже*) тѧ привели старѣишаꙗ дружина. а поѣди Ростову (Л. л. 380).

Редки случаи, когда союз *оже* является разделительным союзом, равным союзу *или* и употребляющимся на ряду с *или* или *либо*: вирнику взѧти з҃ ведеръ солодоу на не҃лю *оже* ѡвьнъ *любо* полоть или в҃ ногатѣ а въ сре҃ коун. а *оже* сыръ а въ пѧтничю такоже (Р. П. 4).

Уже в первых памятниках, которые знают союз *оже*, он нередко встречается в объединении с глаголом *будет*, выступающим здесь в качестве вспомогательного глагола в futurum exactum.

Так как глагольная форма futurum exactum является обычно в условном периоде (в первом предложении), то ее формальный показатель — глагол *будет* — постепенно становится основным показателем условности. Одновременно с этим роль специальных подчинительных союзов в таких предложениях ослабевает. Союзом становится *будет*, а старый

союз держится еще некоторое время по традиции, затем выпадает из конструкции.

В предложениях с *оже* эти моменты представлены достаточно полно, но нередко трудно бывает определить, в каком именно случае глагол *будет* становится уже союзом, так как и после завершения этого процесса перестройки глагола в союз нередко возможно бывает согласование (точнее — совпадение) *будет* в лице и числе с глаголом-сказуемым. Напр.: Заплатити... свою часть нъ *ѡже боудеть* оубилъ или въ свадѣ или в пироу ꙗвлено тъ тако ѥмоу платити по врьви (Р. П. 3). и нынѣ гд҃а ѡц҃и и браꙗ *ѡже* сѧ гдѣ *буду* ѡписалъ или переписалъ или не дописалъ чтите исправливаꙗ бг҃а дѣлѧ а не клените (Л. л. 488, 1377 г.).

В следующих, более поздних примерах союз *оже* — только по традиции. Союзом условного в них уже является *будет*, вполне равный союзу *если* и замещаемый нередко специально союзной формой глагола — *буде* (без *ть*): И *оже будетъ* такъ какъ мнѣ Николской игуменъ Ефремъ билъ челомъ и сказывалъ, что въ тѣхъ мѣстѣхъ... пашенъ нѣтъ... и язъ.. пожаловалъ (Жалов. грам. 1545 г. А. и. I. 209). Эта формула „И *ожъ будетъ такъ*, какъ намъ Ондрѣй Травинъ да Родивонъ Елагинъ били челомъ,... и мы ихъ х тебѣ“ и т. д. — является постоянной и долго держится даже тогда, когда во всех иных положениях союз *оже* уже замещен другими союзами, преимущественно союзом *буде*.[1]

Как и в отношении других условных союзов, должно быть отмечено объединение *оже* с *ли*. Мы встречаем *оже ли* закономерно во втором из двух рядом стоящих условных периодов, представляющих альтернативные положения: А *оже* оубьють кого оу клѣти или оу которои татьбы то оубьють въ пса мѣсто. *Оже ли* и додьржать свѣта. то вести и на кнѧжь дворъ (Р. П. 9).

Есть, однако, пример употребления *оже ли* и в первом предложении: *ѡже ли* кто вас не хочеть добра ни мира х҃ꙗнѡ҃ а не боуди ему ѿ бг҃а мира (Поуч. Влад. Мон. Л. л. 255). Если не отводить этого примера как единичного и не предполагать здесь порчи текста, то можно бы было видеть в нем свидетельство намечавшегося (но не проведенного до конца) объединения *оже* с частицей *ли* вполне по типу союза *ежели*. Иное значение имеет *оже ли* в Л. л. 324: „что твориши княже, изѣди прочь. *ѡже ли* добудем сорома“, где *оже-ли* = „а если не так, то...“ Это один из довольно обычных при союзе *аще* способов выражения отрицательного условного предложения. Явился он, вероятно, под влиянием оборотов с *аще ли* и построен по его образцу. Объяснение этого явления см. на стр. 64.

Я не привожу примеров употребления союза *оже* в повествовательно-изъяснительных предложениях (в значении современного нам *что*). В таком употреблении союз *оже* нередко встречается в памятниках др.-рус. языка. Так, Е. С. Истрина[2] приводит из Новгородской летописи по Синодальному списку ряд примеров на такое употребление *оже*. Встречаем его часто в летописи по Лаврентьевскому списку. В качестве союза в относительном подчинении встречаем *оже* в Изборнике 1076 г.: *оже* ти собѣ не любо, того и другу не твори.

---

[1] См., напр.: Арзамасские акты. Чтения ОИДР, 1916, кн. 1, стр. 588, 589 и сл., 636 и др. в грамотах 1592, 1593, 1595 гг. и следующих лет, причем грамоты писаны разными дьяками.

[2] Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, Известия ОРЯС Академии Наук, тт. XXIV—XXVI, Пгр., 1923, отд. отт., стр. 188.

По своему происхождению союз *оже* признается окаменевшим вин. п. ед. ч. местоимения *и-же*, *ꙗ-же*, *ѥже*,[1] причем русское *о* соответствует южнославянскому *je* так же, как в словах озеро || езеро и под. Если это так, то отправной точкой развития условного значения в союзе *оже* послужило употребление его в качестве союза в относительном подчинении, а также в повествовательно-изъяснительных предложениях (в значениях: 1) который, 2) что).

Известно вообще, что союзы, связанные по происхождению с вопросительно-относительными местоимениями и выступающие в качестве относительных союзов и союзов, присоединяющих предложения к сказуемым-глаголам dicendi и sentiendi, становятся, на определенной стадии развития, универсальными союзами подчинения. Таковы, напр., союзы 1) *что* и 2) *ꙗко* в др.-рус. письменности.

Так, Е. С. Истрина[2] отмечает, что подчинение предложений с помощью союза *ꙗко* является наиболее распространенным в Синод. сп. I Новг. летописи. Относительно подчинения местоимением *что* Е. С. Истрина говорит, что оно „явно отражает живую русскую речь". Правда, в этом распространении союзы *ꙗко* и *что* не задевают, или почти не задевают условных конструкций. В самом деле, тогда как *ꙗко* может выступать в качестве подчинительного союза (кроме повествовательно-изъяснительных предложений) в предложениях временных, причинных, сравнительных, мы не можем указать ни одного примера, где бы употреблен был союз *ꙗко* в условном предложении. Ничтожно количество случаев употребления и относительного местоимения *что* в условном значении (см. об этом в сл. разделе).

Но немногим более широко в сравнении с *что* и употребление условного *оже*.

Союз *еже(ли)*

Выделение условных предложений, так же, как и иных предложений, со стороны формальной выражается в закреплении за данным типом предложений специальных союзов, которые постепенно становятся свойственными только данному типу предложений, между тем как на предыдущей стадии характерно было смешанное употребление союзов. По разрозненным остаткам такого или иного употребления отдельных союзов мы могли бы воссоздать сложную историю взаимодействия, борьбы и вытеснения данного союза из всех возможных для него позиций на какую-нибудь одну из них, где он и закрепляется в качестве специального союза данного вида предложений. Процесс этого размежевания всего ярче, быть может, заметен на союзах в относительном подчинении.

Некоторые местоимения, ставшие союзами, прошли стадию существования в качестве подчинительных союзов вообще.

В процессе дифференциации видов придаточных предложений они особенно сузили круг своего применения и, закрепившись на одной позиции, утратили прежнюю широту и неопределенность своей семантики, получив постепенно, в связи с новой, более определенной функцией, и сравнительно узкую, но определенную семантику.

---

[1] Преображенский. Этимологический словарь русского языка... стр. 261. — E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 416.

[2] Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, стр. 188.

Возможны различные формы закрепления за данным союзом определенной функции: или союз в неизменном своем виде становится союзом данного типа предложений, или он объединяется с особой частицей. Первый случай мы имеем в союзном местоимении *что*, закрепившемся ныне в предложениях повествовательно-изъяснительных, тогда как в др.-рус. языке он выступал в целом ряде иных сложных предложений до предложений условных включительно (последнее, однако, очень редко). Второй путь иллюстрируется судьбой *чтобы* (*что* и *бы*) и союза *ежели* (*еже* и *ли*).

Примеры употребления *что* и *чтобы* в условном предложении немногочисленны, но представлены уже „Псковской судной грамотой", отражающей, повидимому, деловой язык правящих верхов: А *што бы* сынъ отца оубилъ или братъ брата, іно князю продажа (Пск. с. гр. 21). А *штобы* и по соудоу или оу креста поставить своего исца оу кого коупилъ, ино судъ съ тѣмъ человѣкомъ, кто искалъ (13).

То же у Пересветова: *Чтобы* к той истинной вѣрѣ христіянской да правда турецкая, іно бы с нами ангели бесѣдовали. А к той *бы* правдѣ турецкой да вѣра христіянская, іно бы с ними ангели же бесѣдовали (Пересв. 78).

Наличие частицы *бы* как обычного показателя условного наклонения давало уже и бессоюзной конструкции значение условия. Включение *что* показывает переход к союзному подчинению.

Позднее (XVII в.) и в предложениях, представляющих переходный вид от условных к причинным, находим союз *что*: И вамъ како иныхъ людей святити или крестити, *что* сами вы ни от кого не освящены? (Прен. 303).

Конечно, более обычными в предложениях, выражающих такие логические связи, являются союзы условного предложения (в современном языке — *если* и *раз* ...).

На грани с относительным подчинением стоит употребление такого *что* и в следующем примере: Какой то будетъ богъ, *что* душу свою отъ разбойниковъ отнять не могъ? (Авв. Чел. пис. 852). Здесь возможно было бы и *который* и условно-причинный союз (наше *раз*), но обычно и такие предложения имеют условный союз.[1] Што мнѣ и свой коли лихъ до меня. Што мнѣ и чужие что добры до меня (Сим. посл. 202).

Несмотря на то, что примеры употребления *что* в условных предложениях единичны, традиция такого употребления была непрерывной. Изредка следы этого смешанного употребления можно наблюдать и в наши дни.[2]

Значительно шире был распространен в др.-рус. письменности другой союз относительного подчинения, союз *еже*.

Реже встречался параллельный ему (фонетически и семантически) союз *оже*.

Уже в „Русской Правде" оба эти союза употребляются в значении союзов условного предложения, причем союз *еже* здесь еще значительно реже, чем *оже*: А ѥже жена въречется сѣдѣти по моужи а ростерѧеть

---

[1] Параллельные примеры приводит Ф. Е. Корш (Способы относительного подчинения. М., 1877, стр. 27) из украинского языка: Прыбудь, прыбудь мый мыленькый з далекого края. Як же мене побиваты, *що* (= когда, если) яры глыбоко, як же мени прыбуваты, *що* то краи далеки.

[2] Так, напр.: „...очевидно, автор мало наблюдал фабричных и заводских Марусь, что допустил такую легкость переделки ее" (К. Алтайский. Две повести. Литературная учеба, 1933, № 6/7, стр. 93).

добытокъ, и поидеть замоужь, то платити ѥи вьсе (15). ...погоубить воискы и конь то не платіти ѥмоу, нъ ѥже далъ ѥмоу г҃нъ плоугъ и бороноу... тъ то погоубивши ѥмоу платити. ѥже ли г҃нъ ѿслеть ѥго на своѥ ороудьѥ а погыньеть безъ него то ѥмоу не платити (18). В „вопросах“ Кирика: ѥже малымъ | дѣтямъ ... то нѣту бѣды.

Ирреальные условные даются с частицей *бы*: оуне бы было, *еже бы* (Срезн.). възвыше есть, якоже можеть 4-жды съ нея стрѣлити а *еже* горѣ на ню, то ни осмижды не можетъ (Срезн.). Еже буду в чемъ описахся или преступихъ.[1]

Примеры с *еже* в качестве союза условных предложений немногочисленны, причем нужно заметить, что на ряду с *еже* во всех почти памятниках, знающих его, — гораздо более широкое употребление иных союзов условного предложения. Так у митр. Макария (1552 г.), где дано и чередование *еже* с *аще*: А *еже*, благочестивый царю, въ ополченіи... на супостатъ вашихъ, аще случится кому... на той брани до крови пострадати..., и тѣ... очистятъ прежніе свои грѣхи... и въ будущемъ вѣцѣ сугубы мзды воспріимутъ за пролитіе своея крови. А *еже* случится кому нынѣ... и до смерти пострадати... тіи второе мученическое крещеніе воспріимутъ (А. и. I. 292). Міра держимся, еже бо видимъ у мірскихъ что дивно, тогда всею силою подвизаемся, дабы и у насъ то же было (Посл. Ивана IV в К.-Б. м-рь. А. и. I. 387).

Такое подчинение посредством союза *еже* у Ивана IV исключительно редко. Обычно у него *аще*, но есть и иные союзы: Аще ли не тако, не повелѣваю ти власть деръжати. но ѿиди, а *еже* не скоро послушаеши и величество мое на сѧ возьѧриши и мѣти не имамъ дати ти (Ц. Дин.[2] 327). Обычно в этой повести *аще*, но есть и *ежели*. У Симеона Полоцкого: *еже* кто бремя зачатъ, то и родитъ (Сим. Пол. 68). У Аввакума: А еже на... холстѣ образъ спасовъ или пречистые богородицы написанъ подобно, подобаетъ кланятися (Авв. Чел. Пис. 898). У него несколько случаев такого употребления, причем *еже* может служить и подчинительным союзом „вообще“: забывша апостола, *еже* рече: братіе... (860).

Сравнительно редко *еже* в значении союза условных предложений у Петра I и его корреспондентов (в письмах Петра — 7—8 примеров); напр.: ты ихъ перепоручь между собою... съ такимъ словом: *еже* хто уйдетъ, то вѣсѣмъ быть въ казни (Птр. IV. 371).

В ирреальных условных предложениях тот же союз употребляется с частицей *бы*: Ему отвѣшать (горазда с ласкою) что *еже бы* не такой жестокой случай учинился... то бъ сей убытокъ... учинилибъ (Птр. IV. 148). Пѣхота [*еже бы* сей куриръ не засталъ] послѣдовала бъ въ намѣреніи такомъ (330).

В значении „как если бы“ у Огильви: Я всегда послѣднія (т. е. с запозданием, — *Б. Л.*) вѣдомости получилъ *еже* генералъ Ренъ трудность въ томъ имѣлъ, дабы ко мнѣ вѣдомость послать преже, неже къ господину губернатору (Птр. IV. 600).

В приведенных примерах не дано ни соединения *еже* с союзом *ли*, ни даже чередования *еже* с *ежели* в двух смежных условных периодах, но материал на *еже* в функции условного союза вообще не велик, так что это обстоятельство не может препятствовать нам устанавливать теснейшую связь условного союза *ежели* с местоимением *еже*, так как мы встречаем *еже* в совершенно четком значении *если* и *еже бы* в значении *если бы*.

---

[1] Запись Толкового евангелия 1464 г. Пример приводится А. И. Соболевским (Лекции..., стр. 246).

Надо думать, что новый вид союза (*ежели*) получен из таких сочетаний, где *ли* является последовательно в качестве дополнительного союза к основному *еже* в протазисе 2-й пары рядом стоящих условных периодов (ср. обычные *оже..., то; оже ли..., то; аще..., то; аще ли..., то...* и др.).

Характерно, что *ежели* есть как раз в тех памятниках XVII и особенно XVIII в., которые знают *еже* в значении условного союза. Так в „Повести о царице Динаре", у Аввакума, у Петра и его корреспондентов.

Все это дает возможность рассматривать союз *ежели*, не отрывая его от союза *еже*.

Примеры с *ежели* представляют памятники лишь XVII в. (более ранних, повидимому, нет). У Арсения Суханова: сказываютъ де, поѣдетъ, а мы не чаемъ ему ѣхати, *ежели* патріархъ Парѳеній цареградскій живъ будетъ (Арс. Сух. 6). И о томъ размышлялъ, какая то стежка, *ежели* поидти, то заидти невѣдомо куда (Г. Вас. Кар. 111). Раба... говорила сице: *ежели* прямо желаеш государыню мою видеть, изволте вытти на улицу і узриши ея в спалне в окне седящую (Алек. рос. двор. 131). *Ежели* способно, буду предстательствовать, *ежели* что неспособно — не гневайся (Фр. Ск. 278). В этой повести — всюду *ежели* и только 1 раз *буде*. А ежели не исправится, то не уйдетъ отъ праведного суда Христова (Авв. Чел. Пис. 792). *Ежели* жъ то море сухимъ путемъ вокругъ объѣзжать, то паки море величествомъ въдолготу неизвѣстно по другую сторону окружилось (Гист. о Долт. 26). *ежели* благоволитъ богъ, возбравши поиду (Птр. I. 24). А въ первыхъ числахъ марта (*ежели* чего жестокого не будетъ) можешь паки домой быть (VII. 9). *Ежели* господинъ адмиралъ къ вамъ уже пріѣхалъ, то тотчасъ пришлите ево къ намъ, а *ежели* на пути вамъ встрѣтитца, то пошлите ево чрезъ Вилню къ намъ (VII. 26). *Ежели* кто отстанетъ 3 часа, четверть года жалованья; *ежели* 6 — двѣ трети; *ежели* 12 часовъ — за годъ жалованья вычесть (I. 281). *Ежели* то можетъ случіться, лутшеи къ тому чінъ есть сей, чтобъ багажъ (или обозъ) былъ весма отдѣленъ (О войнах Цезаря. 214). ориліонъ будетъ хліпокъ, ежели на его по послѣдней мѣрѣ не половіну фланка заімутъ (Вобан. 112). Пріезжали Бухарцы... Хожа и Мердижан. Просили посмотрѣть вещей *ежели* я имею (Пос. 1722. 24: в этом памятнике *ежели* — обычно). Алеша Попович насыпалъ пшеницы... коню богатырскому привезалъ и своего коня и говорит к себѣ: *ежели* богатырской конь не припуститъ нашихъ лошадей, то премой конь богатырской (Был. I. 18). А *ежели* нѣтъ безсчетной золотой казны. Я тебѣ далъ бы до люби (Был. I. 150).

Союз *ежели* чередуется с другими союзами (*если, буде*), когда идет несколько условных предложений подряд: *Ежели* прикъро въ семъ что покажетца, то изволте прислать знатного человѣка для розговору. А будетъ почаете въ сей присылкѣ обману какова, і вы изволте съ симъ посланнымъ написать (Птр. I. 395).

Как в отношении остальных союзов условного предложения, так и в отношении союза *ежели* можно заметить, что объединение его с глаголом в условном наклонении дает или более выразительный тип потенциально-условного предложения или даже меняет конструкцию, придавая ей значение желательного наклонения. Напр.: *Ежели бы* тако къ Брестю поддалася часть войска отъ господина Мазепы и совокупилась съ подскарбіемъ Потѣмъ, я бы тако з другой стороны, Господинъ Пищаль съ третьей..., тогда бъ мы немного времени дали непріятелю.

(Письмо Вишневецкого. Птр. IV. 587). Заключительное предложение слабо связано с условием и является вполне самостоятельным.

Союзы условного и уступительного предложений могут выступать в значении разделительного союза *или*. В таком употреблении встречается очень нередко союз *аще*, особенно в позднейших памятниках (XVII и XVIII вв.). Реже, но возможно употребление аще и в качестве вопросительной частицы. В этом последнем значении союз *ежели* выступает исключительно редко и, повидимому, только в языке иностранцев. Так у Огильви: такожъ о извѣстіи прошу, *ежели* понтоны и прочіе воинскіе потребности изъ Вильни... на рубежъ къ Смоленску привезены, и какіе войска при вашемъ величествѣ суть (Птр. IV. 568).

Быть может, не следует считать ни ошибкой, ни недоразумением один случай употребления *ежели* без *не* в отрицательном предложении: *и шблецытеся в' храбъроство, еже ли* пленят' вы пер'си и расхитать богат'ство ваше (Ц. Дин. 330); в вар. также без отрицания, но союз *аще ли*)

Здесь *еже ли* = „а если нет, то пленят вас“ и т. д., в чем, вероятно, сказалась традиция употребления союза условных предложений без отрицания. Известное памятникам др.-ц.-сл. языка, это отсутствие отрицания встречается иногда и в памятниках др.-рус. языка, причем отрицание *не* отсутствует в протазисе 2-й пары условных периодов так же, как отсутствует в нем и глагол-сказуемое.[1]

Употребление как союза *еже*, так и союза *ежели* в допетровскую эпоху сравнительно редко.

В конце XVI в., в языке Ивана IV союз *еже* лишь редкий заместитель и ц.-сл. *аще*, и просторечных *только, как (бы), коли*, и приказно-канцелярского *буде*. Повидимому, первоначально этот союз был принят лишь в языке придворной знати (в языке самого царя и в обращении к нему, напр. Митр. Макария). Таков же характер употребления его и в „Повести о царице Динаре“, так как здесь передается диалог царей. Однако уже у Аввакума в обращениях к царю Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу нет ни *еже*, ни *ежели*; хотя там, на ряду с обычным *аще*, есть и *коли* и *если*.

Широкое употребление *ежели* начинается, собственно, с Петра. В первые годы его деятельности у него обычны *буде* и *если*, и союз *ежели* в первом томе его писем и бумаг встречается не больше 8 раз причем 6 раз этот союз дан в инструкциях (собственноручных) капитанам кораблей.

К 1706 г. (т. IV „писем“ Петра I) положение решительно изменяется. Союз *буде* несколько сокращается в употреблении, союз *если* вытесняется почти совершенно, и за счет этого вытеснения расширяется употребление союза *ежели*.

Следующая таблица показывает наглядно эти изменения.

I том „писем“ (1698—1701 гг.)	IV том „писем“ (1706 г.)
ежели — 5% всех услови. предл.	*ежели* — 56% всех услови. предл.
буде — 43% „ „ „	*буде* — 36% „ „ „
если — 52% „ „ „	*если* — 8% „ „ „

В языке корреспондентов Петра этот процесс распространения *ежели* идет также достаточно интенсивно, хотя и не достигает столь

---

[1] Возможное объяснение этого явления см. на стр. 64.

выразительных цифр. Так, в те же годы (1705—1706) у сотрудников Петра, если судить по их письмам, помещенным в т. IV „Писем“,

13% условных предложений выражено союзом *буде*
50% „ „ „ „ *если*
37% „ „ „ „ *ежели*

Переводная и оригинальная литература последних лет деятельности Петра имеет в качестве союза условных предложений союз *ежели*, поскольку отсюда постепенно вытесняется союз *аще*. Сравним „Гісторію Европейскую“ Пуффендорфа (всюду союз *аще*) с „Укреплением городов“ Вобана или „Географией генеральной“ (почти всюду союз *ежели*).

Еже (и *ежели*) — церковнославянизмы при русских вариантах *оже* и *оже ли*. Малоупотребительный в XIV—XV вв. этот тип подчинения условных предложений лишь к концу этого периода начинает поддерживаться в качестве нового церковнославянизма (второе болгарское влияние). Если это так, то естественной являлась бы и узость его применения (только в высоком стиле, или, еще уже, в литературе придворных кругов).

Посольский приказ в середине XVII в., повидимому, еще не знает ни *еже*, ни *ежели*. Так, в „Посольстве Стольника Толочанова“ (1650—1652) большое разнообразие в подчинении условных предложений, но союза *еже*(*ли*) нет. Нет его в „Уложении Алексея Михайловича“, у Аввакума изредка встречаются союзы *еже* и *ежели* (в посланиях-письмах). Но у Котошихина союз *ежели* — уже обычное явление.

В то же, примерно, время этот союз становится наиболее употребительным союзом в переводных и оригинальных повестях (Гісторія о Долторне, Александр Российский дворянин, Фрол Скобеев, Василий Кариотский и др.).

Широкое распространение союза *ежели* в первой половине XVIII в. в известной мере обусловлено, вероятно, деятельностью Петра и его сотрудников. Движение союза в этот период есть движение из высоких стилей к низовым. Вероятно, именно в этот период союз *ежели* попадает и в фольклор. Но таковым же (т. е. движением от высоких стилей к низовым) было и распространение союза *ежели* в предшествующий период, в XVII в. Известную поддержку здесь могла оказать переводная литература, в частности повести. В них употребление союза *ежели* проведено наиболее последовательно.

Не вполне ясно, почему возникло и получило широкое распространение в научной литературе одно недоразумение, связанное с вопросом о происхождении союза *ежели* и его первоначальном значении. Без разъяснений и доказательств Бернекер,[1] Преображенский[2] и Лось[3] определяют состав союза *ежели* как *есть* (глагол), *же* (усилительная частица) и *ли* (союз). Повидимому, единственным основанием к этому послужила близкая смысловая связь и хронологическая смежность проникновения в письменность союза *естьли* — *если*.

Приведенный мною материал, несмотря на его скудность, с достаточной определенностью свидетельствует о связи союза *ежели* не с глаголом *есть*, а с местоимением *еже*. Достаточно было бы отметить здесь

---

[1] E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 265.
[2] Этимологический словарь русского языка, стр. 212.
[3] Łoś. Składnia, стр. 403. T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego, Kraków, 1923.

параллельное употребление *еже*, а также *еже бы* в условном значении с употреблением в том же значении *ежели* причем этот параллелизм нередко в языке одного и того же лица (так в „Повести о царице Динаре", так у Аввакума, у Петра I и др.).

Всех переходных моментов от *еже* и *ежели* нам пока не удалось наблюдать по памятникам, но это, быть может, лишь потому, что не привлечено к обследованию достаточного количества памятников данной эпохи. Что же касается переходных моментов от *естьли* к *ежели*, то мы не можем наблюдать в письменности даже отдаленного указания на возможность такого перехода.[1]

Следует отметить, в заключение, что в диалектах союз *ежели* представлен очень слабо, что еще раз может говорить о нем как о принадлежности высоких литературных жанров.

Союз *коли* (*коль*)

Наречие времени *коли*, генетически связанное с местоименной основой *ко-* (в *который* и под.),[2] в союзном употреблении выступает в сложно подчиненных предложениях времени. Но отношения условия к следствию (в условных предложениях) есть в то же время отношение предыдущего к последующему. Поэтому и условные предложения на некоторых этапах своего развития и оформления в качестве чисто условных переживают общую судьбу с временными предложениями. Внешне, формально это выражается в употреблении в тех и других предложениях тех союзов, которые позднее становятся союзами только временных предложений. Традиция такого безразличного употребления союзов держится долго и проявляется иногда уже на позднейших стадиях развития условного периода, когда для условных предложений имеется уже развитая система специальных подчинительных союзов.

Таково именно значение и наречия *коли*, которое, на ряду с некоторыми другими наречными союзами времени, включается в условный период в качестве показателя формальной подчиненности одного предложения другому.

Употребительное уже в памятниках др.-ц.-сл. языка[3] наречие *коли*, в основном, имело значение показателя времени (обычно в вопросе) и было близко по значению к *когда*, отличаясь от последнего меньшей определенностью в показаниях о времени события. В качестве союзного наречия в памятниках др.-ц.-сл. языка наречие *коли* не употреблялось. Вондрак[4] для придаточных предложений времени указывает союз *когда*, не отмечая ни *когда*, ни *коли*. Действительно, в Мариинском евангелии, напр., *когда* лишь в прямом вопросе (4 примера) или в косвенном (4 примера) и только 1 пример дает значение союза.

Наречие *коли* в памятниках др.-ц.-сл. языка является или в качестве неопределенного показателя будущего (= *когда-нибудь*) или, при отрицательном сказуемом, в значении *никогда*. Первое значение представляет особый интерес в том отношении, что наречие *коли* здесь почти всегда стоит не в простом предложении, а в сложном со значением времени

---

[1] Л. А. Булаховский (Исторический комментарий..., стр. 249) определяет союз *ежели* как местоимение *еже* и не ставит его в связь с союзом если.

[2] E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 673. — Преображенский. Этимологический словарь русского языка, стр. 334.

[3] Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum (из Супр. Клоц. и др.).

[4] Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 56—58.

или условия-следствия, но логическая связь и формальная подчиненность предложений выражена специальным союзом (временным или условным). Есть и менее определенные положения, когда таким предложением с наречием *коли* выражается предположение о возможности события в неопределенно-будущем. Так в Мариинском евангелии: не зови дроугъ твоихъ... ни сѫсѣдъ богатъ. еда коли и ти такожде възовѫтъ (Мар. ев. 264_{18}). Миклошич[1] дает большинство примеров с *коли* в таких предложениях, которые имеют еще союзы *аще, како, гдѣ* и др. Более ясно это положение в наречии *колижьдо*, о котором Ягич[2] замечает: „*колижьдо* — additum pronominibus vel abverbiis relationis, significat, graecum ἄν in ὅσ ἄν; latinum cumque in quicumque", что вполне очевидно на примерах подобных: вѣмъ, ѣко *его же колижьдо* просиши оу б̄а дастъ ти б̄ъ (Мар. ев. 362_{14}). Повидимому, именно включением *колижьдо* в относительное подчинение достигалось его значение возможности в неопределенно-будущем, что сближало эту конструкцию с некоторыми видами условных предложений.

В памятниках др.-рус. языка наречие *коли* появляется рано. Значение его здесь также близко к *когда-нибудь*. Часто — в вопросе: В. Может ли а̄лъ г̄ ти *коли* самъ свои г̄лъ и самъ посылати и посылаемъ быти. О. ре͠ не можетъ (Толстовский сборник XIII в. Соб. табл. 9). Мы вѣдаемъ оже не кончати добромъ с тѣмъ племенемъ ни вамъ ни намъ *коли любо* (вар. *коли либо*) (Л. л. 317). Уже не имамь видѣти та *коли* (Ст. П. 101). Скорбливъ инокъ не двигнетъ оума на видѣніе, ни мы̄твы чисты въслеть *коли* къ бо̄у (ВМЧ. 24 дек. стр. 1926).

В этом значении показателя времени события наречие *коли* широко представлено в современных говорах деревни. В „Словаре русского языка" Академии Наук[3] дан большой материал на *коли* в значении *когда* (обычно в вопросе) из диалектологических описаний (Вятск., Буйск., Кадник., Моск. Орл., Покровск., Роман-Борис., Череповецк., Владим., Демян., Костр., Рязанск., Псковск. и мн. др.).

Очень часто в др.-рус. языке наречие *коли* в союзном употреблении в предложениях времени: на ѡбѣдѣ коли игуменъ ѡбѣдаетъ; (Грам. 1130 г.) *коли* ставили по первыхъ прадѣди наши святую богородицю князь великій Инъгваръ... *тогды* дали святой богородици 9 земль бортных (Жал. грам. кн. Олега. 1336 г. А. и. I. 2). бораном рога збиты да и стопы збиты то ж били фрязове, *коли* владѣли Цариимградом (Оп. Кон. 133). и *коли* бываетъ рать с моря, и ту держатъ корабли и катарги до трею сотъ (Хожд. Ст. Новг. 55). ты *коли* рать была со мною ѥси ко црю не бѣжал (Л. л. 482) и ркоша кн̄зи *коли* нас не бо̄деть всѣ͠ то все ваше бо̄деть (514). велми есмь хотѣлъ быти въ дому пречистыя богородицы въ Святѣи Софѣи... и у великого короля, *коли* былъ въ своей отчинѣ... но не моглъ есмь (Грам. митр. Ионы. 1458 г. А. и. I. 502) и встрѣтилъ ихъ отъ великого князя приставомъ, *коли* шли къ великому князю (Ник. л. 178). *Коли* мой посолъ къ тебѣ пріидетъ, и ему... (Кр. Д. I. 1).

Значение неопределенности в наречном союзе *коли* легко совмещалось с значением повторяемости. Вообще же вполне четкое временное значение предложение с союзом *коли* приобретало лишь в случаях постановки в главном предложении специального соотносительного союза

---

[1] Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 297.
[2] Мариинское четвероевангелие. СПб., 1883, стр. 524.
[3] Т. IV, вып. 5, СПб., 1911, стр. 1473, и т. IV, вып. 6, СПб., 1912, стр. 1642.

времени (обычно *тогда*). Напр.: *Коли* пожреть синица орла, *коли* каменіе въспловетъ по водѣ, и *коли* иметь свиніа на бѣлку лаяти, *тогды* безумный уму научится (Посл. Дан. Зат. 24). *Коли* хлѣбы печи, *тогда* и платье мыти (Дм. 33). *Коли* пекутъ... тогды (Дм. К. 29). *Коли* рыбы про себя надобе, *тогды* и уловятъ (Им. Тат. 21).

В тех же случаях, когда союзное наречие *коли* вносилось в конструкцию с соотносительным союзом *и* или *ино* (в главном предложении), четкого временного значения не создавалось, и конструкция сближалась по значению с теми похожими на условные предложениями, которые показывают связанность двух явлений при частом их повторении (в прошедшем или будущем — безразлично). Соотношение *коли...и*, или *коли... ино* — более или менее соответствует нашему: „всякий раз, когда..., то".

Это уже не временные предложения, но это еще и не условные. Однако и между предложениями с соотносительным *и* и соотносительным *ино* можно заметить смысловое различие. Если еще соотносительный союз *и* создает значение связи по времени („всякий раз когда... то"), то предложения с союзом *ино* отходять от них еще дальше по направлению к чисто условным предложениям. Два ряда примеров дают, кажется, достаточно ясное представление о движении конструкции с союзом *коли* от временных к условным предложениям:

1. С союзом *и*: А *коли* срокъ отпишутъ обѣма исцемъ вместѣ, и ему взяти одно хоженое съ обѣихъ сторонъ (Судебн. 1497 г. А. и. I. 152). А *коли* лучится за монастырь крестьянину поити изъ-за кого нибуди *и* вы бъ съ тѣхъ... велѣли имать... по полтинѣ (Цар. грам. 1574 г. А. и. I 355). А *коли* Якимъ къ нимъ въ волость не пріѣдетъ, *и* они ему давали... по полутора рубля (Новг. писц. I 441), а *коли* входить ко мшѣ, *а* (вар. *и*) предъ нимъ несутъ мощи святыхъ въ скринахъ (Ник. л. 35)... А *коли* самъ царь не идетъ противъ недруга, *и* онъ въ свое мѣсто пошлетъ мудраго пашу (107).

2. С союзом *ино*: торговой человѣкъ ранней обѣдни *коли* не послушаетъ *ино* ему николи обѣдни не слышети (Стгл. 194). Да что богъ пришлетъ, и я то съѣмъ, а *коли* нѣтъ, *ино* и такъ добро (Авв. чел. пис. 813). *коли* ведро, *ино* градъ той видѣти, а облачно *коли*, не видѣти (Г. Вас. 13).

Более выразительный, чем союз *и*, соотносительный союз *ино*, почти вполне чуждый предложениям времени, но вполне обычный в условной конструкции, мог давать, объединяясь с временными союзами, значение достаточно стертых временных отношений. Мы здесь могли бы видеть подтверждение нашего общего положения о роли соотносительных союзов. Логический характер предложения в целом определялся уже этими соотносительными союзами еще до включения сюда подчинительного союза, что и давало возможность выражать условие не устраняя из предложения того союза, который больше свойственен временным предложениям, чем условным.

Конечно, первоначальные отношения в письменности представлены лишь в незначительных остатках и не без противоречий, и потому о целом ряде текстов с союзом *коли* мы не можем решать с уверенностью даны ли в них временные отношения или отношения условия-следствия. Вернее всего, что здесь формальная невыразительность соответствовала действительной неопределенности логических связей. Это возможно, прежде всего, в тех предложениях, где не дано указаний на то, что действие должно произойти непременно. А такие случаи очень нередки, и как раз они связываются с вопросом о будущем, так что предложе-

ния с союзом *коли* в большей степени, чем предложения с другими союзами (напр., *когда*, *егда*), дают впечатление неопределенной условности в будущем. Напр.: *Коли* здесе у меня князь вашъ будетъ Ярославъ, язъ васъ отпущу (Срезн.). Коли в таком кратком отрывке может быть понято и как *если* и как *когда* (*тотчас как только*).

Интересны в этом отношении попытки возвратиться к старому нерасчлененному условно-временному предложению. Они возникают тогда, когда говорящий уже имеет в опыте различение условного от временного, но желает подчеркнуть в речи и условность и отнесение события к будущему.

Ни соотносительный союз *ино*, ни союз *тогда* не могут дать сразу того и другого значения, и необходимый смысл получается (по мнению говорящего) только в результате объединения этих союзов. Напр.: *Коли* де учнуть Псковичи соколомъ вороны имать, *ино тогда* де и мене Черторискаго вспомянете (Срезн.).

В памятниках др. рус. языка союз *коли*, в соответствии с его временными оттенками значения, употребляется в тех условных предложениях, которые стоят на грани между условными и временными. В Бобровую гору вступатися не велѣлъ никому, опроцѣ того, *коли* пошлетъ архіепископъ на свою ловлю (Сев. грам. 130). а велитъ ему себя тутъ ждать, и Григорью тутъ Шыгону ждать. а велитъ Шыгона Григорью ѣхать оттолѣ... и Григорью ѣхати ко князю к Василью. А пошлетъ *коль* князь Василей къ великому князю ... радного человѣка, и Григорью и не обсылаясь съ Шыгоною ѣхати (Дело кн. Шемякина. 1517 г.А. и. I. 183). а сеютъ на техъ на всехъ участкахъ 90 коробей овса, *коли* вода борзо сойдетъ (Новг. писц. V. 328). *Коли* лѣторасли брослиневые будутъ привиты в пень сливяной... тогды пременится образъ обоихъ древесъ (Назир. 712). А *коли* лучится мнѣ... которого году ѣхати къ Москвѣ, и тому игумену... давати того году въ нашу казну подъѣздъ (Уставн. гр. 1574 г. А. и. I. 352). *Коли* лучитца кроити... какое платно ни буди, кроячи загибати вершка по два (Дм. 35/90) мы владѣемъ вами... а и казнити волны же есмы *коли* на насъ не по старинѣ смотрити начнете (Ник. л. 127) так далека (=далеко), аще *коли* какъ доброму стрельцу изъ лука стрелить (Турец. 25). Появится хода, *коли* придетъ бѣда (Сим. посл. 132). Калачи живутъ дешевы, *коли* деньги дороги (113). Семера на умѣ, *коли* нѣтъ на гумнѣ (142). По нуже с мужемъ, *коли* гостя нѣту (134). Истинна явится, *коли* збудется (110). За неволю хода, *коли* ноги болятъ (106). Жернова куютъ, *коли* они не имѣ́т (102). Жил Мартынъ, *коли* былъ алтынъ (100). Азъ пью квасъ, а *коли* вижу пиво не проiду ево мимо (75).

Вполне четкого условного значения союз *коли* достигает очень редко и лишь в сравнительно поздних памятниках. Напр.: Коли 3 (=трем) зайнеть одьну, тогъда будетъ 13 (Птр. I. 5.). Редко в пословицах: воленъ богъ да жена, *коли* волю взяла (Сим. посл. 86).

Несравненно шире представлено в др.-рус. языке употребление *коли* в значении современного нам условного союза *если*, но с несколько суженным, уточненным содержанием относительно выполнения условия. Именно: союз *коли* дает указание на то, что условие выполнено и следствие должно наступить непременно. Здесь, во-первых, несколько нарушается равновесие между условием и следствием (внимание привлечено только к следствию, поскольку условие уже выполнено), а во-вторых, конструкция отходит несколько от значения условия-следствия к логической связи причина-следствие. Такие предложения с *коли* дают не „если..., то“, а „так как..., то“. Им в нашем литературном языке соот-

ветствует союз *раз* в предложениях типа: „раз это так, то". Такими предложениями выражается причинная связь, хотя формально они связаны с условными предложениями. Образец таких предложений: Да што дѣлать? *Коли* богородицѣ такъ надобно, ино и мнѣ любо (Авв. ж. 107).

Почему союз *коли* мог стать специальным показателем этого узкого вида условных предложений? Конечно, это могло быть основано только на наличии тесной смысловой связи *коли* с союзами причинными. Установить такую связь возможно не выходя за пределы нашей темы. Не случайно союз *когда* — основной союз предложений времени — является одним из союзов причинных предложений: (молодец) думу думаетъ: *когда* у меня нѣтъ ничево и тужить мнѣ не о чемъ (Г.-Злч. 18). а тамо, въ дѣяніяхъ... пишетъ сице: и слѣзоста на воду Филиппъ же и каеникъ и крести его. А *когда* уже снидоста на воду, и посему былъ въ водѣ каеникъ (Прен. 311). Пей воду, *когда* простово роду (Сим. посл. 193).

В значении причинного союза выступает и наречие времени *егда*: домъ мой расправивъ и духовную написавъ (*егда* болѣ возвратитися въ отечество не чаяхъ) въ августѣ къ королю Стефану... поѣхалъ (Рад. Сир. 12).

Нельзя отрицать поэтому, что на первых ступенях развития сложноподчиненных предложений связь по времени не отличалась еще от связи причинной. Вероятно, могло иметь значение и логически неправильное положение „post hoc, ergo propter hoc". Одно условие необходимо было для включения союза *коли* в причинную конструкцию: глагол-сказуемое не должен был давать значения будущего времени. Но могло ли наречие *коли*, относимое нами обычно к будущему, объединяться с глаголами в прошедшем и настоящем времени, показывающими событие о ч е в и д н о совершающееся или совершившееся?

Пути к такому объединению намечаются в значении *коли* — „всякий раз, когда..." Такого рода предложения с союзом *коли*, как мы видели, могут иметь в виду прошедшее так же точно, как и будущее. Могло способствовать этому и употребление наречия с отрицанием (николи), так как при этом возможно было и будущее и прошедшее. Значение *так как* могло создаться из значения *коли* (= *когда-нибудь*) через посредствующую смысловую стадию: *коли* = *после того как*. Один пример: Хотѣлъ Боуръ самъ объвить на судѣ, а нынѣ коли отсроченъ судъ, для того извѣщаетъ (письменно) (Птр. IV. 300).

Это значение союзного наречия *коли* в русской письменности представлено шире, чем иные его значения. Для конца XVI и всего XVII в. оно может быть признано основным. Несколько примеров: Что ихъ много, *коли* у нихъ сердца нѣт доброго (Пересв. 62). Вера... добра... а правды нетъ. І къ тому Петръ воевода заплакалъ и рекъ такъ: *Коли* правды нетъ, всего нет (64) велѣлъ отвѣчати имъ: а *коли* уже въспрашиваете какову нашему государству быти на... Новѣгороде, ино мы... хотимъ Государства своего (Ник. л. 180). вси едино во Христе. Да како едино, *коли* бояринъ по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? (Послание Ивана IV в К.-Б. м-рь. 1578 г. А. и. I. 385). Какъ себѣ хотятъ такъ и живутъ, *коли* имъ спасеніе душа своея не надобѣть (381) и договору чинити нечево, *коли* наемные люди не надобны (Смт. 56). твоя царь, воля что ни напишешь на меня к ц-му в-ву. *Коли* ты грамоты не принел и старца моево к себе на руки, поедте же здоровы (Толоч. 57) и Матвѣй рекъ: то де право, право глаголю вамъ; и мы сказали: а *коли* то право, право, ино то право прямо есть, и истинно, и буди, и будетъ тожъ (Прен. 172). *Коли* уж нужа стала, и изба по нужѣ церковь (Авв.

Чел. пис. 939.) Досифей! А за что петь, ея с мужемъ тѣмъ разводить, *коли* онѣ молитвовалися? (858). Вотъ цаэю *коли* тебя притрапезники те твои Давыдомъ зовутъ, сотвори и ты Давыдски (Авв. толк. 474). На, плавай на немъ з женою и детми, *коли* докучаешь (Авв. ж. 10). *Коли* он лошаді твоей оторвал хвостъ і ты у него лошади своей не замай (Шемяк. 21).

Союз *коли* часто употребляется в пословицах: Не до бѣла, *коли* свинья щолокъ пролила (Сим. посл. 128). На што было родитца, *коли* никуда не годитца (126). На што было женится, *коли* рож не родится (127). На што было лгать, коли нечево дать (124). Мыло не мило *коли* лицо згнило (120). За неволю в полю *коли* бѣси в лѣсѣ (107). Што мнѣ и свой *коли* лихъ до меня. Што мнѣ и чѣжие, что добры до меня (202). Ѣмолкла мѣзыка *коли* червь изъ языка (146).

Отметим широкое распространение здесь необычного для условных предложений построения: условие дается после следствия. Повидимому, это могло быть первоначально только в таких случаях, когда условие не привлекает главного внимания, поскольку оно является выполненным.

Коли в значении *раз* ... широко распространено в фольклоре и в современных говорах деревни. Ну, *коли* старуха денег захотела, иди в онбар и нагребай ржи (Сок. № 87). Ну, пой, *коли* хочешь, а я не стану (Аф. № 171). Встречается в фольклоре и *коли* в значении *если*: *Коли* выбросить козла собакам, так нам будет... грешно (Ю. Сок. 97). В том и другом значении союз *коли* встречается в говорах деревни, причем он здесь является одним из основных подчинительных союзов в условных предложениях. На ряду с ним, союзы *если* и *ежели*, изредка встречающиеся здесь, являются новыми заимствованиями из лексики города. Напр.: Видь (=смотри) *коли* хошь (МЭИЯМ, д. Пески). Умрет человек, *коли* просевины (=редко посеянный хлеб) (д. Дубровье). Вот сплел, *коли* есть досуг (д. Березник).

Если же проследить употребление *коли* в качестве союза в современном литературном языке и в др.-рус. письменности, то окажется, что круг памятников, знающих союз *коли*, очень узок. В летописи (Лаврентьевская и Никоновская) — сравнительно редко. Дьяки Ивана IV пишут грамоты к иностранным государям, широко применяя союз *коли*. В частных письмах самого Ивана IV встречается союз *коли* на ряду с другими союзами. Есть он у Пересветова. Деловая речь в это время (XV—XVI вв.) дает только редкие примеры *коли*. Встречаем его один раз в „Северных грамотах“, один раз в „Судебнике 1497 г.“, в некоторых грамотах.

В XVII в. распространяется шире употребление союза *коли*. Часто он у Толочанова, у Аввакума. Находим его в „Суде Шемяки“, в „Бове“. Лудольф не знает союза *коли*.

Наша современная оценка союза *коли* как черты разговорно-бытового языка и языка деревни может быть распространена и на далекое прошлое.

Можно думать, что такое отношение к нему, как к „просторечию“, установлено было и на первых порах его появления в письменности отдельными авторами. Так, напр., Иван IV знает *коли* и пользуется им, но лишь в „Послании в К.-Б. монастырь“. В ученых рассуждениях с Курбским у него иные союзы (чаще всего *аще*). Повидимому, это потому, что „Послание“ имеет характер простого и очень живого разговора, по временам напоминающего бытовой диалог.

Примерно то же у Толочанова. Его „донесение“ очень похоже на дневник. В нем много черт бытовой лексики и упрощенный синтаксический строй.

Союз *коли* у Аввакума, повидимому — черта его родного говора, подобно многим другим чертам его лексики. Широкое употребление у него *коли* иногда может говорить и о прямой связи с устным народным творчеством. Едва ли не пословицами являются следующие тексты его „Жития“ и „Бесед“: *Коли* же кто изволил богу служить, о себѣ ему не подобаетъ тужить (Авв. Бес. 285). *Коли* баба лиха, живи же себѣ одна (Авв. ж. 112). Поэтому у него *коли* и не в значении условного союза, а в значении, совершенно неизвестном литературному языку, — в значении отрицания в риторическом вопросе. *Коли* ужъ лаютъ въ книгахъ, а на иконахъ *коли* велятъ истинну писать? (Авв. Чел. пис. 899). А нынѣ у нихъ все накось да поперегъ; жива человѣка въ лице святымъ называй; *коли* не пропадетъ! (=конечно, пропадет) (Авв. Бес. 465). Это значение *коли* не было известно в литературном языке. О непонимании данного текста свидетельствует один из списков „Бесед“, где вместо „коли не пропадет“ дано „коли и пропадет“, что не имеет смысла. В качестве черты некоторых областных говоров такое значение *коли* известно до настоящего времени.[1]

Единичны примеры *коли* в письмах Петра, причем — преимущественно в четком условном значении. И у него это — черта разговорного языка, что лучше всего видно на примере: не зволте пропустить, но *коли что*, выходите куды удобнѣе (Птр. IV. 132).

Итак, союзное наречие *коли* сравнительно редко в др.-рус. письменности. Если в качестве наречия времени и союза временных придаточных предложений оно является еще сравнительно распространенным, то в значении условного союза мы наблюдаем лишь разрозненные попытки разных авторов ввести его в литературный язык. Попытки эти успеха не имели.

Высокие литературные жанры, поскольку они освобождались от ц.-сл. *аще*, усваивали союзы *ежели* , а затем — *если*. Литература, стоящая ближе к разговорной речи (напр., частная переписка, а также и деловая речь), широко использовали распространенный в устной речи союз *буде*. Союз *коли* по своей социальной принадлежности был ниже остальных союзов, и демократизация литературного языка, заметная особенно в конце XVII — начале XVIII в., не могла все же итти так далеко, чтобы включить в литературный язык одну из довольно ярких, повидимому, черт областных говоров. Один из последних моментов спорадического появления *коли* в др.-рус. письменности фиксирован языком переводного памятника „Римские деяния“ (конец XVII в.). Здесь характерно, кроме сравнительной употребительности *коли* в условном значении, постоянное объединение его с наречием *уже: Коли уже* иначе быть не можетъ взявше ѿпущеніе въсядемъ (Р. д. 26). Не говорит ли это стремление перводчика усилить выразительность *коли* о недостаточной общепонятности его?

Сравнительно широкое распространение союза *коли* в говорах деревни объясняется, прежде всего, тем, что в языке должны оставаться некоторое время в числе условных такие предложения, которые

---

[1] Словарь русского языка Академии Наук, т. IV, вып. 5. Спб., 1911, стр. 1474, где даны материалы из нескольких, преимущественно северных областей. В начале 900 гг. мне приходилось слышать также *коли* во Владимирской губ. (северной ее части).

не являются в собственном смысле условными и стоят на грани с причинными и временными. Наше литературное *раз*... в качестве показателя выполненного условия, за которым с необходимостью должно явиться следствие, есть результат дальнейшей дифференциации условных на отдельные виды. Но в языке, отражающем менее последовательно проведенное разграничение логических связей, временной союз *коли* естественно является одним из основных союзов и условного предложения (а также и причинного), так как он показывает одновременно и следование во времени двух событий, и связь условия-следствия, и связь причины-следствия. Точнее: не показывая отчетливо ни того, ни другого вида связи, он дает значение обязательной связанности двух событий, связанности, прежде всего, во времени. Условный характер получится здесь всегда, когда о событии нельзя будет сказать с уверенностью, что оно произойдет.

Союзы *какъ, какъ бы (кабы)*

Преобразование вопросительного наречия в союз, подчиняющий предложение, обусловлено сходством вопросительного предложения, в котором находит себе место такое наречие, с предложением, служащим в качестве пояснительного к другому предложению. Мы уже отмечали (см. стр. 36) наличие в подчиненном предложении инверсии и особой интонации, которые свойственны вопросительному предложению. Вместе с этими формальными особенностями вопросительного предложения в конструкцию сложно-подчиненного могли включиться и некоторые словесные показатели вопросительного характера предложения. Известно распространение вопросительных наречий и местоимений в роли подчинительных союзов в сложных предложениях разных видов (*коли, когда, где; кто, что, который, какой* и др.).[1]

Отмечаем при этом, что некоторые из таких союзов-наречий и союзов-местоимений приобретают первоначально характер подчинительных союзов вообще. Уточнение их значения и закрепление каждого из них за определенным видом сложных предложений есть уже результат позднейшего развития сложных предложений.

Вполне соответствующий союзному наречию *как* его ц.-сл. вариант ѩко является тем универсальным подчинительным союзным наречием, которое выступает в самых различных сложных предложениях. Е. С. Истрина[2] указывает, напр., что союз ѩко в I Новгородской летописи является в дополнительных и изъяснительных предложениях, а также временных, причинных, целевых, сравнительных. То же отмечает Е. Ф. Карский[3] в Лаврентьевском списке летописи. Таково же почти положение союза *ако* в памятниках др.-ц.-сл. языка, где он является союзом предложений сравнительных, цели, времени.

В меньшей степени нужно предполагать свойственным этот универсальный характер союзу *как*. Но союз *как* вообще сравнительно

---

[1] Вопросительная частица *ли* в сложении с соединительными союзами (*а, и*) также играет существенную роль в конструировании подчиненных условных предложений.

[2] Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Известия ОРЯС, тт. XXIV и XXVI, Пгр., 1923, стр. 185 и сл.

[3] Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Известия по русскому языку и словесности, т. II, 1 кн., Л., 1929.

слабо представлен в письменности, особенно в высоких литературных жанрах; поэтому судить о его значениях и наблюдать особенности его употребления мы можем, главным образом, в говорах. Распространен он и в фольклоре. Повидимому, в языке социальных верхов феодального общества он раньше проделал весь путь от неопределенного семантически союза причинных, временных, условных до союза предложений только сравнительных, где ему в главном предложении был противопоставлен союз *так*. Иначе в языке крестьянства. Здесь союз *как* был и остается в широком употреблении в сложно-подчиненных предложениях разных видов, — причем дифференциация логических связей, не проведенная еще до конца, могла более или менее осуществляться применением при этом союзе различных соотносительных союзов. Следовательно, в бессоюзной конструкции с анафорическим *тогда* союз *как* играл и играет роль подчинительного союза временных предложений; с анафорическим *и* и *так* — в предложениях причинных и условных. Но так как разграничение по смыслу условных, причинных и временных не всегда проведено достаточно последовательно, то нередко здесь можно наблюдать и смешанное, безразличное употребление и самих соотносительных союзов. Поэтому союз *как* является в говорах с соотносительным *так* (или совсем без соотносительного союза) в тех и других предложениях.

Временные от условных трудно разграничить в тех случаях, когда отмечается наличие постоянной связи между двумя явлениями (наш союз *всякий раз, когда*). Союз *как* в условных предложениях сравнительно редко встречается в др.-рус. письменности и всюду здесь он является признаком разговорного языка, причем, повидимому, он в большей степени известен крестьянству и городским низам, чем правящим кругам. Но в значении союза временных предложений и его употребление шире, и оно не ограничено узкой социальной средой.

Мы должны здесь лишь определить, какими путями шло закрепление за союзом *как* значения *если* и насколько последовательно проведена тенденция выделения одного значения из союза, представляющегося нам на первых стадиях полисемантичным.

Временное значение закреплено за союзом *как* в большей мере, чем значение условного. Собственно, для др.-рус. письменности основным нужно считать значение *как = когда*. Однако примеры такого употребления идут преимущественно из поздних памятников: только в деловой речи это значение представляется нам рано закрепившимся и даже овладевшим стандартными формулами грамот, напр.; „И *какъ* къ вамъ ся грамота придетъ и вамъ бы... (Палеостр. гр. 122). Что союз *как* в временном значении распространен был в разговорной речи, заключаем из того, что в передаче прямой речи он встречается чаще, чем в описании или повествовании: и воевода сказалъ: потерпи, какъ увѣдаю, о чемъ въ грамотѣ писано, будетъ указъ о всемъ (Арс. Сух. 5). Поэтому и в частной переписке союз как в четком временном значении очень обычен: о чемъ, *какъ* они отпишутъ, благоволи немедленно прислать (Птр. I. 61).

Часто *как* (= *когда*) у Аввакума, но не в славянизированном тексте, а обычно в письмах. Можно заметить, что вытеснение союза *егда* идет у него преимущественно в пользу *как*. В XVII в. и в высоких литературных жанрах, и в переводной научно-деловой литературе встречаем *как* в предложениях времени: *как* пріѣдетъ, то становитца въ самомъ Цареградѣ (Дв. цес. Тур. II. 14).

Во многих случаях такой союз *как* приобретает несколько специальное значение показателя постоянной связанности в прошлом двух явлений, как это показывает последний пример, а также следующие: мѣри веселее суть, *какъ* родятъ дочери и не таковы радостны, *какъ* родятъ сны, для того какъ ... (Дв. цес. Тур. 53). и *какъ* которые (часы) испортятся и тѣ спальники подѣлываютъ (Дв. цес. Тур. 35). Это значение *как* хорошо представлено в современных говорах деревни: *Как* лягушки заквакают, так язи идут (МЭИЯМ, д. Асинушка). Закричат, *как* увидят (змею) (д. Дубровье). *Как* он приедет, так везет пуд (муки) (д. Асинушка). Красу жгли. *Как* высватаешь, потом красу, значит, жгешь (с. Арханское). В фольклоре — такое же значение показателя повторяемости явления, напр. в пословицах: Ребра ломаютъ *какъ* татей пытаютъ (Сим. посл. 194). *Какъ* хто тонетъ топор сули а ка вынут топорища не даст (112).

Отличное от этого значение единичности явления в прошлом достигалось, повидимому, дополнительными средствами, напр. постановкой глагола *будет*. И *какъ будутъ* богатыри близъ града Киева, выбираютъ себѣ богатыря (Был. I. 52) *как будет* в полуночи. ажно пришла ко гробнице змѣя. (Был. I. 30). И *какъ будутъ* у тово камени ... стоитъ калика перехожая (Был. I. 38). *Какъ бы будетъ* молодецъ у реки Смородины а и змолитца молодецъ аи ты мать быстра река (Кир. Дан. 125). Соединение *как будет* известно и в письменности. Даже в объединении с наречием *только*, специальным показателем одновременности или близкой последовательности, конструкция с союзом *как* могла приобретать значение временной, где связь одного события с другим считается неизменно повторяющейся. Так, в говорах: *как только* сходка, они бегают. Полно вам, ребята, бегать-то (МЭИЯМ, д. Истошная).

Указание посредством союза *как* на постоянную связанность двух явлений становится указанием на условный характер связи тотчас же, как только события переносятся из прошедшего в будущее. При этом или утрачивается, или перестает подчеркиваться реальность события в подчиненном предложении, и оно начинает мыслиться в качестве возможного и предположительного. Напр.: и *какъ* цесарь кого велитъ утопить, и того тамо вѣдутъ и связавъ руки ... бросятъ (Дв. цес. Тур. II. 42). Но так как формальных средств различения постоянной связи в прошлом от связи в будущем немного и они обычно мало выразительны, то правильнее будет определять этот переход от временных к условным чисто отрицательными чертами: когда нет точного указания на время событий, мы имеем условное предложение. Наблюдение над переходными моментами от временного к условному показывает, что граница здесь не является строго определенной. Таковы примеры из пословиц: Плохо воровать, *какъ* два наровятъ (Сим. посл. 193). *Какъ* возметъ голодъ появитца и голосъ (113).[1] Звяготливому червь подъ языкомъ, какъ червя не станетъ, так перестанетъ (105). Міръ дѣло велико ка всемъ миром вздохнутъ, так и временщикъ издохнетъ (116). *Какъ* будетъ бобръ, такъ будетъ и добръ (116). *Какъ* лучитца поучитца такъ буду знать (116).

Если в приведенных примерах еще не порывается окончательно связь с временными, то следующие уже дают, повидимому, только условие-следствие: А *как* бог помощи подаст, и государское счастье поспешит и брата и сына у дадьянского выручит, и Александр царь к ц-му

[1] Сравним бессоюзное: иметъ голодъ появитца и голосъ (Сим. посл. 109).

в-ву брата или сына отдаст (Толоч. 166). и *какъ* будемъ тѣ заповѣди гд҃ни хранить пріидемъ къ вѣчному богатству (Р. д. 151). ѕповаи сѧ на бога напразно попечетъсѧ *какъ* вышной не благословить = frustra sollicitus est, si summus ... (Lud. 65). Хвалятъ всякого человека, *как* у него в рукахъ видят (Празд. каб. яр. 227). Ну *какъ* тебя признаютъ, что ты мущина? (Фр. Ск. 290).

Всуе законы писать, *какъ* не хранить (Сим. посл. 213). *Какъ* б҃у дать и въ окошко подастъ (213). В говорах: а *как* хорошо покроешь ею, она двадцать лет стоит (о крыше) (МЭИЯМ, д. М. Шанево). *Как* помаленьку, так он напишет, а так-то (не может) (д. Ользи). Кроме перехода к условным от временных, было возможно употребление в условном значении того союза *как* (чаще *как бы*), который выступал в предложениях сравнительных и указывал на отдаленное или даже мнимое сходство сравниваемых явлений. Союзом *как* установилась здесь возможность сравнения, а частицей *бы*, которая является постоянным формальным показателем ирреальных условных, подчеркивалось, что сравнение идет в качестве предположения, подлежащего в дальнейшем отрицанию. *Как бы* примерно соответствует здесь „так, как если бы". В письменности такой союз *как бы (кабы)* мало распространен (встречаем обычно церковно-славянизм *якобы*). Несколько примеров: попамятуи и посуди: съ какою есть укоризною ко мнѣ судили Сицково съ Прозоровскимъ, и какъ обыскивали, *кабы* злодѣя (Курбск. 120. Письмо Ивана IV). А писалъ, что мы тебя въ дальноконныя грады *кабы* опаляючися посылали — ино нынѣ мы... (123). а тые горы лежатъ за собою рядомъ, одна за другой, *какъ бы* коня за конемъ велъ въ длину черезъ весь градъ (Дв. цес. Тур. II. 8).

В фольклоре и современных говорах союз *кабы* встречается нередко: А конь ли под ним *кабы* лютой зверь (Киреев. 23). Поубавилось у него силы *кабы* на седьмую часть (Аф. I. 238). Я, *кабы* он (Влад. г.) (Сл. АН). Натегивала Настасья свой вѣдь тугой лук, кабы стрелила Настасья во чисто поле Ончуков. Печ. былины. 343.

На этой, вероятно, почве и создавались, независимо от развития условных через временные, вполне выразительные конструкции ирреально-условных, а затем и потенциальных с союзом *как бы (кабы)*. Они шире распространены и в письменности, и в говорах, так что точнее было бы считать условным союзом не союз *как*, а этот союз *как бы*. Он является и более выразительным, чем союз *как*, поскольку в нем уже нет никаких связей с временными предложениями. В письменность он попадает также сравнительно поздно. Располагаем примерами лишь из памятников XVII в.: Видиши ли, голубка, *какъ бы* съѣлъ просвиру-ту такъ бы что Исакія Печерского затомили (Авв. Чел. пис. 958).[1] по нуждѣ ворьчу, понеже докучаютъ. А *какъ бы* не спрашивали, я бы и молчалъ болше (896). *Какъ бы* вси сїе мысли имѣли, скоро мы видѣли = Si omnes... (Lud. 79). *какъ бы* ты не замѣшкалъ, такъ бы ты назадъ былъ прежде ѧ встал = Si moras non nexisses... Wenn du nicht gesaumet hattest (Lud. 58). И рече ему красная дв҃ца: смерже' ты с҃нъ... свиное ѕзорочье, *как бы* у тебя не было ушеи, і ты бы был цѣлаѧ ворогуша (М. Д. 85). а *какъ бы* он отошелъ ѿ того мостѕ по третьеи версты с полмили, и онъ бы убилъ дрѕговъ... (Р. д. 68). В фольклоре и говорах: *Какъ бы* на ваше скѕпство да не наше глѕпство, то б ничего не видать (Сим. посл. 214). *кабы*

[1] Тот же текст в другом письме: яко аще бы азъ съялъ просвиру-ту, то бы затомили меня (Авв. Чел. пис. 938).

на коня не лысина цѣны бы емѹ не было (115). Какъ бы на дятла не свой нос хто бы ево в деревѣ нашол (115). *Как я бы* тут его на долонь ту клал, другой рукой опять бы сверху прижал. А тут бы еще да ведь блин то стал (Гильф. № 48). *Кабы* де ево не подхватывал. Дак предал бы ему смерть ту скорую (№ 219). Вот *кабы* ты был полковником, а я полковницей — иное дело (Аф. № 40). Как бы этая кобылка коньком бы была за этую кобылку пятьсот бы дали ... как бы этая кобылка коньком бы была, за этую кобылку цены не было бы (Гильф. № 136). *Кабы* была у меня лошадь своя, я бы свозил (МЭИЯМ, д. Березник). *Кабы* не пили да не крали, все бы ... (д. Есипово). *Кабы* не балахон, так бы и душа вон (д. Дубровье).

Не всегда, однако, союзом *как бы* выражается невыполненное условие. Им выражены иногда и такие предложения, в которых условие, повидимому, будет выполнено, и указанное следствие наступит с необходимостью: *кабы* ты мнѣ могль единѹ вещь оучинить, тогда бы (Р. д. 108). У Лудольфа: *как бы* я здѣлалъ = si facerem, si fecissem (Lud. 31).

Обычно (на ряду с ирреальными) союз *как бы* дается в предложениях, выражающих чистое предположение. Подъ пенею всѣхъ животовъ своихъ, *какъ бы* в третей день после бирюча не явилъ (Дв. цес. Тур. 44). *Какъ бꙋ* (= бы) счесть всѣ подати с пошлинами земными ѿ земель и домовъ, придетъ дани... всего ѕ миллионовъ золотыхъ (22). Я бы и Никона отступника простилъ, *какъ бы* онъ покаялъся о блудни (Авв. ж. 118). А что, государь-царь, *какъ бы* ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илія пророкъ, всехъ перепласталъ (Авв. Чел. пис. 768). Мы бы сумели, кабы он поспел на Илью, лен-то (МЭИЯМ, д. Березник).

Когда в такой предположительности выражается желательность или нежелательность действия, этот оттенок значения достигается особыми средствами, не связанными непосредственно с союзом *как бы* (*кабы*), напр.: А мундиръ какой лутче, однако не худо, *какъ бы* зеленой (Птр. IV. 152). А Борма боится слезть с дерева, *кабы* ево лев-то не съел (Рус. ф. 359). Э, *кабы* лошадь нашел, не пожалею барана (Рус. ф. 411).

Предложения эллиптические с союзом *кабы*, известные говорам, связаны именно с этим типом предложений, выражающих пожелание. „Главное“ предложение (вывод) здесь не дается, так как оно предполагается известным. Оно всегда одно и то же и значит примерно: „тогда бы было хорошо“. Между тем эти предложения, построенные по типу условных, представляют собою зачаточные предложения цели, напр.

Еще дюж мой-от муж, выехал на речку
Я молила, кабы сдох. Я поставлю свечку

(Соб. Песни. VII. 252.)

То же в бранных выражениях: (обл.) *кабы* тя изняло. *Кабы* тя разорвало (Сл. АН).

Союз *как* в условных предложениях, сливаясь с одной стороны с таким же союзом в предложениях времени, другими своими чертами близок к предложениям причины. Значение *потому что* нередко встречаем в союзе *как* в русской письменности XVIII — начала XIX в. Напр.: *Какъ* оба колѣнка его больно были ушиблены, то ... онъ кричалъ весьма крѣпко (Вес. Мел. 225). Связь с предложениями причины была обусловлена тем употреблением союза *как* в условных, которые мы назвали бы обозначением выполненного условия (= раз ..., то).

Хотя это значение и менее обычно для союза *как*, чем для союзов *коли* и *когда*, все же оно встречается в фольклоре и говорах, представляя примеры недифференцированного употребления временных, причинных и условных, из которых в дальнейшем мог образоваться четко выраженный тот или иной тип сложного предложения. Напр.: Хороша дочь, *какъ* мать хвалит (Сим. посл. 206). Збыла охотки, *какъ* не стало у тиотки (106).

Отметим параллелизм русского *как* в условном значении с сербским и болгарским *ако*, являющимся основным союзом условных предложений в этих языках.

Союзы *когда (бы)* и *егда (бы)*

Наречие *когда* в значении подчинительного союза временных предложений употребляется сравнительно редко в памятниках др.-рус. языка. Это объясняется и тем, что здесь временные обычно выражаются причастными (деепричастными) оборотами, и тем, что на ряду с *когда* известны были союзы временных с более специализированным значением ближайшего следования, точного совпадения во времени и др. (союзы *как*, *коли*). Так, в летописи примеры употребления *когда* в предложениях времени единичны. Е. С. Истрина[1] дает один пример из I Новгородской летописи. Е. Ф. Карский[2] не дает ни одного примера *когда* из летописи по Лаврентьевскому списку. Л. А. Булаховский[3] не отмечает наречия *когда* в числе союзов предложений времени.

Как в летописи, так и в иных памятниках, отражающих сильное влияние ц.-сл. языка, широко распространенным в качестве союза в сложных предложениях времени является наречие *кгда*.

Не имея возможности представить здесь развернутую картину употребления *когда* в сложно-подчиненных временных предложениях, отметим все же некоторые характерные черты в его судьбе. Прежде всего, распространение в письменности союза *когда* в временных предложениях — явление очень позднее (конец XVII — начало XVIII в.). До этого времени встречаются лишь редкие примеры замены им ц.-сл. *кгда* (изредка у Курбского, в „Великих минеях четьих", единичные примеры в „Девгениевом деянии" и нек. др.). При этом союз *когда* попадает в письменность, повидимому, не из крестьянских говоров, так как, будучи известен здесь в качестве вопросительного наречия, в различных фонетических вариантах (*колды*, *ковды* и др.), он неизвестен в говорах в роли подчинительного союза не только потому, что в говорах вообще союзное подчинение редко, но и потому, что в них развились иные подчинительные союзы (*коли*, *как*). Каринский[4] отмечает это явление: „любопытна в этом отношении речь Бок, Л. Союзов в ее речи безусловно больше, чем в речи М., но все же очень немного. Достаточно указать, что в разнообразных своих повествованиях о событиях в прошлом она совершенно обходилась без временного союза когда".

Появление союза *когда* в говорах Каринский считает таким же результатом влияния литературного языка, как и появление в них союзов *если*, *чтобы*. „В ее языке (рабочей С.) не только обычны союзы *что*,

---

[1] Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи, стр. 195.

[2] Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Известия по русскому языку и словесности, т. II, кн. 1, стр. 62.

[3] Исторический комментарий..., стр. 251—253.

[4] Очерки языка русских крестьян. Соцэкгиз, 1936, стр. 90.

чтобы, если, хоть (*хотя*), *когда, тогда* и пр., но встречаем и сложные конструкции, вроде: а иногда, уж *если* меня разожгут, вылаю всех, вылаю уж куда хошь; *чтобы* снабдить каждого ткача валиком".[1]

Если даже в современных говорах деревни союз *когда* распространен слабо, то нет оснований предполагать широкое его распространение в говорах и в прошлом. Вполне вероятно поэтому, что он попадает в письменность в качестве черты разговорной речи боярства, причем попадает и поздно и сравнительно редко, не имея возможности до начала XVIII в. вытеснить единственно возможный в высоких жанрах союз *егда*. Характерно и то, что, напр., у Аввакума широко распространенный и в цитатах из библии, и в религиозных рассуждениях, и в очень простом бытовом рассказе союз *егда* начинает вытесняться, но не в пользу союза *когда*, а в пользу *как*, выступающего в четком временном значении. Широкого распространения в письменности союз *когда* достигает лишь в Петровскую эпоху. Лудольф дает много примеров его употребления.[2] В языке самого Петра союз *когда* — обычное явление. Первоначально он попадает из разговорной речи в деловую переписку, а потом и в язык научной и художественной литературы.

Нельзя определить, когда именно происходит превращение чисто временного союза в союз условный. Письменность представляет примеры такого употребления *когда* в условном значении в широких размерах. Здесь, конечно, нужно говорить не о изменении союза временных в условный, а об употреблении союза в недифференцированном значении условно-временных, как это видим и в употреблении союзов *как* и *коли*. Насколько далеко идет языковое сознание по пути смешанного употребления условных и временных, видно из того, что на определенной стадии развития сложно-подчиненного предложения все те средства, которыми выражаются временные связи, могут служить и для выражения связей условия-следствия. Так, в русских памятниках конца XVII — начала XVIII в. союз *егда*, никогда не выступавший в памятниках др.-ц.-сл. языка в условном значении, выступает нередко в четком значении *если*.

Точки соприкосновения временных с условными — в некоторых специальных значениях временных предложений. Так, напр., значение постоянной связанности двух явлений в прошедшем времени („всякий раз, когда было А, было и В") намечает свободный переход от временных к тем условным предложениям, которые имеют значение выполненного условия, за которым следствие наступает неизбежно. Именно в этом значении, близком к значению причины-следствия, выступает союз *когда* прежде всего. Относящиеся сюда примеры частично приведены уже в главе о союзе *коли*.

Можем наблюдать ряд переходных моментов от временных к условным в предложениях, подчиненных союзом *когда*, но четкого условного значения такие предложения достигают сравнительно редко. Отметим прежде всего употребление *когда* в предложениях, стоящих вполне на грани между временными и условными. Перевес в сторону условных получается здесь всякий раз, когда связь по временной последовательности устанавливается между явлениями предполагаемыми.

Когда кто милостыни ради своей лампады не посылаетъ однакоже, хотя ея для недостатку масла не зажигаютъ, также не снимаютъ (Рад.

---

[1] Ibid., стр. 91.

[2] А у Лудольфа обычны тексты из разговорного языка.

Сир. 89). Тамъ не берутъ пошлину *когда* хто продастъ окрентъ (корабль) или иное которое судно (Дв. цес. Тур. II. 19). *Когда* цесарь турецкий имѣетъ сына, не обрѣзуетъ его, а наипаче, *когда* сынъ первороженный (57). *Когда* (= Quando) я найду доброго человѣка, ево люблю и почитаю, хотя онъ иной вѣры... (Lud. 69). и турки бо то имѣютъ за даръ, *когда* которому достанется такая жена, которая... (Дв. цес. Тур. 27). и когда *оныя* о томъ къ тебѣ будутъ писать, и ты то исполни (Птр. VII. 23).

Сравним временные: і *когда* найдешь, тогда по той линеі іскать той долины (Птр. I. 10); *когда* вылажишь, тогда строку B да D сложи одицеею (5) — с условно-временными: *когда* стрѣлять, отвѣдать перва такъ (10); *когда* хочешь полосу брать і *когда* будешь дѣлать, і сколько градусовъ сонце покажетъ на астралябиумъ, записать (9). В таких случаях (при выражении связи между действиями предполагаемыми) условный характер всегда несколько отступает перед временным, если имеется уверенность в том, что первое действие будет выполнено: А *когда* тѣхъ одолѣю, то вѣсѣ Лиѳлянды будутъ сѣвободны (Птр. I. 386).

Что нередко союз *когда* в сознании говорящих был равнозначен одному из обычных условных союзов, видно из примеров чередования *когда* || *буде, когда* || *если* в двух рядом стоящих условных временных предложениях: *Когда* ему которая родитъ сына, присылаетъ къ ней... пять тысячь червонныхъ..., а *буде* дочь родитъ, не прибавляетъ (Дв. цес. Тур. II. 52).[1] о которой росправѣ *когда* молчитъ, то знать, что еѣ принимаетъ, а *естьли* ему которое дѣло не полюбитца, броситъ руками, дая знакъ, что... (28).

В таком же значении союза условно-временных предложений на ряду с *когда* выступает союз *егда*: *Егда* начальникъ каравана похочетъ бросить якорь въ день, тогда 3 из пушки выстрѣлить... *Егда* визъадмиралъ похочетъ, чтобъ всѣ галеры... стали... тогда обыкновенное знамя... да спуститъ (Птр. I. 64, 67). *Егда* вы по указу или ради силново на васъ непріятельского наступленія ис квартиръ своихъ будете выступать, тогда надлежитъ вамъ... (29). также *егда* квартирмеістеръ клікнетъ, тогда бы садітся въ боты (Инстр. и артикулы. 11). извещая еи, сколь в великои будетъ чести, *егда* цесарю полюбится (Дв. цес. Тур. II. 51).

Союз *когда* в предложениях, показывающих большую вероятность выполнения первого действия, или заведомо выполненное условие, приобретает значение союза причины *так как*. Но в таких причинных предложениях и в современном нам языке связь нередко выражается условным союзом *если*, который вполне соответствует, а часто и замещается, специальным союзом выполненного условия, союзом *раз*.

Относящиеся сюда примеры типа „*когда* такъ, молвилъ чортъ, то ступай“ (Лек. от задумч. 116) даны в главе о союзе *коли* (см. стр. 93). В таком же значении *раз* выступает иногда и союз *егда*: руского вѣсу... полосма золотника: *егда* въ инѣхъ мѣстѣхъ противъ сего обрѣтено есть, то безъ всякого размышления... продолжати (А. и. Х. 1683—1698 гг. 335). *Егда* самая земля есть не безконечна, но кругла... явственно есть, что и океана глубина не есть безконечна (Геогр. генер. 127). Что же по семъ, *егда* ниже конницею, ниже пѣхотою непріятеля воевать и держать возможно? (Птр. I. 112).

---

[1] В другом переводе: *какъ* которая породитъ сна, посылаетъ... *аще ли* родитъ дочь не прибавливаетъ ничего (Дв. цес. Тур. 53).

Некоторые примеры здесь явно двусмысленны и не могут быть отнесены без знакомства с большим контекстом ни к условным, ни к причинным: они стоят на грани тех и других: нарубить довольно соснового лѣсу и сплавить; и *когда* не чаемъ непріятеля, то съ конца весны зачать городовое строеніе (Птр. I. 422).

Повидимому, дальнейший отход от временных по пути к точному выражению условия осуществлялся включением такого элементарного показателя условности, как частица *бы* — формальный признак условного наклонения. Об этом можно заключить по тому, что частица *бы*, которая при обычных союзах условного предложения служит для выражения ирреальности условия, т. е. заведомой невыполнимости его, — здесь, при союзе *когда*, не несет такой функции. Она придает временному союзу *когда* бóльшее значение условности, которое, следовательно, было в нем не достаточно выразительно. Ирреальный характер предложения с *когда бы* имеют только в очень редких случаях: и правда есть, что тѣ дождевые воды скорѣе ко Египту прибыли бы, *когда бы* великий Іоаннъ пресвитеръ... (ихъ) по государствахъ своихъ... не отвращалъ... *когда бы* не тая часть средняя плоская... тоя помѣшки не чинила... возможно бы было... (Рад. Сир. 127, 129). *Когда бы* я зналъ, о какомъ дѣлѣ посланная Ѳранцужская грамотка была писана, то бы вѣдалъ по тому ответствовать (Письмо Огильви. Птр. IV. 593).

Обычно же союзом *когда бы* выражаются такие условные предложения, которые в первой части отмечают именно неопределенность в отношении того, выполнено ли условие. Предложение приобретает чисто потенциальный характер: Іорданъ такожде, якоже и Іерихонъ, камо *когда бы* кто хотѣлъ впрямъ ѣхать, не было бы болѣ пяти поприщь (Рад. Сир. 80). Дабы ихъ поданные... не давали дочереи своих за природныхъ Турковъ толко за тѣхъ, что потурчились, развѣ *когда бы* ѿступника какова не было, тогда волно дочерь свою за турченина выдать (Дв. цес. Тур. 69). имъ по закону махметовꙋ вина пить не годитца, и *когда бы* на которогѡ извѣщено, жестокѡ бы его казнено палками (Дв. цес. Тур. II. 18). а *когда бъ* кто уснулъ слушая казания, тогѡ никогда впредъ до мосхіи не пустятъ (65). такожъ хто бъ заѣхалъ тамъ съ женою. имѣлъ то собѣ за щастье, *когда бы* ему жена тамъ зачала (70).

И совершенно аналогично выступает в таких потенциальных предложениях союз *егда бы*: и *егда бы* господь богъ исцѣлить изволилъ, обѣщахся путь во іерусалимъ ко гробу господню... (Рад. Сир. 10). *егда бы* кто изъ христіанъ творити дерзнулъ, абіе возбранено бы (53). По истиннѣ нынѣ сицевыя суть знаки святыя на верху, яко *егда бы* кто въ мягкую глину свежо руцѣ и нозѣ влѣпилъ (53). *Егда бъ* ваше царское величество при семъ случаѣ мнѣ сто червонныхъ во отчетъ моего жалованья прислать изволили, зѣло бъ я симъ обязанъ былъ (Письмо Огильви. Птр. IV 567).

Именно из таких потенциальных предложений выделяются постепенно предложения также потенциальные, но с дополнительным значением желательности выполнения условия: Зело бы было высоко потребно, *когда бъ* вы ізволили то дѣло ісполнить (Птр. I. 458).

Хотя значение желательности выполнения данного условия указывается здесь не самим подчинительным союзом, а всем содержанием главного предложения, но возможность употребления здесь союза *когда бы* приводит его к значению союза цели или союза дополнительных придаточных предложений (= что): О, *когда бы* сіе случилось. О, когда бы ты явилась... (Пушкин. Сл. АН).

Собственно условное значение одного союза *когда* (без *бы*) — очень редкое явление в др.-рус. письменности, причем оно известно лишь из очень поздних памятников (не ранее XVIII в.): провѣдать, въ какову цѣну станутъ кумпанія друкарей книжныхъ, *когда* ихъ нанять на 2 года (Птр. IV. 30). И царь обѣщалъ меня злои смерти предать *когда* я ему меча не принесу (Лек. от задумч. 61).

Замечательно при этом, что соответствующий союзу *когда* союз *егда* значительно раньше встречается в письменности в довольно четком значении условного (иногда в чередовании с *аще*): Достоитъ быти священнику яко свѣту, и егда есть самъ свѣтъ, тогда можетъ и иныхъ просвѣщати, *аще ли* будеть самъ тьма, не можетъ просвѣщати (Митр. Фотий. 1430 г. А. и. I. 69). Но это — исключительно редкие примеры.

Совершенно необычным нужно считать употребление союза *егда* в качестве союза в уступительных предложениях, что встречается в единичных примерах: *Егда* азъ островъ Критский описовахъ кратко, тамо о семъ речено, каковая есть разнь небесе и воздуха (Рад. Сир. 79). Употребление условных союзов в уступительных предложениях вообще вполне обычно. Традиция такого употребления могла приводить и союз *егда* в уступительные предложения.

Вполне сходно с русским употреблением в сербском языке союза *када* (*кад*) в временных и условных, и союза *када би* — в ирреальных условных предложениях: *кад* то чуо славан цар Лазаре. Он говори царици Милици. *Кад* ме питаш, право ћу ти казат. Па *кад* она не би послушала, ја бих њење руке осјекао (Кар. 256, 235).

О фонетической близости сербского *када* и *кад* к русскому *когда* говорят русские диалектные формы *кода́* (Сл. АН).

Союз *только*

В памятниках др.-рус. письменности наречие *только* и параллельные ему ц.-сл. *тъкмо* (*токмо*) и *точию*, а также диалектная форма *токо* выступают нередко в первом предложении условного периода в качестве своеобразного показателя формальной подчиненности одного предложения другому с логической связью условия — следствия. *Толко* приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учити да отпущаю боржае (Геннадий арх. 1496 г. А. и. I. 147). А толко де государь ево не пожалуетъ,... и мнѣ де то будетъ за великую досаду (Пер. Мих. Фед. 20). Несомненно, эти предложения являются условными и подчиненными, и роль показателя подчиненности выполняет наречие *только*. Правда, мы могли бы читать эти тексты и без наречия *только* как условные предложения, но этот метод исключения не дает возможности вполне точно определить конструктивную роль (или отсутствие ее) наречия *только*, ибо в большинстве случаев и остальные союзы условного предложения могут быть опущены без нарушения смысла и без потери предложением его условного характера.

То обстоятельство, что наречие *только* сравнительно редко встречается в таком значении в др.-рус. письменности, также не может говорить за то, что оно — не союз, так как союз *ли*, напр., в письменности в условном значении еще реже, чем *только*. Поэтому у нас нет оснований не считать его обычным подчинительным союзом. Но, конечно, точнее было бы определять его лишь как наречие, выдвигавшееся на роль подчинительного союза в языке некоторых социальных групп. Что процесс этот не был закончен, об этом можно судить как по тому, что наречие

не потеряло здесь окончательно своего значения наречия (усилительного), так и по тому, что наречие *только* не получило в письменности широкого распространения.

Наречие *только* (*токмо, точию*) имеет значение показателя или точного совпадения во времени или ближайшего следования одного события за другим, отмеченным наречием *только*. Говоры и фольклор дают примеры такого употребления *только*:

Садился в седелечко черкесское
Только он в ворота выехал
В чистом поле дым столбом.
(Был. С. 206).

Однако связь по времени, вероятно, вторичное явление в значении *только*. Более обычно ограничительное значение его, связанное, первоначально, повидимому, с указанием на место действия.

В этих случаях отмечаемое наречием *только* явление выделяется из круга однородных с ним явлений как не подлежащее действию, совершающемуся в отношении этих однородных с ним предметов,

...никого не нашли в зеленом саду
Лишь *только* в зеленом саду увидели
Увидели новую диковинку.
(Был. С. 379).

Это ограничительное значение *только* хорошо представлено в памятниках др.-ц.-сл. языка, особенно при отрицательном сказуемом. Напр.: Никто же не знаетъ сн҃а *тъкмо* от҃цъ ни от҃ца кто знаетъ *тъкмо* сн҃ъ (Мар. ев. 36_{17}).

Но как раз такие члены предложения с значением ограничения допускают свободную перестройку в условные предложения и наоборот, многие условные предложения допускают упрощенную передачу в виде простого предложения с показателями ограничения, изъятия из общего положения для некоторых членов такого предложения. Сравним два почти одинаковые по содержанию текста из того же Мариинского евангелия: 1) никтоже придеть къ отьцу, *тъкъмо* мъноѭ (315_8) и 2) никтоже не можетъ прити ко мнѣ *аште* не от҃цъ привлѣчеть его (339_{21}). В современном языке ограничительное *кроме* легко может быть развернуто в условное предложение с союзом, *если* + *не*.

Это сходство значений „кроме“ и „если не“ можем наблюдать не только в русском языке. Латинское *nisi*, включая в себя союз условных предложений *si*, служит в то же время наречием ограничения, исключения. Предложения, подобные „de mortuis nil nisi bene“ могут быть переданы или как „ничего, кроме“... или как „если не..., то“, или как „или... или“. Последнее значение (разделительное) подводит уже вплотную к условному предложению, так как „или... или“ = „если не то, то другое“.

В русском языке переход наречия *только* в союз условных предложений мог осуществляться тем и другим путем: в качестве наречия времени *только* могло переходить на роль формального показателя в условно-временных предложениях, не дававших еще четкого разграничения отношений временных от отношений условия-следствия, в качестве наречия ограничения *только* могло соответствовать условному союзу.

Имеем возможность сравнивать один и тот же по содержанию текст в двух разных переводах с польского: 1) воротъ въ томъ городѣ не

отпираютъ, *только* въ другомъ часу дня, а запираютъ за часъ до ночи (Дв. цес. Тур. II 10). 2) то̑ городка не ѿворяютъ, *только* ужъ часъ *будетъ* по всходе слн̑ца, такоже за часъ предъ захождением затворяютъ (Дв. цес. Тур. 8). И первый текст дает выход из противоречия („не отпирают — только в другом часу") в условно-временном „пока не настанет второй час". Но гораздо яснее временные связи во втором предложении. И это не только потому, что дано дополнительно наречие *уж*, но и потому, что наречие *только* включено в отдельное предложение, связанное с предыдущим по типу условно-временных связей. Часто еще более ясно выступает временное значение предложения с наречием *только*. Так, напр.: и провѣдавши о смерти отца своего, о которой даютъ ему вѣсть изъ Шараю (скоро *только* умретъ) незнатно бѣжитъ въ Царьградъ (Дв. цес. Тур. II. 57). Конечно, такие предложения являются временными. Переход отсюда к условным предложениям был возможен лишь постольку, поскольку условные выделялись в процессе уточнения логических связей из общей массы нечетких условно-временных. Целый ряд текстов показывает эту промежуточную между временными и условными стадию, и мы можем читать одно и то же предложение с наречием *только* и как условные (=*если*) и как временные (=*как только*...). Да оже смерть ся ему пригодитъ тогды въ томъ пакы волно будетъ, въ чемъ его поставитъ, а толко востанетъ онъ отъ тое болѣсти и здравъ будетъ, ино ему опитемья подняти. (Киприан митр. 1395 г. А. и. I. 20), они поучився мало азбуки да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити. А инымъ вѣдь силы книжные немощно достати, *толко* же азбуку выучитъ, и онъ силу познаетъ въ книгахъ велику (Геннадий архиеп. 1496 г. А. и. I. 147).

Переход от ограничительного значения *только* к условному также можем наблюдать в текстах: а инымъ всѣмъ туркомъ обвѣшивать стѣнъ нѣмочно и нѣ велено *толко развѣ* около постели немного (Дв. цес. Тур. II. 31). Такое синтаксическое строение производит впечатление не вполне оформленных отрывков предложения. В современном языке оно почти невозможно; вместо него обычно вводится ограничительная формула типа „если не считать..." Поэтому современная школьная грамматика совсем не учитывает возможности построения предложений с ограничительным *кроме*. В классификации предложений они не находят себе определенного места и стоят на грани между так называемым приложением и противопоставленными однородными членами предложения.[1] Шахматов рассматривает предложения с „кроме" в отделе „Релятивное дополнение предложное".[2]

Что условный характер предложения не создается, а лишь подкрепляется союзом-наречием *только*, видно из того, что союз включается нередко в конструкцию с глаголом в условном наклонении (с частицей *бы*), дающую (хотя и не всегда) ирреально-условное значение.

Вот примеры употребления *только бы*. 1) Ирреальные: *Толко бы* насъ не берегъ столникъ и воевода... Ржевской, уже бы мы едва въ живыхъ были (А. и. X. 339). убили ево крымскіе люди... а *толко бы* Иванъ былъ живъ, и поверстати было ево другою статьею (Ряж. д. 313). А тебя у насъ утаили, а *толко бы* мы вѣдали кое ты живъ, и намъ было (Д. Т. пр. II. 38). а нынѣ и самѣхъ васъ в хлѣбное время *толко бы* не

---

[1] Термин „обособление", применяемый в отношении их в школьной грамматике, ничего не говорит о характере связи их с остальными членами предложения и может преследовать лишь узко практические цели пунктуации.

[2] Синтаксис русского языка, ч. I, Л., 1925, стр. 373.

Шереметевъ прекормилъ, и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети. Пригоже ли такъ?.. (Посл. Ивана IV в К.-Б. м-рь. А. и. I. 383). Мартинъ... все васъ оманывалъ, а *толко бы* вы крѣпко прочитали евангеліе, то бъ вы нашли (Прен. 175); 2) потенциальные: ихъ же бы всѣхъ возмогъ убити, *толко бы* хотѣлъ, занежа их купилъ есть (Рад. Сир. 120). обѣщалась возвратити, *толко бы* мошно было (Р. д. 132).

Наречие *только* не превратилось окончательно в союз и не получило широкого распространения в условном значении. Даже и те авторы, которые знают его в качестве союза, нередко дают при нем одинъ из более употребительных условных союзов (*аще, буде* и др.). Наречие остается в значении усилительного и ограничительного. Оно указывает или что только одно условие и нужно для достижения определенного следствия, или что выполнение условия совершенно необходимо.

Повидимому, нередко имело место именно такое, усилительное значение *только*. Напр.: *Аще только* отвержетца Амиръ царь правдою вѣры своея и днесь креститьца во святое крещеніе, и иного вамъ зятя таковаго не обрѣсти (Девг. д. 154). Такое употребление *только* известно и в современном языке, но и здесь оно более характерно для разговорной речи, чем для письменности. Так, в „Сказке о царе Салтане" Пушкина: „*Если только* жив я буду, Чудный остров навещу..." и „*Коли* жив я *только* буду, Чудный остров навещу..."[1] В фольклоре довольно обычно такое соединение *только* с иными условными союзами: Кто *только* розыщет мою дочь,... за того я отдам замуж (Рус. ф. 347).

На ряду с объединением *если только, буде только* и под. встречаем чередование *если* || *только*, *буде* || *только* и под. И то, что употребление *только* здесь не создает и стилистических отличий в сравнении с употреблением обычных условных союзов, говорит о достаточной выразительности союза *только* у отдельных авторов ,считающих его обычным условным союзом. Напр.: И Алексѣй... говорил: *только* изволит ц-ое в-во отписать о том Александру царю..., и царь Александр... И митрополит сказал: *есть будет* ц-ое величество к Александру царю и к католикосу отпишет, и то е. ц-го в-ва повеление исполнят (Толоч. 159). *тако* (=только) вы менѣ з дружиною побьете Новымъ городомъ, буду вамъ платить дани... а *буде* же я вас побью, и вы мне покоритися, то вамъ платить (Кир. Дан. 33). *толко* менши ста талереи есть долженъ. и за то заключенъ, всякого своею казною выкупить, а есть ли бы между ими объявился нарочитой чл҃къ... тогда нѣсколко тысечь... заплатить (Дв. цес. Тур. II. 25).

Мы можем отметить некоторые тенденции к закреплению за наречием-союзом *только* специального значения показателя такого условия, которое сам автор считает или маловероятным, или неожиданным, случайным: Да и квасъ бы естя въ монастырѣ велѣли имъ для ихъ нужди про себя держати: гдѣ то слыхано, что въ монастырѣ питье выимать? а *толко* въ которомъ монастырѣ питье учнутъ не про собя держати, для продажного питья, и такихъ не заповѣдью надобно смирять, и кнутьемъ пробить... (Грам. 1574 г. А. и. I. 355). на вѣкъ съ крохой, *толко* муха не отоймет (Сим. посл. 188).

Такая специализация значения *только* не была проведена последовательно, и мы встречаем *только* в обычном значении союза: А приба-

[1] А. С. Пушкин, т. 2, ГИЗ, 1936, стр. 305, 311.

вить ему, князю Ивану, на порубежных людей, только Государь укажетъ, больше чети сохи не мочно (Устюж. 453).

При употреблении же *только* в предложении, имеющем один из обычных условных союзов, создавалось некоторое усиление значения союза, его подчеркивание: *будетъ толко* кто крещенъ истиннымъ крещеніемъ... того не велѣлъ бы крестити второе. Аще ли кто крещенъ отъ еретикъ, то... (Прен. 313—314). и только будетъ Григорей Ѳедоровъ съ товарищи... не съѣхались, и вы бъ того не дожидали (Дело Шемякина 1517—1523 г. А. и. I. 181). Такое значение упоминания условия как само собой разумеющегося представляют и случаи включения наречия *только* в условную конструкцию с несколькими союзами: и язъ... князя поотвѣдаю накрѣпко, *толко будетъ ажъ* не убитъ (Розыск. дело 1521 г. А. и. I. 90).

Проникновение наречия *только* в условную конструкцию происходит не совсем обычным путем. В то время как утвердившиеся в дальнейшем союзы условных зарождаются в недрах того предложения, которое становится подчиненным, союз-наречие *только* приносится извне в готовую уже конструкцию условного, получившую свою формальную выразительность в инверсии первого предложения, в особой интонации, в употреблении соотносительного союза во 2-м предложении. В таком случае конструкция с *только* давала бы пример одного из многих способов перестройки бессоюзного условного предложения в союзное. Следующий текст представляет отступление от обычного типа (бессоюзного) тех стандартных формул, которыми изобилуют грамоты: А смѣшается судъ смѣсной съ моими людми архимандричимъ людемъ, и *только* архимандричихъ утяжутъ, и тѣ его люди архимандриту и съ виною, а *только* моих утяжутъ, и они волостелю и съ виною (Грам. 1499 г. А. и. I. 158).[1] Вероятнее всего, что второе предложение в таких условных периодах имело соотносительный союз уже до того, как в первое предложение включалось наречие *только*. Тогда роль наречия *только* может быть определена как роль добавочного знака подчиненности, внесенного сюда в связи с тем, что конструкция с одним соотносительным союзом, отставая от логического развития условного предложения, не могла уже достаточно ясно показывать ни того, что предложение является формально подчиненным, ни того, что подчинение имеет логическую связь условие-следствие. О том, что соотносительный союз внесен во 2-е предложение раньше, чем в 1-е предложение внесено наречие *только*, можно судить по тому, что в этих предложениях соотносительный союз почти никогда не опускается. Кроме того, из соотносительных союзов здесь очень нередко *ино* и *то*. А эти союзы в большей степени, повидимому, чем союз *и*, могли показывать условный характер подчиненного предложения. Сравним: 1) временной или условный характер: А *только* учнешь по круглой башнѣ стрѣляти..., *и* ты займи ее стрѣлбою по прежней вышинѣ (Уст. рат. дел. 2. 108); 2) условный характер: только пожалуешъ ты... Дмитрія Юрьевича *ино* то еси и мене... пожаловалъ, а толко не пожалуеши князя Дмитрія, *ино* то еси и мене... не пожаловалъ (Посл. Углиц. духовенства 1477 г. А. и. I. 80). и *толко* постриженіемъ вражды мірскія не разрушити, *ино* то и царства и боярства и славы мірскія никоея не отложити (Посл. Ивана IV в К.-Б. м-рь. А. и. I. 384). Знаютъ и глупые, *толко* на верху земли оставить всего человѣка до

[1] Сравним: А случится судъ смѣстной... и ихъ тіуни судятъ... а правъ ли виноватъ ли монастырьской человѣкъ, инъ и въ правдѣ... (Грам. 1462 г. А. и. I. 125). Или: а правъ будетъ или виноватъ городской человѣкъ,... и онъ... (Грам. 1472 г. А. и. I. 154).

пояса непогребена, то звѣри ...съѣдятъ (Прен. 171). А *только* де расширить дорогу, *и то* де можно сделать и телегами ходить (Толоч. 120).

Примеры с опущением соотносительного союза при *только* единичны и могут свидетельствовать о том, что в языке отдельных авторов наречие *только* достигало полного значения подчинительного союза. Примеры могут быть даны или из деловой речи (грамоты) или из записей, передающих чужую речь буквально:... *толко* у нихъ тѣ деревни отняти, иной монастырь будетъ пустъ (Нв. я. 280). против того ответу говорил: *только* я пошлю к ц-му в-ву внука своего, даст ли государь за него сестру свою? (Толоч. 40).

Недостаточно широкое распространение союза *только* не позволяет точно определить социальный круг его применения. Мы видим его в деловой речи, но не в частных юридических актах, хотя условные предложения в них широко распространены. Скорее всего — это черта, свойственная деловому языку центральных канцелярий (Псковская судная гр., царские грамоты XVI в., послания некоторых митрополитов — конец XV — начало XVI в., писцовые книги). Далее — в донесении стольника Толочанова, в записи „Прений о вере" Ивана Наседки. Знает его Иван IV (послание в К.-Б. м-рь), Пересветов.

Характерно, что нет такого способа подчинения у Аввакума, нет у Петра. Встречается *только* (в значении условном) в фольклоре, но сравнительно редко. Современные говоры деревни не знают его, повидимому, совсем.[1] Можно думать, что союз-наречие *только* было распространено в разговорном языке боярства и царской семьи (до конца XVII в.). Редкие случаи употребления его в летописи (единичные примеры в Псковской I летописи, в Ермолинской) — вероятно, воздействие языка этих кругов.

Потебня,[2] приводя из былины (в записи Кирши Данилова) союз *то коли*, считает, что он составлен из *то* и *коли*.

Гой еси Василий Буслаевич
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла
Тебѣ дамъ благословеніе великое.

Вероятно, однако, что здесь не *то* + *коли*, а *токо* + *ли*, где *токо* = = *только*. Мы не могли бы указать ни одного примера, где в первом предложении условного периода являлось бы местоимение *то* в качестве союза. Его обычное место во 2-м предложении (соотносительный союз). Форма *токо* вместо *только* — вероятно, фонетическая. Она изредка проникает в письменность и является вместо *только* и на ряду с ним. Так у Толочанова: *токо* буде дает дадьянской рати и сам с ратью подыметца... и он ему хочет... дати внука своего А *токо* буде дадьянской не дасть ему... рати, и он... хочет и сам ехать... (Толоч. 49). В такой форме и у Кирши Данилова: не ты ли Алеша Поповичь младъ. *токо* ты Алеша Поповичь младъ, семъ побратуемся с тобой (Кир. Дан. 76). У него и форма *тако* (если это не описка): *тако* вы меня з дружиною побьете... буду вамъ платить дани... а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритися... (33).

Л. А. Булаховский[3] считает, что предложения с наречием только в условном значении есть результат эллипса союза условных. Но эллипс —

---

[1] Хотя судить о том, чего нет в говорах (в области синтаксических явлений) вообще очень трудно: нет соответствующих материалов.

[2] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 296.

[3] Исторический комментарий... стр. 250.

последний момент в развитии сложно-подчиненных предложений. Приведенный нами материал не может говорить ни о том, что предложения с условным союзом и усилительным *только* достигли общего употребления, ни о том, что они были распространены в среде, хорошо знающей *союзное* подчинение (а только при этих условиях и можно бы было говорить о возможности эллипса). Примеры на объединение *только* с *буде, если* и др. должны также считаться не первым, а последним этапом развития конструкции с *только*. Мы определяем эту конструкцию как результат неудавшихся и разрозненных попыток отойти от бессоюзного строя в подчинении к союзному подчинению, где наречие *только* могло играть роль формального показателя подчинения в то время, когда у отдельных социальных групп не были выработаны еще иные способы подчинения (посредством специальных союзов).

Союз *разве*

Союз ограничения *разве* (в значении *кроме*) выдвигался на положение союза в условных предложениях в специальном значении показателя единственного случая, когда данное в главном предложении явление не наступит.

В памятниках др.-ц.-сл. языка наречие-союз *развѣ* появляется на месте условного союза с отрицанием (в греческом *εἰ μὴ*). Так, в Мариинском евангелии, на ряду с узким значением *кроме* (в простом предложении), находим *развѣ* в тех предложениях, которые уже намечают переход к сложному. Это значение в дальнейшем развитии приобретало смысл оговорки, выражаемой ныне словосочетанием „если не считать". Так, напр.: і забышѧ вьзѧти хлѣбы. і *развѣ* единого хлѣба не имѣахѫ съ собоѫ въ корабли (Мар. ев. 145_{15}; греч. *καὶ εἰ μὴ ἕνα ἄρτον οὐκ εἶχον*; лат. nisi unum panem.). Определение союза *развѣ* как ограничительно-условного, которое дает Л. А. Булаховский,[1] хорошо отмечает двойственную роль союза. Исключение одного явления из круга подобных ему мало отличается от противопоставления двух явлений. Но как ограничение, так и противопоставление — в теснейшей связи с выражением условных и, особенно, уступительных предложений: и в ограничительных и в противительных обычны условные союзы (см. примеры на стр. 6, 115). Кому помощи, *аще* не ты. (Авв. Бес. 397) — это вполне соответствует „кому, кроме тебя". Возможно и обратное явление — употребление противительного союза в значении союза ограничительно-условного. Так, в др.-ц.-сл.: тать не приходитъ, нъ да оукрадетъ и оубиетъ (Мар. ев. 357_{28}), где в греч. *εἰ μὴ ἵνα*... в лат. nisi ut...

В этом значении развитие союза *развѣ* вполне аналогично развитию союза *только*, также имевшего значение показателя противоположности и ограничения, но союз *развѣ* не получил широкого распространения в письменности.

Точно выраженное значение единственного условия создается при употреблении *развѣ* всегда, когда отмечаемое им явление перерастает из члена предложения в целое предложение. Имеем поэтому возможность наблюдать переходные моменты в значениях *развѣ* от *кроме* до *если не*. Напр.: 1) И не ставаютъ въ немъ *развѣ* (=*кроме* или *кроме как*) меншіе суды (Рад. Сир. 98). 2) Турки рыбъ не ѣдятъ никогда, *развѣ* по неволи ѣстъ рыбу (Дв. цес. Тур. II. 71) — конструкция уже

[1] Исторический комментарий..., стр. 251.

приближается к выражению условия, так как *развѣ по неволи* — почти равняется *если есть* нужда. 3) Чтобъ не давали дочерей своих за Турковъ природныхъ, только за потурковъ; *развѣ* не будетъ на тотъ часъ потуркана, то тогда вольно выдать за Турчина (Дв. цес. Тур. II. 66) — это уже обычное бессоюзное условное предложение с усилительным *развѣ* (= *только*), указывающим, что при выполнении единственного условия следствие (первое предложение) не состоится.

Но такая законченная конструкция встречается редко. Обычно здесь промежуточное положение между отрывком предложения и целым предложением, причем порядок всегда обратный, т. е. условно-ограничительное стоит после главного. Но и в таких конструкциях, раз только условие достаточно четко выражено (а это может осуществляться постановкой соотносительных союзов *то, так, тогда*, что и видим в последнем примере), союз *развѣ* не приобретает полной выразительности условного союза; в нем развивается лишь ограничительное значение (*только*). Так, напр.: а когда бъ кто уснулъ, слушая казанія, тогѡ никѡгда до мосхіи не пустятъ, *развѣ* ѡнъ сходитъ ко гробу махомету (Дв. цес. Тур. II. 65). а ктобъ нДлю не былъ в мосхѣе, тотъ гораздѡ согрѣшилъ и извѣстному наказанію подлежитъ, *развѣ* бъ былъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ бъ мосхѣи не было (Дв. цес. Тур. 66). Имъ бѡ ѿтѣдѹ нѣмочно выйтить до смерти, а всѣ имѣютъ исполненіе свое, *развѣ* бы которая шла замужъ за пашу какого (Дв. цес. Тур. 27). должны всѣ.... возвратиться, *развѣ* кто подлинно узнаетъ, что непріятеля достичь.... можетъ (Птр. I. 67). такова наказать смертью, *развѣ* законная причина къ тому ево привела (68).

Вытеснение союза *развѣ* из условных конструкций идет обычным путем включения действительных союзов условного предложения, при которых союз *развѣ* получает лишь ограничительное значение. В дальнейшем происходит замещение его и в этой позиции ограничительным *только*: легкому судну... зѣло полезно, *развѣ аще ли* буря наступила, удобно можетъ изврещися (Рад. Сир. 112). а объ иномъ ни о чемъ не прошу, *развѣ есть ли* будутъ инструменты математецкіе или тимерманскіе (Птр. I. 26).

Современный литературный язык и говоры знают лишь вопросительное наречие *разве*,[1] соответствующее частице *ли*, но значительно более акцентированное, обычное поэтому в риторическом вопросе, предполагающем отрицательный ответ. Но именно это значение характерным является (в говорах) и для действительных союзов условного предложения *коли, как, когда*, сопровождающихся отрицанием.[2] Поэтому *развѣ*, генетически связанное с *раз*, должно было первоначально иметь вопросительное значение *в каком случае*. Ограничительно-условное его значение, развившееся из вопросительного, не представляется ясным во всех своих переходных моментах, между прочим, потому, что оно было создано, повидимому, не в русском, а в др.-ц.-сл. языке. Мы располагаем лишь незначительным количеством примеров его в русской

---

[1] Говоры, повидимому, не все. Подвысоцкий (Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885) не приводит его. Нет его также, кажется, в белорусском. Носович (Словарь белорусского наречия. СПб., 1870) не дает его.

[2] Относительно *коли* см. стр. 95. Употребление *когда* в говорах вполне аналогично такому *коли*, и каждый пример с *коли* мог бы быть замещен посредством *когда* без нарушения стиля. Примеры на отрицательно-вопросительное *коли — когда — как* см.: Словарь Академии Наук, т. IV, вып. 1, стр. 173—174; т. IV, вып. 4, стр. 1280; т. IV, вып. 5, стр. 1473.

письменности XVII—XVIII вв., где союз *развѣ* выступает как церковнославянизм с противопоставленным ему русским ограничительно-условным *только*.

Некоторые иные значения развѣ, свойственные также и более обычным союзам условных предложений, напр., значение *быть может, быть может только* (в вопросе-предложении) развились также из его вопросительного значения. Напр.: началныхъ людей взять негъдѣ, самъ знаешь, *развѣ* выбирать неволею (Птр. I. 344). и ты съкажи, чьто отдадутъ цело, не токмо іхъ, но і своей работы, развѣ чьто прибавочьное разорятъ (333).

Союз *нечто*

О вопросительном наречии *нечто*, создавшемся на основе отрицательного или неопределенного местоимения, в данной связи приходится говорить лишь в той мере, в какой придаваемое им предложению значение предположительности довольно легко совмещалось с значением условности.

Располагаем незначительным количеством примеров употребления *нѣчто* в русских памятниках XV—XVII вв. в условных предложениях, причем все случаи такого употребления идут из делового языка. Современный литературный язык не знает ни такого употребления *нечто* в условных предложениях, ни его значения риторического вопроса.

Конечно, *нѣчто* не является подчинительным союзом условных предложений, но оно сопровождает бессоюзную условную конструкцию на некоторых ступенях ее развития и выделения из них более специализированных значений предположительной условности. Значение такой предположительной обусловленности оформлялось посредством *нѣчто*, повидимому, лишь в разговорной речи некоторых групп, не порвавших языковых связей с крестьянством. Об этом можно судить главным образом по тому, что только современные говоры деревни знают *нечто* в значении вопроса с обязательным отрицательным ответом на него. Тип „а теперь *нешто* так гуляют?“ (МЭИЯМ, с. Арханское) — совершенно неизвестен литературному языку. Между тем только из такого значения *нечто* и могло создаться его значение „на тот случай, если“.

В первоначальном вопросительном значении *нечто* были даны, повидимому, и возможности решительного отрицания, и менее определенно-отрицательного ответа. Этот второй оттенок значения и дает в дальнейшем значение предположительности (= быть может). Говоры знают этот вопрос-предположение „нешто попробовать“? Такое именно *нечто*, соответствующее литературному *разве*, и включается в условную (бессоюзную) конструкцию, придавая условию значение сравнительно мало возможного случая. Напр.: А *нѣчто* я Василей не учну за нимъ Лаврентьемъ во крестьянехъ... жити... не учну... пашни пахати,... и на мнѣ ... деревенская пашня (Дьяк. Акт. тягл. 9).

В ряде случаев и этот оттенок малой вероятности выполнения условия остается невыраженным, и условное предложение с *нѣчто* приобретает обычный потенциальный характер, где, может быть, лишь несколько сильнее подчеркнута потенциальность: *Нѣчто* встрѣтитъ гдѣ ото князя Василья отъ Шемячича боярина его Левшу Терпигорева ... и Григорью часа того оттолѣ... послать гонца (Дело кн. Шемякина. 1517—1523 г. А. и. I. 180). И нынѣ бы Михалко Ильинъ въ Новгоро-

докъ не ходилъ, а былъ бы въ Брянску съ Григоріемъ Ѳедоровымъ; а *нѣчто* пришлютъ изъ Новагородка, ... и Григорей бы тогды послалъ (то же. А. и. I. 181). И *нѣчто* князь Андрей ... не послушаетъ, къ великому князю ѣхати не похочетъ, ... и владыкѣ Досиѳею говорити князю Андрею (Наказ Ивана IV. 1537 г. А. и. I. 201). А 81 году в разряде написано *нѣчто* придутъ к Ругодиву немецкіе люди для городового стоянья и быти воеводамъ по полкомъ (Счет Алф. Зас. 34). А *нѣчто* спросятъ, какъ нынѣ государь съ Руделѳомъ цесаремъ? И посломъ говорити (Ст. Тюф. 360).

Что в языковом сознании выражение условия как-то переплеталось с выражением возможности, показывают случаи объединения *нѣчто* с одним из условных союзов (обычно *буде*), причем такое объединение не создает четко выраженной условной конструкции, если за этим предложением не следует другого в качестве практического вывода из него; фраза приобретает лишь смысл вопроса-догадки, вопроса-предположения (=соврем. лит. „разве что“).[1] Напр.: А и нынѣ, государь *нѣчто* кто *будетъ* слышелъ ту безлѣпицу про меня въ Литовской землѣ отъ моего непріятеля которого (Дело кн. Шемякина 1517—1523 гг. А. и. I. 180). И Романъ Олѳерьевъ сказал: *нѣчто будетъ* какіе грамоты діаки казенные и подьячіе запечатали у меня с ыными грамотами вмѣстѣ... а язъ грамотъ не прочитаю (Счет Олф. Гол. 10). Учяли намъ говорити: *нѣчто* деи придетъ царь къ городу... и вамъ деи опять крестъ цѣловати... а *нѣчто какъ* лзѣ *будетъ* и князя Ивана гдѣ изымати и вамъ деи и князя Ивана поимати (Розыск. дело 1521 г. А. и. I. 188).

Употребление *нѣчто* не было широко проведено в письменности. Этим, главным образом, и отличается оно от обычных подчинительных союзов в условном предложении. Но и по значению и по употреблению *нѣчто* вполне подобно наречию *только*, также не получившему широкого распространения в письменности. По своему первоначальному значению и по употреблению в риторическом вопросе *нѣчто* может быть поставлено в ближайшую связь с действительно условными союзами *коли, как, когда.*

---

[1] Обратной стороной этого явления нужно признать употребление *буде* (союз условных предложений) в значении предположения. У Даля приведено новг. *буди*: Глянь пыль взнялась, *буди* кто едет. В говорах и *будешто* (где *что* — составная часть *нечто*): Коли *будéшто* вздумаешь, так приходи (Д. сл.).

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Союз *хотя*

Уступительное предложение, утверждая постоянную необходимость причинной связи между двуми явлениями, констатирует отсутствие такой связи в данном случае. Лерх[1] считает уступительные предложения противоположностью причинных. Однако теснее связываются они и предложениями условными, являясь действительной противоположностью их, но такой противоположностью, которая все время имеет в виду основной вид (условный). Если в условных мы имеем формулу „явление *A* должно вызывать явление *B*“, то в уступительном отмечается „наличие явления *A* и отсутствие явления *B*“. Таким образом уступительное предложение есть частный и необычный случай условного. Еще более черт общих устанавливается у условных с уступительными в виду того, что первое явление (условие) может быть дано как предположительное (условно-уступительные). Лерх[2] отмечает, что они не всегда отличимы от условных, и чисто уступительные являются частью предложений, выражающих ограничение, между тем как весь круг отношений ограничения может быть включен в еще больший круг отношений противоположности.

Все адверсативные (выражающие отношения противоположности) могут быть выражены посредством условных союзов. И так — не в одном только русском языке; при обычном же смешанном употреблении условных и уступительных союзов (что опять-таки не в одном только русском языке) мы находим уступительные по форме предложения, которые выражают просто отношения противоположности: *хоть* (вар. *хоти*) тяжько ти головѣ кромѣ плечю, зъло ти и тѣлу кромѣ головы (Сл. о. п. Иг. 116). Правъда, что к(оролевское) в(еличество) многожды обнадеживалъ ... аднако *хотя* отчасти вѣрится отчасти же сумнѣнию подлежитъ (Птр. III. 30).

Ограничение также выражается вполне сходно с чисто уступительными предложениями, для которых нередко берут союзы условных предложений: Аще бо и еретическое въ нихъ ученіе и проклято, толке (вар. но) у нихъ еще поставленіе есть (Прен. 306).

Примеры, подобные приведенным, только внешне связаны с выражением уступительных. Они не допускают перевода на современный нам язык посредством „несмотря на то, что...“.

Однако мы должны рассматривать и такие предложения вместе с четко выраженными уступительными: анализ употребления в них условно-уступительных союзов поможет с большей полнотой выяснить

---

[1] E. Lerch. Historische Französische Syntax II. Leipzig, 1929, стр. 333.
[2] Ibid., стр. 346, 348.

и процесс развития данной синтаксической конструкции, и путь создания специальных подчинительных союзов.

В основном же речь должна итти о двух видах чисто уступительных предложений:

1) реально-уступительных: и смирю тѧ со ѿцмь мои аще и брата моѥго ȣбилъ (еси) (Л. л. 238) и

2) условно-уступительных: Иеремѣꙗ же рс аще станеть Самоиле и Моисѣи, не помилую ихъ (Л. л. 98).

Если уступительные предложения так тесно связаны с условными, что обычно являются констатированием отсутствия ожидаемого следствия при выполненном условии, то нужно думать, что эти предложения принадлежат лишь очень позднему, хорошо развитому языку, знающему многие типы логических связей в подчиненном предложении. Они, вероятно, слагаются на базе развитого условного предложения, колеблясь иногда между формами других связей (связь по противоположности, разделительности, ограничения). О сравнительно позднем развитии подчиненного предложения уступительного говорит, кроме общих соображений о трудности этой логической связи, почти полное отсутствие бессоюзного подчинения таких предложений. Могут быть приведены лишь немногие примеры такого подчинения, причем все они из фольклора или из говоров деревни.

Примеры из пословиц: Слово не стрела, а к сердцу лнет (Сим. посл. 196). Пернула (в подводы) не дернула (193). Мертвый у воротъ не стучитъ, а свое возметъ (121). Лошадка маленка, а седлȣ мѣсто бȣдетъ (118). Зобъ кривъ, а сыта птичка (105). Уменъ да скуденъ и глубъ (= глуп) да богатъ (210).

Примеры из МЭИЯМ (р-н оз. Селигер): Умирай, а кромку хлеба запасай (д. Березник). Уш сколько она веревочка вьется, а оборвется (д. Асинушка). И не вор, а украду (д. Березник).

Но и из приведенных примеров, быть может, только два последних дают уступительное предложение. Остальные — или предложения противоположности, или предложения ограничения; однако в литературном языке они были бы оформлены так же, как и чисто уступительные предложения. Видна здесь и общая тенденция, последовательно проведенная позднее и в предложениях с подчинительными союзами, — усилить и акцентировать первое предложение постановкой усилительных *уж*, *и*, *сколько ни* ..., а логическую связь противоположности и формальное выражение подчиненности выразить обязательной постановкой союза *а* во втором предложении.

О позднем же времени развития уступительных предложений говорит и то, что они первоначально не имеют специальных подчинительных союзов, а пользуются союзами условных предложений. И это не в одном русском языке.

Но союзы условных предложений (напр., *аще*, *ли*) по семантике своей связаны с глаголами и именами, выражающими желание, волю.

В русском языке обычным союзом уступительных предложений является союз *хотя* в его различных фонетических формах (*хоша*, *хоть*, *хоти*, *хотяй*, *хошь*, *хочь*).

Можно бы и не оговаривать, что тот же союз служит и для выражения ограничения. Но необходимо отметить, что союзом *хотя* присоединяются не только целые предложения, но и однородные члены предложения.

Союз *хотя* встречается уже в древнейших памятниках русского

языка, но в письменности широкого распространения он достигает лишь во второй половине XVII в. в связи, вероятно, с тем, что вообще в это время в письменности др.-ц.-сл. лексика во всех почти жанрах, кроме чисто церковно-религиозных произведений, уступает место русской лексике, проникающей сюда столько же из делового языка приказов, сколько и из разговорной речи тех социальных кругов, которые могли оказывать влияние на формирование литературного языка по своему положению лиц правящих или по своему образованию. До этого времени союз *хотя* преимущественно употребляется в деловой речи (есть несколько случаев употребления уже в „Русской Правде"), очень редко в высоких литературных жанрах, подвергшихся сильному влиянию др.-ц.-сл. языка, напр., в летописи. Примеры же его употребления, напр., в житийной литературе — единичны. Первоначально, повидимому, союз получил признание в том литературном жанре, который всего ближе стоит к разговорной речи — в частной и деловой переписке. В XVII в. мы встречаем его часто в переводной (с польского) литературе: „Римские деяния", „Хождение Радивила Сиротки", „Двор цесаря Турецкого" и др. Широчайшее применение союза *хотя* можно наблюдать в фольклоре. Так, сборник пословиц XVII в. дает наибольшее количество примеров с *хотя* (имеем в виду и иные фонетические его формы).

Все это время (до начала XVIII в.) в высоких литературных жанрах и, прежде всего, в религиозной литературе держится в качестве союза уступительных предложений союз *аще*, широко распространенный в письменности в качестве условного союза. Союз *аще* — церковнославянизм, и его употребление в уступительных предложениях в русском языке ничем не отличается от употребления его в памятниках др.-ц.-сл. языка, где он был единственным союзом уступительных предложений.[1] Как в др.-ц.сл., так и в русском, союз *аще* в уступительных предложениях (в отличие от предложений условных) сопровождается союзом *и*. В главном предложении дается или отрицание, или противительные союзы *а, но, да, ино*; реже — местоимение *то* и наречия *обаче, всяко(же), только*. Иногда имеет место и объединение соотносительных союзов — *но обаче*.

Такое построение уступительных предложений представлено памятниками, различными по содержанию и стилистическим заданиям. *Аще и* вѣщя душя въ дьрзѣ тѣлѣ, нъ чясто бѣды страдаше (Сл. о п. Иг. 96). ѿ варягъ бо прозваша Роусью а первое бѣша Словене, *аще и* Поляне звахуса. но словеньская рѣ бѣ въ нихъ (Л. л. 28). и внутрь церкви тоя все выгорѣ и съ людми. Чудотворная же мощи... на нихже *аще и* бысть нѣчто видѣти огненаго знаменіа, *но обаче* богомъ тако сохранени быша, яко... (Ник. л. 230). и покаяніе ни во что же полагаютъ глаголюще: какъ престанетъ грѣхъ творити, *аще* у священника *и* не покаялся, *то* нѣсть ему грѣха (Иван IV Максиму Греку. 1552 г. А. и. I. 297). Доброму сему и преудобреному ѿрокоу, *аще и* в' мирьстѣмъ оустроеніи живоущоу емоу тогда, но *оба* бгъ свыше призираше на него (Жит. Серг. 43). *Аще* онѣ насъ *и* мучатъ и губятъ, а сами дрожатъ: шлюсь на ихъ совѣсть нечистую (Авв. Бес. 351). онъ бо *аще и* вса погѫбилъ, а *всякоже* имѣлъ гной на которомъ сидѣлъ (Р. д. 308). А что сіе говорят яко и простому человѣку... возможетъ крестити, *аще* гдѣ (вар. *аще* гдѣ *хотя*) *и* церкви нѣсть, и о томъ... правила отрицаютъ

[1] В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 61.

(Прен. 311). (В этом последнем памятнике союз *аще* почти исключительно — союз уступительных предложений. Большинство условных в нем имеет союз *буде*.) *Аще* лютыя злобы на *тя* и ярятся *обаче* щитъ сей видя вскорѣ удалятся (Д. об Эсф. 263).

Несомненна генетическая связь союза *хотя* с глаголом *хотеть*. Необходимо лишь выяснить, в каких синтаксических позициях глагол становился только формальным показателем подчиненности и изменял основную свою семантику (*желать*) на почти противоположную, которую мы имеем в современном его значении *несмотря на то, что*.

Исходным значением того слова, которое становится потом союзом уступительных предложений, мы должны признать значение *если хочешь, если хотите*. Его конструктивная роль — роль сказуемого в бессоюзном подчинении условных предложений, т. е. на известной стадии развития уступительное является только еще выделяющимся из условного предложения. Мы уже отметили наличие постоянной связи между условным и уступительным, связи, формально выражающейся в сохранении за условным союзом значения уступительного. Рассмотрим сначала иные формы союза *хотя*.

Вѣть я знаю *хош* удави̂ь *хош* утопи(сь). нихто по тебѣ не потꙋжит (М. Д. 86). Здесь шесть предложений, а не четыре, как это может первоначально показаться: 1) Я знаю, 2) хош (= если хочешь), 3) удавись, 4) хош (= если хочешь), 5) утопись, 6) никто не потужит. Мы читаем фразу или как „*хоть* утопись. хоть удавись“, или как „утопишься *ли* ты, удавишься *ли*...“ Такого же типа предложение: „*хошь* чорта впряги, инъ не тянетъ“ (Сим. посл. 149) или (с другой формой союза) „*хоть* чорта впряги, а емꙋ кажетца лошадь“. (151). Мертвым да мерзлымъ *хошъ* (= *если хочешь*) тын подпирай (121). Изловя вошъ отпусти *хошь* (110).[1] Еще более раннее состояние союза и только первые шаги от условной конструкции к уступительной можем наблюдать в традиционном употреблении глагола-союза в фольклоре; напр.: воротись, другъ. *хошъ* я Добрыню оберну клячею водовозною. станетъ де Добрыня на меня и на тебя воду возить, а еще *хошъ* я Добрыню оберну гнедымъ туромъ (Кир. Дан. 29). Конечно, здесь *хошъ* = *если хочешь*, но и повторение его и не совсем обычная форма значительно стирают выразительность его семантики и приближают его к союзу *хотя* в его разделительном значении: *хошъ* клячею — *хошъ* туромъ = *или* клячею *или* туром. Такие примеры иногда не дают возможности решить, имеем ли мы в форме *хошь* сказуемое (глагол во 2-м л. ед. ч.) или союз: Злорѣчивой *хошь* языкъ отрѣзать, и она перстомъ киваетъ (Сим. посл. 105). Вернее, конечно, что здесь *хошь* — уже союз. Но в связи с этим предложение приобретает характер безличного.

Даже обычная форма глагола (*хочешь*) иногда дает впечатление союза:

Не хвались молодчик, со мной не срамись.
Хочешь ли молодчик, сейчас обесчещу.
При всем-то я мире, при всем при народе.

(Соб. Песни. VI. 499.)

---

[1] Эта форма союза особенно распространена в фольклоре и в связанных с ним литературных жанрах. Ср., напр.: не на час къ тебѣ горе злочастное привязалося *хошь* до смерти съ тобою помучуся (Г.-Злч. 20).

Этому соответствовало бы современное „хоть при всем народе". Семантика *хочешь ли* — значительно ослаблена. Даже *похочу* вместо *хочешь* дает значение разделительного союза, близкого к „*хоть ..., хоть*". Напр.: А теперь Добрынюшка в моих руках ... А'ще что *я похочу*, то над ним сделаю:

Похочу то я молодого Добрынюшку
Похочу Добрынюшку в полон возьму,
Похочу то я Добрынюшку-то и огнем пожгу,
Похочу то я Добрынюшку-то и в собя пожру
(Гильф. № 79.).

Вполне параллелен этому *похочу* глагол-союз *хош*, чередующийся с разделительным союзом *али*.

Хошь ли я тебе огнем спалю
Хошь ли Алешка конем стопчу
Али тебе Алешу копьем заколю?
(Кир. Дан. 80.)

И глагол-сказуемое *хош* в чередовании с *хоть* (союз) дает уже последний этап в развитии от *хочешь* к *хотя*.

Хоть вправо держи, *хоть* влево затем, куда *хош*.
(Кир. Дан. 111.)

В таком именно фонетическом облике (*хошь*) форма 2-го л. ед. ч. глагола *хотеть*, как широко распространенная, выступает (в качестве как глагола, так и союза) — в северно-русских говорах,[1] где нередко вместо *можешь — мошь*, вместо *хочешь — хошь*: „Я с тобой *хошь* на край света ..., „*Хошь* ли горошку" и под. Известна подобная форма и в памятниках. Миклошич[2] приводит из Изборника Святослава 1073 „аште хошти" вместо „хоштеши" (несколько раз). То же и в более поздних памятниках: не *хощи ли, хоште ли*. Так у Авв.: Али еще слушать *хошь*? (Чел. пис. 856).

Соболевский[3] указывает на распространенные в говорах формы 2-го л. ед. ч. наст. вр. *хочь* и *хошь*, причем говорит, что вторая форма произошла из первой под влиянием окончаний 2-го л. — *шь*. Форма *хочь* — повелительное наклонение, соответствующее др.-ц.-сл. *хощи*, которое также нередко употребляется в значении изъявительного наклонения.

Потебня[4] приводит соответствующую нашей форме *хошь* литовскую: Jis dabar, kur noris pasislépe bile kokioj dauboj = а он теперь *где хотя* скрылся.

Иные фонетические варианты союза уступительных так же могут восходить к отдельным глагольным формам *хотѣть*. Так, прежде всего, широко распространенной в др.-рус. языке является форма *хоти*, которую не следует, конечно, отрывать от формы *хоть*. Форму *хоти* Л. А. Булаховский[5] считает 2 л. ед. ч. повелительного наклонения. Форма *хоти* распространена мало: *хоти* низокъ потолокъ, ино огня не страх

---

[1] Материалы для изучения великорусских говоров, вып. III, СПб., 1896, стр. 53, 65, 96, где дан материал из Вологодск. г. Кадник. у., Новгор. г. (Устюжна) и др. — То же, вып. V. СПб., 1898, стр. 183 и 206, где дан материал из Вятской губ. и Арханг. г. Онежск. у.

[2] Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum, стр. 1094.

[3] Лекции ..., стр. 247.

[4] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 221.

[5] Исторический комментарий ..., стр. 251.

(Дм. 61/137). мнѣ бы *хоти* что ни буди, либо мѣдь красную или зеленую или синюю или желѣзо... сыскати (Уч. ратн. 1 об.). вижу жити ми здѣсе *хоти* сколько ни буди, а безлепъ, и царь бы пожаловалъ *хоти* меня отпустилъ (Кр. Д. II. 378).

Форма *хоть* — значительно чаще, но о ней можно сказать, что она связана с диалектами; в письменности поэтому преимущественно в фольклоре, напр. в пословицах: *хоть* на хво'ке да на своей волке (Сим. посл. 200). богата *хоть* дурака всякъ почитаетъ (81). Без меня *хоть* трава не расти (80).

Как *хоти* так и *хоть* — формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения.

Почему форма повелительного наклонения могла быть перестроена в союз уступительных предложений?

Связь повелительного наклонения с выражением условности идет, повидимому, с очень ранней поры. Л. А. Булаховский[1] говорит, что „форма 2 л. повелительного наклонения... может в современном языке обозначать экспрессивно выраженное предположительное условие".

Шахматов[2] приводит пример повелительного наклонения и в уступительном (бессоюзном) предложении: кто что ни *говори*, хотя животные, а все-таки цари („Горе от ума"). Однако, такое употребление повелительного наклонения (в значении условного и уступительного) производит впечатление сознательного обращения к нормам просторечия. В др.-рус. письменности такие примеры редки. В высоких литературных жанрах они, повидимому, совсем неизвестны. Можно указать лишь единичные примеры такого употребления в грамотах (они приведены в „Синтаксисе" А. А. Шахматова, I, стр. 192), или в переводной литературе, причем здесь не исключена возможность очень сильного воздействия оригинала. Напр.: Буди (będź) убо то, что святый Германъ погибающимъ уже является, яко мнози вѣруютъ или же *буди* (в ркп. *да будет же*) тая свѣтлость что отъ нѣкоей же иной естественной вины находитъ, якоже инии повѣдаютъ, азъ никому же сопротивляюся (Рад. Сир. 180).

Что формы *хоти* и *хоть* восходят к форме 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения, в этом убеждают и вполне параллельные русским явления польского языка. Польский союз уступительных *choć* Я. Лось[3] считает происходящим или из имени или из глагола, но Розвадовский определяет диалектное *choc* на ряду с лит. *choć* как соответствующее праславянскому imperativ'y *хощь*, подобно *widź*.[4]

В условном предложении союзы *естьли*, *буде* а также, вероятно, *аще* и *ли* являются формами 3-го л. ед. ч. глагола в изъявительном наклонении. Но эта форма обычно служит как для выражения полной безличности (типа *смеркается*), так и неопределенно личных предложений, причем это явление широко представлено говорами и почти неизвестно литературному языку. Шахматов отмечает,[5] что „в древнерусском употребление 3-го лица ед. ч. в неопределенно личных предложениях было весьма обычно, особенно, в законодательных актах". Целый ряд примеров из „Русской Правды", приводимых Шахматовым, иллюстрируют это положение. Мне кажется, что союзы уступительных предложений

---

[1] Ibid., стр. 226.
[2] Синтаксис русского языка, т. I, Л., 1925, стр. 193.
[3] J. Los. Składnia. (T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego, Kraków, 1923), стр. 368.
[4] Rozwadowski. Historyczna Fonetyka. Gramatyka języka polskiego, стр. 186.
[5] Синтаксис... I, стр. 62.

(*хошь* и *хоти* — *хоть*) также связаны с выражением безличности, поскольку в современном языке неопределенноличные нередко выражаются 2-м л. ед. ч. изъявительного или 2-м л. ед. ч. повелительного наклонения. Сравни обычные: 1) „за недобрым пойдешь — на беду набредешь“ и 2) „век живи, век учись“.

Третья из наиболее распространенных форм союза уступительных предложений — *хотя* — является почти единственной формой союза в современном литературном языке.

Общепризнанным является положение, что союз *хотя* есть форма причастия (деепричастия) настоящего времени.[1]

Положение это, однако, нельзя считать бесспорным. Фонетическое соответствие союза форме причастия, правда, полное, но наметить переходные ступени от причастия к союзу довольно трудно. Конечно, причастия в др.-рус. языке (так же как и в современных говорах деревни) стояли ближе к глаголу, чем к прилагательному, и могли выступать нередко в роли сказуемого. Затруднения возникают вновь, когда мы пытаемся сопоставить русскую форму *хотя* (даже *хотяй* — укр.) с польск. *chocia*, так как обычные формы причастия (деепричастия) в польском в соответствии с русским окончанием *я* (*а*) должны иметь и имеют *ę*. Кроме *chocia* можно привести лишь единичные примеры из древнепольского на причастие *rzeka*[2] с таким же окончанием. Но с такими причастиями вполне сопоставимы рус. *река*, *ида* и под., которые Соболевский[3] считает не вполне ясными по происхождению, предполагая (очень осторожно), что здесь было *ѧ* носовое.

Так как рус. *хотя* не вполне соответствует польск. *chocia*, то это заставляет с большей осторожностью определять исходную форму союза. Не устранена возможность сопоставления союза *хотя* с формой 3-го л. мн. ч. изъявительного наклонения (без конечного *ть*), однако и это не дает возможности сопоставлять *хотя* с польск. *chocia*.

Повидимому, все же, союз *хотя* есть форма причастия-деепричастия, так как мы встречаем и форму *хотяй*[4] и форму косвенных падежей *хотяче*, на которую указывает Л. А. Булаховский,[5] причем форма *хотяй* может быть или полной формой причастия, или, как предполагает Я. Розвадовский[6] для параллельного польского *chociaj*, — объединением *chocia* с союзом *i*. Потебня[7] считает *хотя* формой причастия наст. вр. Он приводит текст: „Держи въ съсудѣ, а *хотя* до того же дни“ = держи, если хочешь (ср. а любо)... *А хотя* в приведенном месте, — говорит Потебня, — еще имеет, повидимому, силу причастного второстепенного сказуемого, из которого позднее образуется союз *а хотя* и *хотя*. Вещественное значение этого *а хотя* уже невосстановимо, напр., в следующем: *а хотя* буду съ кѣмъ въ цѣлованьи... и мнѣ сложити...

---

[1] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Соцэкгиз, 1935, стр. 235. — Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис. 2-е изд., СПб., 1912, стр. 281. — Петерсон. Очерк синтаксиса. ГИЗ, 1923, стр. 109 и др. — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий..., стр. 252.

[2] Rozwadowski. Historyczna Fonetyka. Gramatyka jezyka polskiego, стр. 141.

[3] Лекции..., стр. 165.

[4] Пересопницкое евангелие: хотяй кто ѿ мр҃твыхъ въскр҃неть не имоуть вѣры (цитируется по книге: П. Житецкий. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876, стр. 363).

[5] Исторический комментарий..., стр. 252.

[6] J. Rozwadowski. Historyczna Fonetyka..., стр. 189.

[7] Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 216.

Основное положение — союз *хотя* создается на базе прежнего сказуемого подчиненного предложения — остается верным и в том случае, когда мы определяем союз *хотя* как форму причастия наст. вр.

На пути от причастия к союзу форма *хотя* прошла промежуточную стадию приглагольного наречия (деепричастия), близкого к отглагольнему существительному. Если мы возьмем текст: „Осудари наши, воля ваша *хотя* на нас дрова возите, лишь не по многу кладите“ (Сим. посл. 146), то в нем *хотя* = если хотите > при желании > пусть. До четкого значения уступительного „несмотря на то, что“ — ни этот текст, ни многие подобные ему не доходят. Дай *хотя* с локоть, а ему все съ ноготь (Сим. посл. 213). Языкомъ *хотя* полижи, а рукамъ воли не давай (203). *Хотя* коровка избыть, а сережки купить (150).

Как контаминацию форм *хотя* и *хошь* нужно понимать изредка встречающуюся форму *хоша*. Беспрестанно *хоша* плачь (Соб. Песни VI. 61). Мелникъ не безделникъ *хоша* дѣла нѣтъ, а топоръ из рук не идет (Сим. посл. 122).

Исконная семантическая связь *хотя* и *хотеть* была рано разрушена; поэтому возможна и постановка их рядом в одном предложении: Женитца такъ не ленитца *хотя* і не *хочется* вставать (Сим. посл. 183). вели збирать, *хотя хотятъ хотя* нѣтъ, а естли не захотятъ то объявить имъ (Птр. III. 465).

Мы отметили значение *если хочешь* как одно из основных, исходных значений союза *хотя* и других его форм. Это значение вскрывается еще иногда и в современном литературном языке, но, конечно, более ярко это значение представлено в современных говорах деревни, в фольклоре, а также в некоторых памятниках др.-рус. языка. В памятниках, впрочем, примеров немного: *хотя* мнѣ тысячу литръ злата давай, не обольстишь (Авв. Чел. пис. 914). *хотя* маленко оплошися, тотчасъ ограбятъ (Авв. толк. 463). *хотя* вдвое возми, не умори меня напрасно (Праздн. каб. яр. 237). В говорах и фольклоре это значение *(если хочешь)* не только шире, но и гораздо выразительнее: *Хошь* до Кракова, так все одинаково (Даль. сл.). Нередки здесь и закрепившиеся формулы с опущением заключительного предложения: „хоть кол на голове теши“, „хоть ты что хошь делай“ и под.

Довольно близким по значению к этому глаголу-сказуемому (= если хочешь) стоит значение *хотя* в объединении с частицей *бы*, следовательно при условном наклонении, а также с повелительным наклонением или инфинитивом в значении повелительного. Здесь *хотя*, не являясь подчинительным союзом, лишь дает условному наклонению значение желательного. Не всегда можно сказать уверенно, имеем ли мы в таких случаях простое предложение, где *хотя* = соврем. литер. *пусть*, или сложное, где *хотя* = „хотелось бы, чтобы...“ Напр.: Онъ *бы хоти* в Астрахань послалъ людей своихъ (Ст. Вр. 16). У техъ *бы хоти* у четырехъ человѣкъ была лошадь (Сиб. Б. 110. 1594 г.). В Соловки-те Ѳедоръ *хотя бы* подъехалъ письма-те спрятавъ. въ монастырь вошелъ какъ мочно тайно-бы письма-те далъ... (Авв. Чел. пис. 916). а насъ распусти природныхъ своихъ. Меня *хотя* и не замай въ землѣ-той до смерти моей иных-тѣхъ распусти (Авв. Толк. 476). Хорошо право Христосъ изволилъ... *Хотя бы* и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно (Авв. Чел. пис. 927). Къ Матвѣеву не хуже *хотя бъ* і еще потвердить указомъ, что... (Птр. IV. 383), писать по вся недѣли, а не хуже *хотя* и по дважды въ недѣлю (365). Никола Чудотворецъ терпитъ, а мы немощни: *хотя бы* одному кобелю голову-ту назадъ рожою заво-

ротилъ. да пускай бы по Москвѣ-той такъ ходилъ (Авв. Бес. 284). Высылать изъ града въ лѣсъ да пусть тамо живуть, а *хоти* и помрутъ (Вав. ц. 20). Следует отметить в двух последних примерах чередование *хотя (бы)* с *пусть, пускай*. Это наречие, близкое по значению к стоящим рядом с ним союзам *хотя*, является также глаголом в форме imperativ'a.

Уже это значение *хотя* дает возможность сближать его с значением разделительного *или*. Это значение возникает всегда, когда намечена возможность не одного действия, а двух. Необходимость выбора из двух возможных положений, естественно, выражается глаголом, связанным по семантике с *хотеть*. Прототипом таких предложений, где *хотя* = *или*, могли бы служить тексты, подобные следующему:

Уж ты *хочешь*, да ты корми пой меня
Корми пой меня
А не *хочешь* кормить — выпусти на волюшку
(Песня узника. Соб. Песни. VI. 277.)

Значение этого *хочешь — не хочешь* является очень ослабленным. Отсюда и возможность постановки *хотя — хотя* в значении *или — или*. Чаще, однако, здесь не простое сопоставление *хотя — хотя*, а стилистическое комбинирование *хотя — или, хотя — ли*: (одни) повѣдають, что сей бѣ домъ блудницы... Иные повѣдають, что жилище Закхеа. И тако в память *хотя* Раввы, *хотя* Закхеа, еще сія половина стоитъ (Рад. Сир. 79).[1] Какъ ни ѣсть, *хотя* нѣтъ согласия между ими (= есть ли, нет ли согласия...) ѡбаче всѣ согласно заповѣдь магометанскую сохраняютъ (Дв. цес. Тур. 62). Сравним с этими примерами следующий: (Иефай) *хотя* не *хотя* заклалъ ея (дочь свою) (М. Гр. 216) — где и *хотя* и *не хотя* — глголы; однако буквальное понимание *хотя* — уже невозможно. Это *хотя — не хотя* (volens — nolens) с стертым значением глагола приближается уже к приведенным примерам, где *хотя* = *так или иначе*. Сюда же относятся следующие примеры: а за кормилца вї грѵвнъ и за кормилицю *хотѧ* си боуди холопъ или роба (Р. П. 4). речетъ тако: *хотя* богатырь *или* не богатырь, однако есми холопъ... (Ник. л. 106). все то равно, *хотя что* и малое опрыскиваніе или обливаніе то де и погруженіе водою (Прен. 75). Медлить не надобно *хотя* ево *или* иново надлежитъ послать (Птр. IV 387). *Хотя* тѣсто *ли* опара лише бы въ рот попало (Сим. посл. 211). Часто здесь и простое сопоставление *хотя — хотя*. Так у Петра I: і опъ томъ не думай, *хоть* многое число, *хоть* малая, толко чтобъ правая сторона была равъна... ты ставь *хоть* 1000-чи, *хоть* 100, *хоть* 10 и опъ томъ не думай (Птр. I. 1 Ученические тетради Петра).

Это значение *хотя* хорошо представлено говорами и фольклором: гдѣ захочетъ, тутъ и возметъ, *хоть* княиню *или* боярыню *или* дѣвку посацкую (Был. I. 34—35). *хошь* на глади, *хоть* по лесу он шел (МЭИЯМ, д. М. Шанево).

Если примеры такого типа показывают более или менее индифферентную разделительность, то она могла быть выражена и не союзом *или* (в соответствии *хотя*), а союзом *и*, который включаѐт в общее положение и первое, и второе из перечисляемых явлений. Мы видим *хотя — и* в примерах, подобных следующему: *Хоть* тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти *и* тѣлу кромѣ головы (Сл. о п. Иг. 116). *хотя* отчасти

[1] Ср. с этим *буди... буди* (стр. 158—159) у того же автора в том же значении.

вѣрится, отчасти *же* сумнѣнию подлежитъ (Птр. III. 30). Отметим перечисляющее *и* в первом примере и близкое к нему *же* во втором.

Возможно здесь и некоторое выделение одного из членов, подчеркивание его. Но в таких случаях второе предложение в соответствии *хотя* имеет уже не союз *и*, а союз *но*, *да* (=*но*); иногда *же*. *Хотя* онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, *да* безъ вѣры мертвъ (Авв. Чел. пис. 775). Да *хотя* мы и в далнем разстояніи да слово божіе живо и дѣйственно (861).

Противопоставление по существу, перечисление по форме — вот что представляют собою предложения такого типа с *хотя... да*.

В таком значении союз *хотя* часто встречается в пословицах: *Хотя* свита сѣра, да воля своя (Сим. посл. 150). *Хоть* и гол да не воръ, *хотя* нагъ да правъ (207). *Хотя* и не попъ, да обычьемъ добръ (151). *Хотя* спинка бита, да пирогъ съѣденъ (200). Мною уже отмечено, что большинство таких предложений не являются уступительными, а представляют лишь противоположность двух явлений. Предложение ограничения включается в этот ряд. Они показывают, что общее положение, которое дается обычно во втором предложении, должно быть принято с оговоркой (она дается обычно в первом предложении, или в первом члене предложения). Часто в пословицах: *Хошь* около гуменъ толко самъ себѣ игуменъ (Сим. посл. 151). *Хошь* на хво'ке, да на своей волке (200). *Хотя бы* в ордѣ тако бы (=только бы) въ добрѣ (148). Закричи ты конекъ добрый *хоть* разъ подо мною (Соб. Песни. VI. 225).

Значение ограничения в союзе *хотя* дается нередко и в письменности, даже в таких жанрах, как „жития": восхотѣ их сп̃ти и привести и присвоити къ своей благодати *хотѧ* въ послѣднѧѧ лѣта (Ст. П. 12). Печаль преложитъ и ѿдохновение *хотѧ* мало сотворитъ ми (96). единымъ словом. *хотя* на тысячу рублевъ (Пересв. 66). а будетъ за 40 лѣтъ перешло *хоти* одинъ мѣсяцъ... тѣмъ людемъ не давати (Писц. д. 399). Соединись съ вселенъскими-теми *хотя* неболшимъ чемъ (Авв. ж. 61). Садъ *хотя* не великъ однакожъ прибранъ... хорошо (А. К. 31).

Трудно провести границу между предложениями ограничения (и вообще противоположности) и предложениями уступительными, так как уступительное всегда основано на противопоставлении. Строго выдержанные уступительные мы находим уже в фольклоре и в письменности, связанной с ним. Тем более широко такие предложения представлены в более высоких литературных жанрах. Вот типичный образец реально-уступительного: Дш̃а еси моя милая красная дв̃ца... *хотѧ* ты меня много хулиш и лаеш и безчестиш і соромотиш, а я на тебя не могу злобы ни досады держаті (М. Д. 86). А князь великий *хотя* (и) не нявъ ему вѣры, а единако посла сторожи къ Радонежу (Ник. л. 67). а *хотя* де вам Теймураз царь такие речи и говорит..., и он в том своем слове не устоит (Толоч. 91), а лѣкари *хотя бъ* цесарь и здоровъ былъ должность ихъ по три человѣка сидѣть въ аптецѣ (Дв. цес. Тур. II 56). *хотя* несовершенно оздравѣвъ. лѣта 1581 презимовавъ. въ отечество возвратихся. (Рад. Сир. 11). а *хотя* и въ плахтѣ ходитъ. а нѣсть то простакъ (Р. д. 17). по себѣ я знаю: *хотя* много надосадитъ никоніянинъ, да какъ пришедъ с лестію бывало... такъ мнѣ жаль станетъ (Авв. Бес. 390). Вси бо живы Христу, *хотя* и сожжены и повѣшены (Авв. Чел. пис. 933). *хотя* нѣкоторый писатель и сказалъ будто..., однако... (Фл. Ек. 1). Да будетъ онъ (Париж) жених мой преславен *хотя* же о величестве мне есть и не сравен (Пар. Вен. 98). Из пословиц: Претит. а в ротъ што летитъ, *хотя* и мутно, да нутко, а *хотя* стаетъ и гуще однакожъ

тяни пуще (Сим. посл. 208). Хотя дитя криво, а ѿцꙋ и мт҃ри мило (200). Молот *хошъ* молод да бьетъ старо (120).

На ряду с этими реально-уступительными встречаются близкие к ним по значению условно-уступительные, где выполнение условия и отсутствие необходимого за ним следствия дано в качестве предположительного и возможного. По существу здесь нет большого различия, и если мы отмечаем этот разряд уступительных, то, главным образом, потому, что первоначально чувствовалась более тесная связь их с условными. Поэтому нередко здесь уступительный союз сопровождается еще условным. Напр.: А *хотя будетъ* (= *буде*) таковъ разрядъ и былъ, и Юмранъ былъ менши Чолка (Счет Алф. Зас. 34). а князь Иванъ Засѣкинъ, *хотя будетъ* и былъ болши князя Петра Елецково и я сказывалъ, что князь Иванъ Засѣкинъ князю Григорью въ роду великъ (Счет Алф. Гол. 49). И *хоти будетъ* въ царственныхъ и въ посольскихъ книгахъ не написано, ино мочно досмотрѣть въ чорныхъ грамотахъ (Нак. Милсл. 76). Наш царь Александр рукописи на себя не даст в том, а Теймуразова дела на себя не переймет такова большова. *А буде хотя* царь Теймураз и напишет на себя писмо... да и крест ему *хотя* поцелует в том... и царь Александр ему в том не поверит (Толоч. 51).

Следующий пример еще более показателен, так как в нем в обычную готовую условную конструкцию включен союз *хотя* в значении усилительного *даже*, что создает для предложения промежуточное положение между условным и уступительным: А *будет* проведают... что Александра царя в меретинской земле нет, изогнал ево кизылбашской шах, а на ево место учинил из своих людей которого хана, или *хотя буде* и Александров сын, а посадил ево шах..., и Микифору... к тому новому царю не ходить (Толоч. (18). И в тех случаях, когда нет объединения с союзом условным, союз уступительных предложений *хотя* в объединении с усилительным *и* а также с противительными союзами *ино, но, да* в главном предложении, где сказуемое обычно с отрицанием, выражает обычную условную конструкцию, но с несколько подчеркнутым условием, где *хотя* = *если даже*. Уступительный характер этих предложений создается средствами, не связанными с союзом *хотя*, главным образом, противительным союзом в главном предложении. В некоторых случаях здесь создается в большей степени условное, чем уступительное значение. Так, у Аввакума: онъ поѣхалъ, а меня не взялъ; умышлялъ в умѣ своемъ: *хотя* де одинъ поедетъ, и ево де убьютъ иноземцы (Авв. ж. 38). Союз *хотя* здесь = *если*. У брата своего царя я не живу, а *хоти коли* у него и буду, и онъ меня таится (Кр. Д. II, 361), где *хотя-коли* — условный союз с некоторым переходом к значению временного („всякий раз, когда..., то").

Условно-уступительные предложения представляют два типа: один близок к условному, другим выражается чистое предположение. Второй тип строится в полном соответствии с ирреально-условными предложениями: союз *хотя* сопровождается здесь частицей *бы*.

Первый тип: А у кого что познаютъ татебное и тотъ съ себя сведетъ, *хотя* и до десяти его доводовъ и до чеглово татя, а продажи ему въ томъ нѣтъ (Жал. гр. 1518 г. А. и. I. 184). дешево *хоти* не надобѣ. а въ ту пору купи (Дм. 44). будетъ... бывали... за церквами а люди вольные или ихъ старинные, или *хоти* и бывали и вышли из-за государя больши десяти лѣтъ, и тѣхъ людей писати (Писц. д. 458). тѣхъ деревень отдавати никому не велено, хто *хоти* болши оброку учнетъ надавати (Нв. я. 290). и мы станем зимовать и дожидатца: *хотя* помрем.

а зимовать (Толоч. 98). А *хотя* поедет и босурман через мою землю, а скажетца, что он едет к ц-му в-ву, и яз и ево велю проводить (100). Отраднѣе о живомъ еретикѣ молит(ь) нежели о мертвом, а *хотя* и помянешь, ина не много согрѣшишь (Авв. Чел. пис. 941), и на тѣхъ людей кабалы давати и поневолѣ, *хотя* они к'ним ит'ти в холопи и не похотятъ (Ул. Ал. Мих. 262.2). сказал: *хотя* живот свои утрачу, а от Аннушки не отстану (Фр. Ск. 69).

Второй тип: А на Въздвиженіе ... по всей земли ... крестъ въздвизаютъ *хотя бы* одинъ попъ былъ (Киприан митр. 1395 г. А. и. I. 20). *Хотя бы* так и салтан турской учинил, ин бы и у него не принели (Толоч. 56). Мнитмися... сатана зблудитъ с нею... А *хотя бы* и бусорманъ зблудитъ, ино тотъ же поганецъ (Авв. толк. 460). Жури ему: боярин-де-су одинова умереть, *хотя бы*, то-де тебя скать. по гузну-тому плетьми-тѣми и побили, ино бы не какая диковина (Авв. Чел. пис. 928). и *хотя бы* пришло всѣмъ помрѣти, не возвратилися бы вспять (Рад. Сир. 30). *Хотя бъ* кто Арапскихъ... жеребцовъ имѣлъ, но ежели мѣсто... къ тому не способно, то никакого успѣху не будетъ (Фл. Ек. 245).

Предложенный здесь обзор значений союза *хотя* позволяет в самых общих чертах определить путь развития *хотя* от глагола-сказуемого в подчиненном (бессоюзном) предложении до подчинительного союза и изменение значения от *желать* до *несмотря на то, что*.

Если принять во внимание, что современное четкое значение глагола *хотеть* есть результат позднейшего развития от довольно неопределенной семантики, близкой, повидимому, к семантике *случится, произойдет* (как об этом можно судить по употреблению *хочу* в качестве вспомогательного глагола = *буду*), то окажется, что путь семантической перестройки глагола *хочешь* в союз *хошь* и под. не столь уж сложен, а наличие в союзе *хотя* далеко расходящихся значений обусловлено было этой неопределенностью его исходной семантики.

Путь конструктивного и семантического изменения глагола *хочешь* — *хотя* и под. есть, прежде всего, переход глагола на положение формального показателя желательного наклонения („*хотя* бы одному кобелю голову-ту назадъ рожою заворотилъ да *пускай бы* по Москвѣ-той такъ ходилъ“ Авв. Бес. 284), что могло осуществляться и постановкой *бы* при причастии *хотя*, и употреблением повелительного наклонения *хоти — хоть*.[1]

Отсюда в случаях употребления нескольких предложений с сказуемым в желательном наклонении создается значение, близкое к значению разделительному. Но между разделительными и условными существует постоянная связь. Она свидетельствуется между прочим смешанным употреблением разделительных и условно-уступительных союзов, а также чередованием их в одном предложении (что не является особенностью только русского языка). Сравним: *хоть* 1000, *хоть* 100, *хоть* 10, где предполагается вывод — „все равно“. Этому соответствовало бы: „Тысячи *ли*, сотни *ли*, десятки *ли* — все равно“, чему со-

---

[1] Об этом В. А. Богородицкий (Общий курс русской грамматики. Соцэкгиз, 1935, стр. 178, примечание) говорит: „наше повелительное наклонение, как видно из сравнения с греческим, произошло из желательного; ср. *бери — φέροις*. Отголосок прежнего значения можно видеть в таких выражениях, как «приди он ко мне, я помог бы ему»“.

ответствовало бы и: „1000 *или* 100, *или* 10 — все равно". Таким образом на базе разделительных при наличии рядом стоящего предложения, которое покрывает обе возможности разделительного, создается условно-уступительное. Причем специально уступительный характер предложение приобретает, повидимому, в результате дальнейшего уточнения одного из видов условного, когда оно представляет не совсем обычный характер связи условия и следствия.

Еще на одной из первых стадий развития союза *хотя* в нем выделяется значение усилительного наречия *даже* (хто что *хоти* невеликое утаитъ. Писц. д. 188) и получает возможность в этом своем значении соединять не предложения, а отдельные члены его (по типу соединения однородных членов предложения).

Нужно сказать, однако, что такое употребление *хотя*, широко распространенное в современном литературном языке, в памятниках др.-рус. языка встречается сравнительно редко и характерно преимущественно для литературных жанров, связанных с разговорным языком. Встречаем его, например, в письмах Петра I, а также в деловом языке приказов: Пашню завести сперва *хотя* не от велика (Сиб. Б. 118), послать образы и благословить ихъ *хотя* заочно (Фр. Ск. 284). не велѣлъ ему келаръства покидать, токмо бы, *хотя* втай, держалъ старое преданье (Авв. ж. 55). Засимъ предая васъ въ сохраненіе божіе пребываемъ неотступно, *хотя* не тѣломъ, но душою и мыслію (Птр. IV. 385).

Можно отметить некоторые черты сходства в выражении уступительных предложений в польском языке и русском. Самая форма союза и фонетическое соответствие почти полное. Но и судьба его в польской письменности сходна с судьбой его в др.-рус. языке. Союз *chocia* и *chociaj* (ср. *хотяй* в Пересопницком евангелии) появляется лишь у Рея (средина XVI в.). Этот союз вытесняет собою распространенные в значении уступительном союзы *acz*, *aczbych*, *aczkoli* и *czy*[1] соответственно сравнительно позднему вытеснению в русском языке союза *аще* союзом *хотя*. Характерно и появление в дальнейшем, на ряду с *choć*, *chociaż*, новых, более сложных подчинительных союзов (*jakkolwiek*), что обычно и для русского („несмотря на то, что, пусть — пускай, сколько ни").

Мы не можем, конечно, ставить в связь проникновение в др.-рус. письменность союза *хотя* с развитием *chocia*(*ž*) в польском, но отметим, что в переводной с польского литературе XVII в. союз *хотя* получает широкое распространение. Переводчики нередко могли видеть перед собой в п о л н е соответствующий русскому союз *chocia* (хотя на ряду с ним были и иные союзы, напр. *acz* у Радивила Сиротки). Возможность украинского влияния (в смысле поддержки только что пробившегося в письменность союза *хотя*) не следует категорически отвергать, так как в украинской письменности союз *хотя* был широко распространен уже в то время, когда в русском языке мы можем указать лишь единичные примеры его употребления, причем в то время, как в русском он являлся еще чертой просторечия, украинская письменность знала его в таких исключительно консервативных по языку жанрах, как памятники церковно-богослужебного употребления (Пересопницкое евангелие всюду имеет *хотя* и *хотяй* на месте *аще* соответствующих русских текстов).

[1] J. Łoś. Składnia. (T. Benni, J. Łoś, K. Nitsch, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Gramatykajęzyka polskiego, Krakow, 1923), стр. 404 и сл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данный в настоящей работе обзор отдельных союзов позволяет установить две общие черты в происхождении и первоначальном развитии условных и уступительных союзов. Первое: выражение условия и ограничения-противоположности (в уступительных предложениях) теснейшим образом связано было на первых ступенях развития с выражением вопроса. Не только союзы *коли, как, когда* (а также *только, нечто, разве*), но и союзы *ли, аще, буде, если*, т. е. союзы, имеющие глагольное происхождение, вышли из вопроса, как это показывает и анализ предшествовавшего им бессоюзного строя, и состав самих союзов.[1] Второе: союзы условных и уступительных предложений уже на первых стадиях тесно связаны с выражением временных отношений. Это положение, являясь прямо данным относительно союзов *коли, как, когда*, должно быть принято также не только в отношении *буде* и *если*, но также и в отношении *аще*, так как мы должны иметь в виду роль глагола *хотеть* в образовании сложных форм будущего времени.

В основном, следовательно, подчиненное предложение, выражающее условие, создается на базе простого предложения, являвшегося вопросом о времени события. Главное предложение, следующее за ним, являлось первоначально самостоятельным предложением повествовательного типа, служившим ответом на этот вопрос, а позднее — выводом, заключением из него.

Но формально-словесное выражение вопросительного характера первого предложения осуществлялось двумя различными путями: или в предложение включалось наречие, служившее обычно показателем вопроса о времени (союзы *коли, как, когда*), или вопрос должен был выражаться самими конструктивно первостепенными членами предложения, т. е. глагольным членом составного сказуемого (*есть, будет, хочет, велит*). В этом случае нужно говорить, собственно, об отсутствии специального слова — показателя вопросительности. Но именно здесь в большей степени действовали иные формальные средства: интонация и инверсия.

Вероятно, что связь этого второго типа предложений с предложениями вопросительными была не столь четко выражена, как в первом ряде. Этот второй тип предложений и должен был раньше и решительнее порвать связь с вопросом, между тем как первый прием (включение вопросительного наречия) даже до последних моментов развития не порвал этой связи.

---

[1] Союз *ежели* также не составляет в этом отношении исключения: первая из составляющих его частей — вопросительно-относительное местоимение, вторая — частица вопросительная.

Но это значит, с другой стороны, что предложения с глагольными союзами (*аще, ли, естьли, буде*) прошли более сложный путь развития. В процессе развития в них союзов их связь с первоначальным бессоюзным строем была утрачена в полной мере; изменилась вся структура предложения: центром (семантическим и конструктивным) становится именная часть сказуемого, а для уточнения временных отношений могла возникать в дальнейшем необходимость в восстановлении утраченной глагольности. Насколько в то же время предложения с союзами *коли* и под. сохраняли связь с бессоюзным строем, видно из того, что в этом ряду — постепенная градация (по убывающим ступеням) от действительно подчинительных союзов (*коли, как, когда*) через наречие *только*, которое еще можно принимать за союз, к наречию *разве, нечто*,[1] безусловно, не дошедшим до полной выразительности союза и остающимся в бессоюзном периоде на роли дополнительных усиливающих показателей и подчиненности и ограничительно-условного характера ее.[2] На этом втором ряде союзов и обнаруживается в полной мере отсутствие четкой грани между подчинением союзным и бессоюзным.

Особняком стоит условный союз *аже*, так как он не входил первоначально в состав подчиняющегося предложения; союз *а* и усилительное *же* лишь связывали предложение с предыдущим текстом. Только стабильность такого употребления *а* + *же* в зачине предложений, становившихся условными, могла привести союзы *а* — *же* и к фонетическому объединению в *аже* и к новой четкой семантике (= *если*), приобретенной им уже в соответствии с новой конструктивной ролью в составе первого предложения.

Несколько общих замечаний об употреблении отдельных союзов в др.-рус. письменности.

Если мы оставим в стороне союзы *аче, оже, аже, ли*, как малоупотребительные и известные преимущественно древнейшим памятникам, то союзы по степени их употребительности в письменности до начала XVIII в. располагаются в такой ряд: *аще, буде, если, ежели, коли, как(бы), когда*. Этот ряд, с промежуточным *ежели*, представляет своими двумя частями в основном то самое деление союзов по характеру образования, о котором мы только что говорили: 1) союзы глагольного происхождения и 2) союзные наречия. Первые получили широкий доступ в др.-рус. письменность, вторые проникают сюда и позже, и значительно реже, чем первые.

Но др.-рус. письменность отражает в основном, язык правящих верхов феодального общества и близко стоящих к ним социальных групп. Наличие в языке этих групп союзов первого ряда (глагольных) может быть объяснено только тем, что это был исконно им принадлежавший способ образования союзов. В языке только этих групп он традиционно

---

[1] Можно присоединить сюда еще союз *лишь бы*, который на ряду с *разве* отмечает Л. А. Булаховский (Исторический комментарий ..., стр. 251), в качестве ограничительного условного союза. Да и в других видах сложных предложений, напр. в временных, были вполне аналогичные этим неполнозначные союзы, включенные в бессоюзную конструкцию: *а* сыномъ *скоро* которому шесть лѣтъ минетъ, то его берутъ отъ матки (Дв. цес. Тур. II. 30).

[2] Своеобразие этого ряда в том, что союзы не утратили основного значения, и *коли, когда* и под. оплетаются целым рядом семантических ассоциаций, тогда как *если, ежели* представляются совершенно изолированными. Едва ли это только на современное нам языковое чутье.

и сохранялся. Но это значит, с другой стороны, что несвойственные языку широких масс феодального общества глагольные союзы и возникали не в их языке; им в общем был чужд самый способ образования союзов на основе полного изменения структуры подчиняющегося предложения. Основным для них всегда являлся тип сложного предложения с включенным в него в качестве подчинительного союза вопросительно-временным наречием — тип подчинения, довольно близко еще стоящий, к бессоюзному подчинению.

Это поддерживалось бы и наблюдаемым нами широчайшим распространением бессоюзного подчинения в говорах, и последовательным употреблением в них (в случаях союзного подчинения) наречных союзов *коли, как(бы) когда.*

Однако и в языке правящих кругов феодального общества — не один подчинительный условный союз, а целый ряд их. Это может объясняться, вероятно, тем, что отдельные социальные группы, составившие позднее господствующий класс феодального общества, сохраняли каждая свой собственный тип образования союзов. Судим об этом по тому, что и при полной, казалось бы, синонимичности таких союзов, как *аще* и *ли*, должно было замечаться и некоторое стилистическое различие их, обусловленное уже тем, что *аще* — всюду, кроме деловой речи, а союз *ли* — только в очень ограниченном круге памятников, непосредственно связанных с княжеским двором („Русская Правда", „Поучение Владимира Мономаха"). Но и те глаголы, к которым восходят эти союзы, повидимому, различны по своей первоначальной социальной принадлежности: глагол *хотеть* (= союз *аще*) и в позднейшем своем употреблении резко отличается по стилистической окраске от тождественных ему по значению глаголов ряда *велеть — (из)волить* (= союз *ли*), так как последний лишь в высказываниях о лицах (или от лиц) высокопоставленных, в частности о царе.

Мы определяем *ежели* как союз, стоящий между двумя противоположными группами союзов. Он не глагольный по происхождению, но он не может быть поставлен в ряд с союзами *коли, как, когда* по своему употреблению, ибо он только в языке феодальной знати. Не может ли свидетельствовать его наличие в языке этой группы о том, что и здесь был некогда известен иной способ образования союзов — образование не глагольное?

Ограничив себя материалами по письменности лишь до первой четверти XVIII в. (включительно), мы не сможем наблюдать развернутой картины окончательного отбора союзов в формирующийся национальный литературный язык.

Наши материалы определяют лишь первые точки этой линии. Мы отмечаем, что наличие большого ряда синонимических условных союзов иллюстрирует общее положение о крайней лексической пестроте, свойственной языку феодального общества, причем богатство это тем ярче демонстрируется письменностью, чем ближе подходим мы к концу феодального периода. В самом деле, летописец располагает меньшим количеством союзов, чем, напр., Иван IV. Аввакум владеет бóльшим количеством союзов, чем, Иван IV. Петр I с еще большей свободой вводит в употребление те же союзы, на первых порах, быть может, не давая предпочтения ни одному из них. Но в его же языке намечается затем и резкий перелом: отчетливо проявляется тенденция к полному устранению существующего многообразия. Создается возможность провести в общее употребление один союз *(ежели)*. Попытку, впрочем, нельзя

считать вполне удавшейся, поскольку продолжающаяся еще борьба между *если* и *ежели* заканчивается в дальнейшем в пользу *если*.

Остальные союзы устраняются из употребления приемом стилистической их дифференциации, которая проводится на основе их социальной принадлежности в предшествующий период. Так, *аще* отходит всецело в область церковно-религиозного употребления, такие союзы, как *коли*, приобретают характер просторечия, *буде* — канцеляризма. Основной союз (или основные союзы), остающийся в употреблении, при таком положении становится стилистически нейтральным.

Конец процесса закрепления в литературном языке единственного союза *если* приходится уже на вторую половину XVIII и начало XIX в.

Ленинград. 1937.

Уже после того, как настоящая работа была сдана в печать, появилась книга Г. Сафаревичовой: „О происхождении и употреблении союзов jeżeli, jeśli в польском языке“ (Safarewiczowa, H. O pochodzeniu i użyciu wyrazów jeżeli jeśli w języku polskim. Wilno, 1937).

Работа представляет большой и вполне надежный материал для суждений об употреблении условных союзов в др.-польском языке и о распространении их в современных польских диалектах. Материалы и выводы этой части работы оказываются необходимыми и при постановке вопросов о соответствующих союзах в других славянских языках (чешском, украинском, русском). Что же касается главы о происхождении союзов, в ней, несмотря на наличие некоторых очень ценных обобщений (напр. положение о происхождении условного периода из вопроса и вывода из положительного ответа на него), есть один, но очень существенный недостаток — отказ от синтаксической постановки вопроса о генезисе подчинительных союзов. В противоположность одному из основных положений моей работы об органической связи союза с значащим словом подчиняющегося предложения в работе Г. Сафаревичовой суждения о происхождении союзов li и jeżeli строятся только на основе существующих этимологий, и задача автора ограничивается выбором из этих этимологий такой, которая бы наиболее отвечала требованиям фонетического соответствия. Достаточной убедительности такие этимологии не приобретают не потому только, что фонетическое соответствие сопоставляемых форм всегда остается только очень приблизительным, но главным образом потому, что они остаются вполне формальными. О генезисе подчинительных союзов — образований, не существующих вне синтаксиса сложного предложения — более, чем где бы то ни было необходимы синтаксические суждения; этимология союзов должна основываться на анализе (синтаксическом) переходных от паратаксиса к гипотаксису ступеней. Должна быть показана необходимость или, по крайней мере, возможность и естественность перестройки глагола, наречия, местоимения в союз.

Ленинград. 1941.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ [1]

* Авв. ж.
* Авв. Бес.
* Авв. Чел. пис.
* Авв. толк. — Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. [Житие протопопа Аввакума. Книга Бесед. Челобитные послания, поучения и письма. Книга толкований и нравоучений]. Русская историческая библиотека, т. 39, Изд-во Академии Наук СССР. Л., 1927.

Аз. — М. Азадовский. Сказки Верхнеленского края, вып. 1. Иркутск, 1924.

Аз. п. — А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906.

Аз. Рус. ск. — М. Азадовский. Русская сказка, т. II. Akademia, 1932.

Аз. Сиб. — М. Азадовский. Сказки из разных мест Сибири. Иркутск, 1928.

* А. и. I. — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I (1334—1598). СПб., 1841.

А. и. X. XII. — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. X. СПб., 1867; т. XII. СПб., 1872.

А. К. — Архив князя Ф. А. Куракина, т. IV. Саратов, 1893.

Акт Х. У. — Акты Холомогорской и Устюжской епархий. Русская историческая библиотека, т. XIV. СПб., 1894.

Акты писц. дела — Акты писцового дела, I, 1587—1627, изд. С. Б. Веселовским. Чтения ОИДР, М., 1913, кн. 2, 3, 4.

Алекс. рос. двор. — История о Александре российском дворянине. Изд. В. В. Сиповского. „Русские повести XVII—XVIII вв.", СПб., 1905.

Арз. а. — Арзамасские поместные акты 1578—1618. Смутное время Московского государства, вып. 4, изд. С. Б. Веселовского. Чтения ОИДР, М., 1916, кн. 1.

* Арс. Сух. — Арсений Суханов. Проскинитарий. 1650—1652. Прения с греками. Изд. Н. И. Ивановским. Православный палестинский сборник, т. VII, вып. 3. СПб., 1889.

Аф. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. I—VIII. М., 1855—1864.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией под ред. Н. Калачова, тт. I—III. СПб., 1857—1884.

Блкр. — С. А. Белокуров. Varia. Документы 1656—1685 гг. Чтения ОИДР, М., 1887, кн. 3.

* Был. С. — Памятники мировой литературы. Русская устная словесность. Былины, т. I, под ред. М. Н. Сперанского, изд. Сабашникова, М., 1916.

Был. I
Был. М. — Русские былины старой и новой записи. Изд. Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М., 1894, отд. I (Был. I). Былины старой записи, под ред. Н. С. Тихонравова; отд. II (Был. М.), Былины новой записи, под. ред. проф. В. Ф. Миллера.

Вав. п. — Повесть о Вавилонском царстве. По 2-м спискам изд. Н. Тихонравов. Летописи русской литературы и древностей, т. III, М., 1861.

---

[1] Звездочкой отмечены те памятники, которые проработаны полностью.

Вес. Мел. — Веселый и шутливый Меландр, повествующий короткие, но приятные анекдоты. Пер. с латинского, ч. I, М., 1789.

* Влад. сб. — Владимирский сборник. Материалы... акты, духовные и др. документы 1521—1713 гг. Изд. К. Тихонравовым, М., 1857.

Вор. А. — Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. I. Изд. Губ. стат. ком-та, Воронеж, 1887.

Вобан — Вобан. Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана. СПб., 1724.

ВМЧ 24 дек. — Великие минеи четьи. Декабрь день 24-ый. Памятники славянско-русской письменности, изданные Археографической комиссией, М., 1910.

ВМЧ 4—18 окт. — Великие минеи четьи. Октябрь 4—18. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1874.

Г. Вас. — Хождение гостя Василия, под ред. арх. Леонида. Православный палестинский сборник, т. II, вып. 3, СПб., 1884.

Гб. — И. Я. Гурлянд. Иван Гебдон, комиссариус и резидент 1660—1661 гг. Материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII в., Ярославль, 1903.

Г. Вас. Кар. — Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли. Изд. В. В. Сиповского, Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905.

Геогр. генер. — Географія генералная нб̄ный и земноводный кругъ купно въ 3-хъ книгахъ описующая. М., 1718 [пер. с латинск.].

* Г.-Злч. — Повесть о горе и злочастии... по рук. XVIII в., изд. П. К. Симони. Сборник ОРЯС, т. 83, СПб., 1907.

Гильф. — А. Гильфердинг. Онежские былины. 1873.

Гист. о Долт. — Гистория о гишпанскомъ знатномъ шляхтичѣ... имяуемомъ Долторнѣ и о прекраснѣй гишпанской королевнѣ Елеонорѣ. Памятники древней письменности, т. XIV, Изд. Общества любителей древней письменности, СПб., 1887.

* Гражд. об. дет. — Гражданство обычаев детских. Рукопись конца XVIII в., изд. В. В. Буш. Памятники старинного русского воспитания, Пгр., 1918.

Грам. ук. о кр. — Памятники истории крестьян. XIV—XIX вв. Памятники русской истории под ред. А. Вормса, Ю. Готье, А. Кизеветтера, М., 1910.

Д. посл. — В. Даль. Пословицы русского народа, т. I. Изд. 3-е, СПб., М., 1904.

Д. сл. — В. Н. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863—1867.

Дан. иг. — Житие и хождение Даниила русьскыя земли игумена 1106—1107 г. Под ред. М. А. Веневитинова. Православный палестинский Сборник, вып. 3 и 9, СПб., 1885.

ДВ. цес. Тур. — О основании Царяграда и зданиях его изряднейших [пер. с польского: „Szym. Starowolskiego. Dwór Cesarza Tureckiego i rezydencya jego w Konstantynopolu"]. Рукопись XVII в. Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Q. XVII № 8.

* Дв. цес. Тур. II. — Двор цесаря Турецкого. Сочинение ксендза Симона Старовольского, кантора Тарновского. Так называемый вольный перевод, сделанный в 1678 г., изд. ОЛДП, СПб., 1883 г.

* Девг. д. — М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Сборник ОРЯС, т. 99, № 7, Пгр., 1922.

Джемс. — Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Памятники старинного русского письма и словесности XV—XVIII вв. Изд. П. К. Симони, СПб., 1907.

Дм. К. — Домострой. По Коншинскому списку. Изд. А. С. Орловым. Чтения ОИДР, М., 1902, кн. 2.

Дм. — Домострой. По списку ОИДР. [Изд. Забелиным]. Чтения ОИДР, М., 1881, кн. 2.

Дм. Строг. гр. — Сказание Сибирской земли. [Изд. А. Дмитриевым]. Пермская старина, т. I, 1894.

Д. об. Есф. — Действие об Есфири. [Изд. Е. П. Георгиевским]. Известия ОРЯС, СПб. 1905, т. X, кн. 1.

Дон. д. — Донские дела 1614—1620 гг., т I. Русская историческая библиотека, т. XVIII, СПб., 1898.

Д. Т. пр. I, II — Дела Тайного приказа. Русская историческая библиотека, т. XXI, СПб., 1907.

Дух. зав. Новгорода Климента — см. Обн. и Барх.

Дьяк. Акт. тягл. — Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве XV—XVIII вв. Изд. М. Дьяконовым, вып. I, 1895; вып. II, 1897.

Ермолинская летопись — Полное собрание русских летописей, т. 23. Изд. Археографической комиссией, СПб., 1910.

* Есиф — Послание Есифа к детям и братии XIV—XV в. Изд. Н. К. Никольским. Материалы для истории древнерусской письменности. Список XVI в. Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 2, СПб., 1903.

Жит. Авр. См. — Житие Авраамия Смоленского XIII в. Список XVI в. Памятники древнерусской литературы, вып. 1, под ред. С. П. Розанова, изд. Академии Наук, 1902.

Жит. Нифонта. — Матеріали з історії византійско-славян'ської литератури та мови. Підготовив до друку проф. А. В. Ристенко. Одеса, 1928.

* Жит. Сер. — Житие преподобного... игумена Сергия Чудотворца, списано бысть от Епифания XV в. [Изд. арх. Леонида]. ОЛДП, СПб., 1885.

Заб. Ик. — И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи. 1623—1671 гг. Временник ОИДР, кн. VII, М., 1850.

Им. Тат. — Опись и продажа имущества Михаила Татищева 1608 г. Временник ОИДР, кн. VIII, М., 1850.

Инстр. и артикулы — Инструкции и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту. М., 1710.

Ис. Вр. — Изречения Исихия и Варнавы. [Изд. В. Семенова]. Памятники древней письменности, № 92, СПб., 1892.

Кар. — В. С. Караџић. Сриске народне пјесме. II. Беч, 1875.

Кар[illegible]. — Н. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края, 1934.

* Кат.-Рост. — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб., 1908.

Кир. Дан. — Сборник Кирши Данилова. Изд. Шеффера, СПб., 1901.

Киреев. — П. В. Киреевский. Песни. I, Песни былевые, вып. 1. М., 1860.

Кн. ох. рег. — Книга охотничей регул или порядок содержания псовой охоты. Рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Q. X. 3. сред. XVIII в. [Перевод 2-й половины XVII в.].

Кр. Д. — Памятники дипломатических сношений с Крымом 1474—1521, т. I. Сборник Русского исторического общества, т. 41, СПб., 1884; т. II. Сборник Русского исторического общества, т. 95. СПб., 1895.

* Курбск. — Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. Изд. Археографической комиссии, Пгр., 1914.

Лек. от задумч. — Лекарство от задумчивости и бессоницы или настоящие русские сказки. СПб., 1786.

Литовский статут. — И. И. Лаппо. Литовский статут в московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.

* Л. л. — Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. вып. 2, Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку; вып. 3, Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Полное собрание русских летописей. Изд. Историко-археографической комиссии Академии Наук СССР, т. I, Л., 1926—1928.

Lud. — Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica russica... Oxonii, 1696. Русская грамматика Людольфа 1696 г. [Изд. Б. А. Ларина]. Материалы и исследования по истории русского языка, т. I, Л., 1937.

Льв. л. — Львовская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XX, ч. I, СПб. 1910.

М. Гр. — Максим Грек, Сочинения, тт. I—III, Казань, 1894—1897.

* М. Д. — Сказание о молодце и о девице. По списку XVII в. Библиотека Академии Наук (33.4.32). Изд. В. И. Срезневского, Известия ОРЯС, т. XI, кн. 1. СПб., 1906.

Мар. ев. — Мариинское четвероевангелие. Изд. И. Ягича, СПб., 1883.

Марк. Был. — А. Марков. Беломорские былины. М., 1901.

Мен. — Мудрость Менандра [по русским спискам XII—XIV вв.]. Сообщение В. Семенова. Памятники древней письменности, № 88, СПб., 1892.

Мк. Каляз. — Повесть об обретении мощей и чудеса Макария Калязинского. Первая половина XVI в. Рукопись Ундольского. Рук. отд. ГИМ в Москве, № 377 нач. XVII в.

Mon. Serb. — Fr. Miklosich. Monumenta Serbica spectancia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii, Vienne, 1858.

МЭИЯМ — Материалы [рукописные] диалектологической экспедиции Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук СССР в район оз. Селигер 1936. [Хранятся в кабинете Истории русского яз. и диалектологии Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра Академии Наук СССР].

Назир. — Книга глаголемая Назиратель уряд домовых детель. По рукописи Барсова, № 371. Пер. с латинск. По списку 2-й половины XVI в.

Нак. Милсл. — Наказ послу в Царьграде кн. И. Д. Милославскому. Временник ОИДР, кн. IX, М., 1851.

Нв. я. — Новгородские ямские книги 1586—1631 гг., изданные И. Я. Гурляндом. Временник Демидовского лицея, кн. 82—83. Ярославль, 1900.

* Ник. л. — Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XII, изд. Археографической комиссии, СПб., 1901.

Нкт. Н. — Прославление Никиты еп. Новгородского Зиновия Отенского. Рукопись Библиотеки им. В. И. Ленина, № 154, список XVI в.

Новг. писц. — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, тт. I—IV. СПб., 1868—1886.

О войнах Цезаря — Краткое описание о войнах из книг Цезариевых... напечатано в Москве 1711 г.

Обн. и Барх. — С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. Учпедгиз, 1938.

* Оп. Кон. — М. Н. Сперанский. Описание Константинополя нач. XIV в. Из старинной новгородской литературы. Памятники древнерусской литературы, вып. 4, Изд-во Академии Наук СССР, Л., 1934.

Отп. Сузд. — Отписка монастырских слуг игуменье Суздальского Покровского м-ря 1695 г. Владимирский сборник, изданный К. Тихонравовым, М., 1857.

П. ряз. г. — Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского у. Сборник ОРЯС, т. 99, № 6, Пгр., 1922.

Палеостр. гр. — Палеостровские грамоты. [Изд. Барсова]. Чтения ОИДР, М., 1868, кн. 1.

Пар. Вен. — История о Париже и Вене. Переводный роман в стихах Петровского времени изд. Н. Н. Виноградова. Сборник ОРЯС, т. XC, СПб., 1913.

Пер. Мих. Фед. — Переписка царя Михаила Феодоровича. Письма русских государей, т. I. М., 1848.

* Пересв. — В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М., 1908.

Песни Петр. — Казанский рукописный песенник XVIII в. [Изд. Н. М. Петровского]. Известия ОРЯС, т XII, кн. 1, СПб., 1907.

Песни Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. 2-е изд., М., 1909.

Пос. 1722 — Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчи 1722 г. Записки Русского географического общества, т. X, вып. 2, СПб., 1887.

* Посл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Изд-во Академии Наук СССР, Л., 1932.

* Празд. каб. яр. — В. П. Адрианова-Перетц. Праздник кабацких ярыжек. Народная сатира 2-й половины XVII в. Труды Отделения русской литературы Академии Наук СССР, т. I, Л., 1934.

* Прен. — Памятники прений о вере 1644—1645 гг., изданные Голубцовым. Чтения ОИДР, М., 1892, кн. 2.

* Пск. с. гр. — Псковская судная грамота. Издание Археографической комиссии, СПб., 1914.

* Птр. — Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. I (1688—1701). СПб., 1887; т. IV (1706), СПб., 1900; т. VII (1708), Пгр., 1918.

* Рад. Сир. — Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки. 1582—1584 гг. Перевод с 4-го изд. [на польском языке] Андрея Варгоцкого [по ле 1617 г.], СПб., 1879.

* Р. д. — Римские деяния. Gesta Romanorum. Изд. ОЛДП, вып. 1, СПб., 1877.

Ром. в стих. — Отрывок романа в стихах. [Изд. В. В. Сиповского]. Русские повести XVII—XVIII вв., СПб, 1905.

* Р. П. — Русская Правда. Палеографический снимок текста... по Новгородской Кормчей книге XIII в. Изд. И. И. Срезневского, СПб., 1888.

Рус. ф. — Русский фольклор. Составил Н. П. Андреев, Учпедгиз, 1936.

Ряж. д. — Ряжские десятни 1579, 1591, 1594, 1597 гг. Десятни и тысячные книги XVI в., изданные В. Н. Сторожевым. Материалы для истории русского дворянства, ч. I, М., 1891.

С. вр. — Софийский временник. Изд. П. Строева, ч. II, М., 1821, стр. 176—200, глава „О походе царя Ивана III на Новгород".

С. Г. Г. Д. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел, ч. V, М., 1894. [Грамоты XV—XVI вв. Изд. Ф. Бюлер].

* Сев. гр. — Северные грамоты XV в. Сообщил Н. С. Чаев. Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXXV за 1927—1928 г. Лгр. 1929.

Сер. Рад. — Книга о чудесах преп. Сергия Радонежского. Сост. Сим. Азарьиным 1654 г. Памятники древней письменности и искусства, т. XX. СПб., 1883.

Сиб. Б. — Сибирская переписка. 1593—1638 гг. По списку XVIII в. Русская историческая библиотека, т. II, СПб., 1875.

Сим. Пол. — Симеон Полоцкий. Орел Российский [изд. Н. А. Смирновым]. Памятники древней письменности, т. CXXXIII, изд. ОЛДП, СПб., 1915.

* Сим. посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX вв. Изд. П. К. Симони по рукописи сборника Архива Мин. ин. дел, № 259, XVII в. Сборник ОРЯС, т. 66, СПб., 1900.

Сл. АН — Словарь русского языка Академии Наук, т. IV, вып. 5, СПб., 1911; т. V, вып. 1, СПб., 1906—1907.

* Сл. о п. Иг. — Ал. Аф. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914.

Смт. — Акты 1610—1613 г. Смутное время Московского государства, вып. 3. Чтения ОИДР, кн. 4, М., 1915.

Соб. — А. И. Соболевский. Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. СПб., 1906.

Соб. Песни — Великорусские народные песни. Собрал проф. А. И. Соболевский, тт. I—VII СПб., 1895—1902.

Сок. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Ср. др. п. — И. И. Срезневский. Древнейшие памятники русского письма и языка СПб., 1898.

Срезн. — И. Н. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1890—1912.

Ст. Вр. — Статейный список Прокофия Вражского. 1611 г. Смутное время Московского государства. Чтения ОИДР, кн. 4, М., 1915.

Стгл. — Стоглав. Изд. 2-е, Казань, 1887.

Ст. П. — Житие Стефана Пермского (нач. XV в.), написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии по списку XVI в., СПб., 1897.

Ст. Тюф. — Статейный список посла в Персию кн. Тюфякина 1595—1598 гг. Труды Восточного отделения Русского археографического общества, т. XX, М., 1890.

* Счет Алф. Гол. — Счетное дело Романа Олферьева с П. Головиным 1583 г. Сборник Археологического института, кн. 6, СПб., 1898.

* Счет Алф. Зас. — Счетное дело Романа Алферьева с кн. Гр. Засекиным. Сборник Археологического института, кн. 6, СПб., 1898.

* Толоч. — Посольство стольника Толочанова в Имеретию 1650—1652 гг. Изд. М. А. Полиевктова, Тифлис, 1926.

Турец. — Описание Турецкого государства ок. 1675 г. [Изд. П. Сырку]. Православный палестинский Сборник, т. X, вып. 3, 1890.

Ул. Ал. Мих. — Соборное Уложение царя Алексея Михайловича. Изд. 1-е, М., 1649.

Уст. рат. д. — Устав ратных дел Онисима Михайлова, тт. I и II. [Изд. Рубана]. СПб., 1777.

Устюж. — Доклад из Устюжской чети. Чтения в Обществе истории древностей российских, 1913, т. IV.

Уч. Рати. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. В Москве, 1647.

Фл. Ек. — Флоринова економия в 9 книгах с немецкого на российский сокращенно переведенная С. Волчковым 1738 г. СПб., 1775.

Флор. с. — В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Сказание о Флорентийском соборе неизвестного суздальского боярина по рукописи XVI в. Киев, 1901.

* Фр. Ск. — Повесть о Фроле Скобееве. По неизвестному Тихонравовскому списку. Издала В. Ф. Покровская. Труды Отдела древней русской литературы Академии Наук СССР, т. I, Л., 1934.

* Хожд. Ст. Новг. — М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Хождение Стефана Новгородца. Памятники древнерусской литературы, Изд-во Академии Наук СССР, вып. 4, Л., 1934.

Хожд. Тр. Кор. — Хождение Трифона Коробейникова 1593—1594 гг. [Изд. Х. Лопарева]. Православный палестинский сборник, т. IX, вып. 3, СПб., 1899.

* Хоз. Мор. — Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. боярина Морозова. Изд. Историко-археографического инст. Академии Наук СССР, Л., 1933.

* Ц. Дин. — Повесть об иверской царевне Динаре. Памятники старинной литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко, вып. 1, СПб., 1860.

* Ц. Дин.[2] — То же по рукописи б. Синод. библ. № 356.

Челоб. солов. ин. — Н. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. III. М., 1875—1877.

Чин. Иоак. — Чиновник патриарха Иоакима 1674—1675 г. Составлено Афанасием. Временник ОИДР, т. XXIV. М., 1856.

Шемяк. — Повесть о суде Шемяки. Изд. ОЛДП, т. XXXVIII, М., 1879.

Шк. благочиние. — Школьное благочиние. [Изд. В. Буш]. Памятники старинного русского воспитания, Пгр., 1918.

Ю. Сок. — Ю. Соколов. „Поп и мужик". Изд-во „Academia", 1931.

RÉSUMÉ

Dans le présent ouvrage nous passons en revue les propositions conditionnelles et concessives du vieux russe (d'avant le XVIIIe s.). Les exemples sont empruntés aux monuments littéraires tels que annales, vies des saints, pélerinages, aux formules des actes juridiques aussi bien qu'au folklore et aux différents parlers.

Les propositions conditionnelles, tout en marquant un rapport permanent entre deux phénomènes, se distinguent des propositions franchement causales en ce que la condition indiquée par celles-là est généralement représentée par un fait non point réel, mais supposé.

Cette distinction n'est cependant qu'un résultat d'évolution ultérieure, tandis que d'abord les propositions conditionnelles faisaient partie d'un ensemble confus embrassant aussi bien les propositions causales conditionnelles que celles formulant des rapports dans le temps ou bien opposant des objets ou phénomènes les uns aux autres sous un rapport quelconque etc.

On trouve tant dans la langue écrite que dans les parlers des marques probantes de l'emploi primitivement non différencié des tous ces groupes de propositions. Ainsi, les conjonctions qui introduisent les propositions conditionnelles (par ex. *аще*) peuvent-elles servir de même à introduire des propositions qui au lieu d'une condition suivie de sa conséquence concernent une cause avec sa conséquence ou bien un rapport permanent reliant deux phénomènes dans le temps. La conjonction *аще* relie aussi parfois deux propositions exprimant un contraste entre deux objets ou concepts.

Les propositions concessives dérivées des propositions limitatives et d'antithèse sont un cas particulier de la proposition conditionnelle, signalant que malgré la condition remplie le résultat fait défaut.

Dans la langue écrite (vieux russe et vieux slave) la conjonction de propositions conditionnelles (*аще*) sert en même temps pour les concessives.

Le rattachement d'une proposition aux autres sans aide de conjonctions est la forme primordiale de leur groupement; la subordination se développe ensuite à partir de la coordination.

Les termes de „parataxis" et d'„hypotaxis" reçus dans la littérature scientifique n'embrassent point la totalité des liens d'ordre logique ou formel qui existent entre les parties d'une proposition composée. En conséquence, ces termes ne sauraient être acceptés qu'en leur sens restreint et de pure convention, à savoir: celui de „parataxis" comme signifiant un groupement de coordination formé ou bien sans se servir de conjonctions ou bien à l'aide de conjonctions copulatives et corrélatives; celui d'„hypotaxis" — un groupement de subordination formé à l'aide de conjonctions spéciales entrant dans la première des propositions réunies.

Le fait que la juxtaposition effectuée sans recours à l'aide de conjonctions représente une forme plus ancienne est attesté par sa connexion plus étroite avec la structure plus primitive, où la proposition conditionnelle subordonnée ne se distinguait point dans sa forme de la proposition interrogative. La coordination qui ne se sert pas de conjonctions, inconnue ou peu s'en faut dans la langue littéraire développée, est largement usitée dans le parler populaire.

Dans le folklore elle figure principalement et mieux qu'ailleurs dans les proverbes. Dans la langue écrite de la littérature russe ancienne on la trouve presque exclusivement dans les monuments qui reflètent directement l'influence de la langue parlée familière et vivante.

Il est facile de reconnaître que quelques-unes des conjonctions conditionnelles (*буде, естьли — если*) n'ont été à l'origine que des membres indispensables de la construction principale. Il faut considérer comme normale la structure de la période conditionnelle où la condition tenait la première place, c'est-à-dire qu'elle était énoncée avant la conséquence. L'ordre inverse n'apparaît que plus tard. Il est relativement rare.

Il est à reconnaître également que l'inclusion de la conjonction copulative ou corrélative dans la proposition de conséquence formait la première étape d'un processus compliqué de transformation de la construction qui n'a pas recours aux conjonctions en subordination marquée par les conjonctions de subordination.

Certes, il n'y a point eu de rapport entre la formation de cette structure nouvelle et l'emploi des conjonctions *и* (= et) *а, но* (= mais), *да* (= ainsi que) au commencement de la période conditionnelle. Les conjonctions ne servaient ici qu'à réaliser le simple rattachement de la période conditionnelle au texte précédent.

Les conjonctions copulatives et corrélatives agissent toujours sur ce qui les précède, de sorte qu'une conjonction associe la proposition qu'elle suit à l'action d'une proposition qui commence après elle. La liaison logique de subordination dans la structure typique „condition — conséquence" s'effectue d'abord par une conjonction copulative ordinaire: *и* (= et), *а, но* (= mais), *да* (= ainsi que) qu'on trouve déjà dans les propositions „conjointes". Plus tard ce sont les pronoms et les adverbes qui faisaient originairement partie de la seconde proposition (tels sont: *ино* (= donc), *то* (= ce, ceci), *так* (= si, ainsi) et plus rarement — *тогда* (= alors) qui assument la fonction de pareils indices de subordination de la proposition précédente.

L'argumentation qui nous fait reconnaître aux conjonctions corrélatives un rôle aussi important dans la formation de la subordination est basée en plus des considérations générales sur des données fournies présentées par la vieile langue écrite et par les parlers, à savoir:

1) L'emploi des conjonctions corrélatives à titre d'unique signe de subordination de la première proposition est très répandu dans le folklore et les parlers tout en restant à peu près inconnu dans la langue littéraire.

2) Dans la construction à conjonctions de subordination les conjonctions corrélatives commencent à disparaître peu à peu (assez lentement d'ailleurs).

Il importe de noter le parallélisme qui existe entre le développement des propositions composées en vieux russe et en vieux haut-allemand, où la présence continuelle d'un pronom ou article démonstratif dans la proposition principale est attestée par des recherches spéciales sur la construction *ἀπὸ κοινοῦ*.

L'analyse de la manière dont on emploie les conjonctions *и, а, ино, то, так* qui coordonnent des propositions indépendantes fait voir une

orientation qui leur est propre à titre permanent, tendant à incorporer la proposition précédente dans l'action de la suivante (d'une façon complètement analogue au rôle de l'article postpositif). C'est de là que part le développement de leur fonction qui consiste à marquer la conclusion, tirée de la proposition précédente (cela porte surtout sur les conjonctions proprement corrélatives, telles que *ино*, *то*, *так*).

La formation de conjonctions spéciales de subordination dans la première proposition résulte d'un relâchement ultérieur de l'intégrité structurale de la première proposition. A mesure que la deuxième proposition où s'incorpore la conjonction corrélative devient plus expressive, la première proposition, déjà déformée par l'inversion et l'intonation spéciale, propre aux propositions interrogatives, formellement toujours inachevées du fait de la réponse qui reste à attendre, perd de plus en plus en indépendance.

Le verbe auxiliaire de la première proposition perd sa fonction dans la construction, mais sa place traditionnelle dans cette proposition lui fait conserver dans la suite le rôle d'un indice formel signalant la subordination de la première proposition à la 2-me et rapport logique de condition à effet qui les rattache.

Quelques exemples peuvent servir à illustrer cette évolution procédant de la coordination formée sans aide de conjonction à la subordination exprimée par des conjonctions:

1. Загорѣлась душа — бѣжи до ковша „Ton âme s'enflamme-t-elle (=la soif te brûle-t-elle) — cours chercher un puisoir" (=cours à la source) (inversion et intonation).

2. Изопьем вина — то прибудетъ ума 'Aurons-nous bu du vin, alors notre esprit va se fortifier' (conjonction corrélative).

3. А есть тебѣ мила шея твоя и ты поѣдь до Тира 'Est-ce que tu tiens à ton cou (=si tu tiens à ton cou=à ta vie) — va donc (conj. *и*) jusqu'à Tyr (conjonction de condition *естьли*=verbe auxiliaire+conjonction corrélative).

4. Естлибъ на горохъ не морозъ, онъ бы давно черезъ тынъ переросль 'Si le froid n'avait pas frappé les pois, ils auraient poussé plus haut que la palissade' (rien qu'une conjonction de subordination).

La conjonction *буде*(*т*) (=serait-il que...) se forme de la copule verbale lorsque dans les constructions conditionnelles la signification portant sur le temps vient à s'affaiblir. Employé comme auxiliaire pour former le temps composé du futurum exactum, le verbe *будет* (=sera) pouvait exprimer aussi la subordination conditionnelle, puisque ce temps (futurum exactum) est un futur anticipatif. C'est du parler familier que la forme apocopée *буде* (au lieu de *будет*) a été transférée dans la langue littéraire. En littérature on la rencontre surtout dans les monuments de la langue juridique.

On parvient à éclaircir la genèse des conjonctions *аче* et *аще* (cette dernière empruntée au vieux slave) en les rapprochant de la conjonction *хотя* qui subordonne les propositions concessives.

Ce qui rend possible qu'un verbe qui deviendra plus tard une conjonction subordonnant les propositions conditionnelles traduit primordialement, quant à sa valeur sémantique, un désir, c'est, entre autres, le rôle important que les verbes exprimant le désir ou l'intention jouent à la formation des formes composées du futur.

Ceci, du reste, n'a pas trait qu'à la seule langue russe. (*Хо*)*щѫ* est un verbe auxiliaire, ordinairement employé dans le bulgare moderne et dans le vieux russe qui signifie à peu près la même chose que le verbe *буду*.

Dans la langue serbe également les formes verbales *ћу, ћеш*... sont employées pour former le futur composé. Nous trouvons aussi dans la langue serbe une conjonction de condition qui correspond à la conjonction russe *аче* (*аще*), — c'est la conjonction *аће* (l'ancienne orthographe serbe — ake). La conjonction *аще* (*аче, аће*) n'est donc autre chose qu'un *а* + (*хо*)*че*(*т*), où *а* est une conjonction, employée fort souvent au commencement de périodes conditionnelles, aussi bien que de propositions indépendantes. Cette analyse nous permet de comprendre la construction très particulière, formée par deux propositions conditionnelles dont la seconde n'est qu'une simple négation de celle qui la précède. Dans le vieux slave aussi bien que dans le vieux russe on n'énonce pas d'ordinaire dans ce cas la négation sans répéter davantage le prédicat de la première proposition tandis que la seconde commence par *аще ли, ...то* etc.

Il paraît que les propositions de ce genre servaient tout d'abord à exprimer non point une négation, mais une alternative: *хочешь*... (= *аще*) — то..., *а хочешь*... (= *аще ли*) — то...

La conjonction *ес*(*ть*)*ли* est formée d'une façon entièrement analogue à ce que nous avons dit sur la conjonction *буде* — ayant pour base un verbe auxiliaire.

La conjonction *ли* (particule interrogative) ne s'emploie que dans des cas plutôt rares et que dans les monuments les plus anciens, pour exprimer franchement la signification conditionnelle. Elle se rencontre parfois associée aus conjonctions *и, а, но*. Quant à son origine, elle est toute pareille à celle de la conjonction *аще*. Le rapprochement admis en linguistique comparée du *vel* latin (< *volo*) doit être complété par la remarque que la particule conjonctive serbe *вола* et le vieux russe *воле* figurent dans le sens partitif et concessif. La conjonction *ли* peut donc bien dériver de la 3-me p. du sing. des verbes de la série sémantique *велѣть* — (*из*)*волить*.

La conjonction *аже* tient d'un autre type de formation des conjonctions. La conjonction *а* et la particule renforçatrice *же*, qui rattachaient toute la période conditionnelle au texte précédent, deviennent, à force d'y servir sans cesse, des signes formels de subordination. La conjonction *аже* s'employait surtout dans la langue officielle et d'affaires.

Оже(*ли*) (vieux russe) et *еже* (*ли*) (vieux bulgaire) sont des formes parallèles du pronom relatif *иже*. L'emploi de ces locutions dans les propositions conditionnelles reflète l'étape du développement de la proposition composée, où les pronoms relatifs et les adverbes relatifs se réduisaient à des marques de subordination quelconque, sans égard au caractère du rapport logique entre les deux propositions. On rencontre la conjonction *оже* dans les monuments les plus anciens, tandis que *еже*, dans la langue écrite, n'apparaît guère avant le XVe s. et se présente d'abord sans la particule *ли*. On rencontre la forme *ежели* plus tard et surtout dans la littérature de haut style. Au commencement du XVIII s. dans la langue de Pierre 1-er cette forme arrive à être la presqu'unique conjonction de condition en usage, tout en restant à peu près inconnue dans les parlers. L'explication de la provenance de *ежели*, résultant de l'addition, en quelque sorte mécanique, *есть* + *же* + *ли*, adoptée dans la littérature spéciale, ne se confirme pas par les données du vieux russe.

Les conjonctions *коли, как, когда*, connues d'abord en titre de conjonctions de subordination de propositions portant sur des rapports dans le temps, en sont arrivées à être employées dans la construction conditionnelle, grâce aux rapports étroits qui existent entre les propositions de temps et celles de condition. Elles se présentent d'abord en qualité d'adverbes dans les

propositions simples indépendantes, qui se sont transformées plus tard en propositions subordonnées et servaient à marquer la signification interrogative de ces dernières. Dans le vieux russe, en langue écrite, on les rencontre surtout dans les propositions qui tiennent une place intermédiaire entre les temporelles et les conditionnelles. Elles restaient toujours plus ou moins étrangères à la langue de la classe dominante de la société féodale. Si, dans le folklore et dans les parlers, on trouve ces formes dans de larges proportions, la langue écrite ne les présente avant le XVIIIe s. que plutôt rarement et alors d'ordinaire à côté d'autres traits lexiques propres en particulier à la langue des classes opprimées de la société.

Employées dans la proposition indépendante, les conjonctions de limitation et de condition *только, разве, нечто* servaient à marquer l'interrogation ou la limitation (de lieu et de temps). L'adverbe *только* reçoit dans la langue de quelques auteurs la signification d'une conjonction de condition ordinaire, mais acquiert en outre le sens supplementaire de condition unique de la réalisation de la conséquence. L'adverbe *разве* et surtout l'adverbe *нечто* n'assument pas la signification de conjonction de condition dans l'acception rigoureuse du terme. Dans la langue écrite on ne les trouve que rarement et de préférence dans les textes officiels.

La conjonction *хотя* est représentée dans les propositions concessives par une quantité de variantes phonétiques: *хоти, хоть, хошь, хоша, хочь*, dont la plus claire est celle de *хошь* (la 2-me p. du sing.) qui marque un état de transition entre le verbe employé comme prédicat dans une proposition conditionnelle et la conjonction.

Exemple: *хошь* утопись, *хошь* удавись, никто по тебе не потужит 'veux tu bien te noyer, *veux* tu bien t'étrangler, personne ne se donnera la peine de te pleurer' (= Tu auras beau te noyer, tu auras beau t'étrangler, etc.).

La forme *хоти — хоть* est un impératif. Au point de vue de la sémantique, son emploi s'explique par sa provenance d'un optatif. Or, l'optatif sert fort souvent à exprimer le dessein. On peut bien le rapprocher du *choć* polonais.

La forme *хотя* est ordinairement rapportée aux participes. On peut cependant aussi bien la mettre en rapport avec la 3-me p. du pluriel présent de l'indicatif. Quant à la forme polonaise *chocia* qui au premier abord paraît y correspondre, il est à reconnaître qu'elle ne saurait être rapprochée d'aucun particile russe, sauf, peut-être, de quelques formes aussi rares que „река, мога", dont la provenance attend encore son explication.

La forme *хоша* est une contamination de *хоть* et *хотя*.

La conjonction *хотя* se rencontre dès les plus anciens monuments de la langue russe („Русская Правда"), mais elle n'est devenue d'usage général qu'au temps où nombre d'autres traits du vocabulaire vieux bulgare cédèrent leur place aux éléments correspondants du russe. Mais, d'ordinaire, c'est la conjonction *аще* qui sert à subordonner les propositions concessives dans la langue écrite vieux-russe (du moins, dans les monuments qui n'ont pas subi l'influence de la langue officielle). Dans quelques monuments du XVIIe s. la forme *аще* prend même le caractère de conjonction exclusivement concessive.

La conjonction *хотя* est fort usitée dans les parlers, mais de préférence en d'autres variantes phonétiques, telles que *хоть, хошь*.

L'aperçu que nous donnons des conjonctions de condition et de concession nous permet de préciser deux voies principales typiques dans lesquelles s'effectuait la formation des conjonctions spéciales de subordination, à savoir:

1) Transformation en conjonction du verbe auxiliaire ou semi-auxiliaire de la proposition subordonnée (telles sont *аще — аче, буде, если, ли, хотя*).

2) Transformation en conjonction des adverbes mettant en relief le caractère interrogatif de la proposition (telles sont *коли, как, когда*).

Ces deux modes de formation des conjonctions se ressemblent toutefois en ce que les conjonctions y sont étroitement liées dans leurs premiers stades de développement avec l'expression des relations temporelles.

Sous ce rapport le sens primordial des conjonctions *коли, как, когда* ne diffère pas beaucoup de celui des conjonctions *буде, если, хотя, аще*, vue que le verbe *хотеть* (> conj. *аще, хотя*) est un des semi-auxiliaires usuels, dont on se sert pour former le futur composé.

Les conjonctions du premier genre ou d'origine verbale sont largement répandues dans la langue écrite du vieux russe. Les conjonctions dérivées des adverbes ne s'y infiltrent presque jamais avant le XVIIIe s. C'est pourquoi il faut considérer que le premier genre de conjonctions s'est formé dans la langue des groupes sociaux qui constituaient la classe dominante de la société féodale. Les conjonctions de provenance adverbiale ont été créées, au contraire, par la langue populaire.

Les conjonctions de la première catégorie nous font entrevoir un processus plus long et plus compliqué par lequel s'effectuait la transformation des constructions paratactiques (asyndeton) primitives.

Les conjonctions de la deuxième catégorie, dans bien des cas, n'ont pas encore rompu avec l'ancienne construction paratactique et, tout en remplissant la fonction d'indices formels de subordination, conservent toujours leur sens primordial d'indicateur de la situation du phénomène ou de l'action dans le temps (telles sont les conjonctions *коли, как, когда* et, notamment, *только, разве, нечто*).

Cette observation généralisée s'accorde pleinement avec le fait que la parataxe est considérablement répandue dans les parlers ruraux, tandis que dans la langue littéraire elle se rencontre à peine.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Условные предложения 5
Бессоюзное соединение предложений 7
Соединительные и соотносительные союзы 14
Союз *и* . . . . . .
Союз *а* 23
Союз *ино* 24
Союз *так* 28
Союз *то* 32
Подчинительные союзы условных предложений 39
Союз *буде(т)* 40
Союз *аче* 51
Союз *оче* 52
Союз *аще* 52
Союз *ес(ть)ли* 64
Союз *ли* 72
Союз *аже* (*ажь*) 78
Союз *оже* 81
Союз *еже(ли)* 83
Союз *коли* (*коль*) 89
Союзы *как, как бы* (*кабы*) 96
Союзы *когда* (*бы*) и *егда* (*бы*) 101
Союз *только* 105
Союз *разве* 111
Союз *нечто* 113
Уступительные предложения 115
Союз *хотя* 115
Заключение 128
Список сокращений 132
Résumé 138

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 7 мая 1941 г. РИСО № 1182—599
М 54257. Объем 9 печ. л. 12,64 уч.-изд. л. 57024 зн. в печ. л. Тираж 1000 экз. Цена книги 13 руб.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 1212.

21320

Ак. Р.
4373.

Цена 13 руб.

52-53г.